

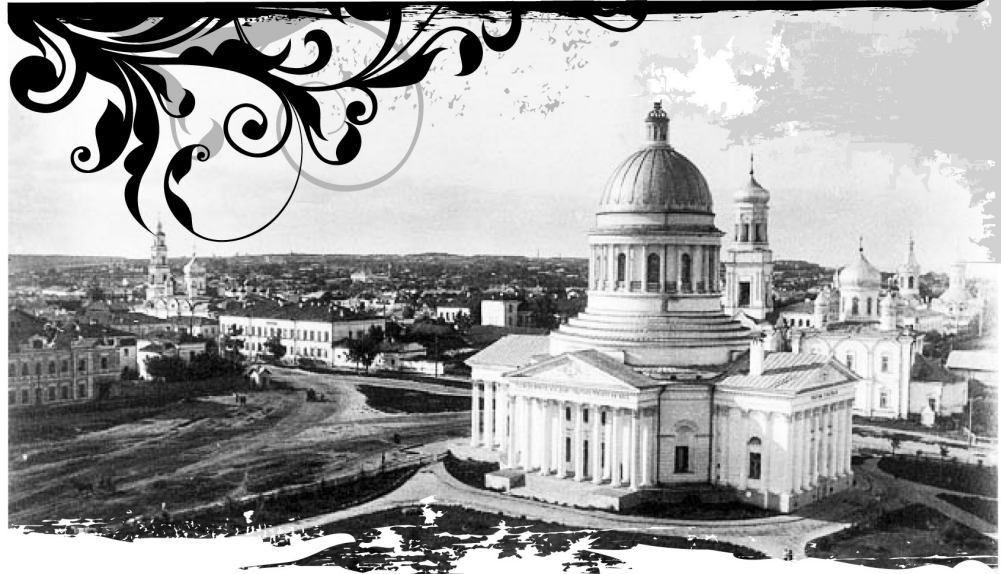

СИМБИРСКЪ

№4 (58)
АПРЕЛЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Александра Белова
Ольга Даранова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев
Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 20.04.2018 г.
Дата выхода 27.04.2018 г.
Тираж 700 экз. Заказ №86.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая, 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИМБИРСКЪ» №4 (58), 2018

Издание зарегистрировано Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.
Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректор – Ксения Нечаева.

На обложке: фото <https://pixabay.com/>

И все-таки весна настала..

Литературное наследие

Александр Иевлев. Я не забыл тебя, далекий,
но сердцу близкий городок.....4-6
Лариса Утина. Симбирский след в биографии
В. Соллогуба.....7-8
Лев Мнухин. Цветаева и Керенский.....9-14

С любовью ко всему родному

Геннадий Челноков. С.Т. Аксаков: «Происшествие,
мною рассказанное, действительный факт».....15-20

Дорога к храму

Николай Толстик. Брат во Христе. Рассказ.....21-24
Светлана Нефедова. Старец Иоанн (Кузнецкий).....25-27

Страна поэзия

Нина Ягодинцева. В малой горсточке тепла. Стихи.....28-33
Виктор Малахов. «Металирика» Елены Кувшинниковой.....34
Елена Кувшинникова. Пора ученичества. Стихи.....35-37
Игорь Калинин. Через сердце. Стихи.....38-40
Шафик Имамдинов. Весна просыпается. Стихи.....41-43
Лилия Юсупова. Моя стратегия – любовь. Стихи.....44-46
Галина Печеркина. Незабываемое, неповторяемое.
Отрывок из книги. (О творчестве А. Егупкина).....47-52

Ветер странствий

Валерий Кузнецов. По городам и музеям Европы:
Рогир ван дер Вейден.....53-59

Книжная полка

Ольга Даранова. Умейте домолчаться до стихов.
Мария Петровых.....60-65

Река воспоминаний

Александр Лукьянов. Расскажи мне, отец, о себе.....66-72

Молодые голоса

XV съезд Союза писателей России. Молодежная программа.....73-74
Артем Горшенин. В параллельной Вселенной. Стихи.....75-77
Алина Осокина. Счастливый билет. Рассказ.....78-81
Читка пьесы Галы Узрютовой.....82-83

Лукоморье

Ирек Гатаулин. Яблоки раздора. Сказка.....84-88

Юбилейный календарь.....89-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале [ulpravda.ru](http://pravda.ru). Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516
– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;
пр. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).
(цена на 6 мес. – 348,00 руб.)

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107
(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье» (тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»
и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно
проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность представленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

И ВСЕ-ТАКИ ВЕСНА НАСТАЛА...

Апрельский номер журнала «Симбирскъ» предлагает читателям стихи и прозу, рассказы о художниках, литературоведческие статьи и страницы, адресованные детям.

В рубрике «Литературное наследие» читайте статью краеведа Александра Иевлева о забытом поэте К. Кореневе. В биографии писателя Владимира Соллогуба есть симбирский след, об этом рассказывает Лариса Утина. В апреле исполнилось 80 лет Льву Мнухину, московскому литературоведу, исследователю творчества Марины Цветаевой. Читайте статью Льва Мнухина «Цветаева и Керенский». Думается, эта публикация привлечет внимание многих читателей.

В разделе «С любовью ко всему родному» публикуем записки краеведа Геннадия Челнокова о Сергее Тимофеевиче Аксакове и его раннем очерке «Буран».

В рубрике «Дорога к храму» читайте рассказ вологодского писателя, священника Николая Толстикова «Брат во Христе». Светлана Нефедова рассказывает о старце Иоанне Кузнецком, который родился в Симбирской губернии (в селе Никитино ныне Николаевского района), а подвизался в служении в г. Кузнецке Пензенской области.

Гость журнала – поэт из г. Челябинска, член Союза писателей России Нина Ягодинцева. Публикуем подборку стихов «В малой горсточке тепла».

...И уже невозможно не стать счастливой
В этом свете спасительном, в этой мукe –
Зеленеющей, солнцем облитой ивой
Над высокой водой на крутой излучке.

В разделе «Страна поэзия» читайте стихи Елены Кувшинниковой, Игоря Калинина, Лилии Юсуповой, а также поэтическую подборку из новой книги Шафика Иматдинова «Своей дорогой иду» (перевод Александра Лайкова).

Галина Печеркина – журналист, жена известного художника Аркадия Егуткина, написала автобиографическую книгу «Незабываемое, неповторяемое». Публикуем главу, посвященную израильскому периоду творчества Аркадия Ефимовича Егуткина. На цветной

вкладке – репродукции картин художника. В следующих номерах журнала продолжим публикацию отрывков из книги Г. Печеркиной.

В путешествие по городам и музеям Европы нас приглашает историк и поэт, постоянный автор журнала Валерий Кузнецов. Он делится своим впечатлением от картин художника Рогира ван дер Вейдена.

Продолжаем публикацию статей из цикла «Голоса из хора. Русская поэзия XX века». На этот раз Ольга Даранова рассказывает о поэте Марии Петровых.

В рубрике «Река воспоминаний» публикуем автобиографический очерк Александра Лукьянова (Таллин) об отце, уроженце Базарного Сызгана Ульяновской области.

По традиции уделяем внимание творчеству молодых литераторов. На страницах журнала рассказываем об участии ульяновских поэтов в молодежной программе XV съезда Союза писателей России. Публикуем рассказ Алины Осокиной и подборку стихов Артема Горшенина.

В марте состоялся театральный фестиваль «Лицедей-2018», в специальной программе была и читка пьесы молодого драматурга Галы Узрютовой. Об этом – заметки Киры Бюровой.

Детям адресована рубрика «Лукоморье», прочитайте вместе с детьми сказку Ирека Гатаулина «Яблоки раздора».

Завершает номер «Юбилейный календарь», подготовленный поэтом и краеведом Николаем Маряниным.

«И все-таки весна настала,
с пасхальной радостью пришла.
Сквозь все преграды,
все завалы звучат ее колокола!».

Журнал «Симбирскъ» продолжает объединять творческие силы нашего края. Радует, что появляются новые талантливые авторы, новые заинтересованные читатели. Всем добра и света!

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ

Александр ИЕВЛЕВ

Я НЕ ЗАБЫЛ ТЕБЯ, ДАЛЕКИЙ, НО СЕРДЦУ БЛИЗКИЙ ГОРОДОК

Творчество симбирского поэта-чиновника
К.И. Коренева.

Я не забыл тебя, далекий
Но сердцу близкий городок!
И Волги берег твой высокий,
И тротуары из досок..
Твои пастушеские нравы,
Стада баранов и коров;
Весной чрез лужи переправы,
Зимой-бугры твоих снегов!
Главу блестящую собора,
Уютных домиков ряды,

А там, по склону косогора,
Твои фруктовые сады.
Твой тарантас шестиаршинный,
Костюм мордвы, чуваш, татар.
И чисто русский быт старинный
Твоих приветливых бояр.
Жилец роскошный днесь столицы,
Где воду невскую лишь пью,
Забуду-ль я твоей водицы,
Хлеб-соль радушную твою?

Автором этого замечательного стихотворения является Константин Иванович Коренев, долгое время служивший в Симбирске. Информацию о том, что он является автором этого стихотворения, приводит симбирский краевед П.Л. Мартынов в своей книге «Симбирск за 250 лет его существования» (которое ему было передано Симбирским старожилом А.П. Грневым, кому К.И. Коренев прислал его из Петербурга).¹

Родился К.И. Коренев в 1799 году в Ярославле² в семье отставного капитана, губернского землемера (автора атласа Ярославской губернии в 1799 г.) коллежского асессора Коренева Ивана Степановича (в 1821³ – 1829⁴ гг. коллежский советник, председатель Симбирской гражданской палаты – кавалер орд. св. Анны 2 ст. 1812 г. Ярославль и Вл. 4 ст. (1825 г., Симбирск) и его жены Марии Николаевны.

После окончания Ярославского Демидовского высших наук училища в 1815 году Коренев К.И. в чине коллежского регистратора поступил на государственную службу на должность землемера Мышкинского уездного суда Ярославской губернии.⁵ С 1818 года губернский секретарь⁶, а с 1821 года в чине коллежского секретаря землемер Буйского земского суда Костромской губернии⁷. В период с 1832 – 1842 г. заседатель Симбирской гражданской палаты в чине титулярного советника⁸, а с 1842 – 1843 г. коллежский асессор – секретарь той же палаты.⁹ После непродолжительной службы в С.-Петербурге помощником столоначальника таможи (с декабря 1843 г. по октябрь 1844 г.)¹⁰ был переведен в Тамбовскую губернию, где продолжил службу чиновником по особым поручениям при губернаторе в чине коллежского асессора¹¹ вплоть до своей отставки (в списках чиновников Российской империи на декабрь 1847 года он уже не числится). Сведения о дальнейшей судьбе Коренева К.И. не известны.

Из литературного наследия Коренева К.И. известны четыре его стихотворения, которые были опубликованы в начале 40-х годов: «Дума на Волге» и «Ворон» во 2-м томе сборника Смирдина А.Ф. «Русская беседа» в 1841 году.¹² Одно «Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?» в «Утренней заре»¹³ в 1842 году и одно «Воспоминание», посвященное городу Симбирску в «Отечественных записках»¹⁴ в 1844 году. Его современники, отмечая несомненно талант автора, особо выделяли при этом два его последних стихотворения. Критик В.Г. Белинский в рецензии на альманах «Утренняя заря» на 1842 год в числе трех особо замечательно значимых отметил три стихотворения «Любовь мертвеца» М.Ю. Лермонтова, «Ты ль это, Ма-

шенька? Тебя ли вижу я?» К.И. Коренева и «Дорожная дума» кн. П.А. Вяземского, указав, что стихотворение Коренева К.И. отличается «особенною наивною грациозностию формы».¹⁵

Ты ль это, Машенька? Тебя ли вижу я?
Ты ль это милое, воздушное творенье,
Которым так полна была душа моя?
О боги! что за превращенье!
Где ж эта светлая эмаль твоих очей?
Где стройный, гибкий стан Психеи?
Где музыкальная пленительность речей?
Где все поэзии затеи?
Где эта милая бывшая простота,
Что так пленяла нас заманчивой уловкой?
Где живость резвая, любезность, острота?
Где Маша прежняя с кудрявою головкой?
Ах, Марья Павловна! Какой волшебник злой
Провел вам на челе угрюмые морщины?
Как скоро стали вы помещицей простой,
Уездной барыней из маленькой ундины!
Ах, Марья Павловна! Не верится все мне...
Представить не могу... да полно, это вы ли?
Бывало, вы цветы любили на окне –
А ныне там стоят с наливками бутылки.

Судя по содержанию первые два стихотворения были им написаны в период с 1815 – 1818 г. во время его службы в Ярославской губернии под влиянием влюбленности в некую Марью Павловну. Неизвестно, когда стихотворение «Воспоминание» появилось в Симбирске: после опубликования в литературном журнале «Отечественные записки» или после выхода сборника Н.В. Гербеля «Хрестоматия для всех, русские поэты в биографиях»¹⁶, но в рукописном варианте оно переписывалось симбирянами и пользовалось большой популярностью среди симбирского интеллигенции. В музее-заповеднике В.И. Ленина хранится конвертик, нарисованный Анной сестрой В.И. Ленина с надписью «Моему милому папе», в который были вложены странички с переписанным стихотворением симбирского поэта К. Коренева. Если не считать стихи «Песни пленного шведа с Симбирской горы» старшего лейтенанта шведской армии Георга Генриха фон Борнемана 1710 – 1711 гг.¹⁷ и «СТАНС ГРАДУ СИНБИРСКУ НА ПУГАЧЕВА»¹⁸ Сумарокова А.П., то можно сказать это было первое такое яркое и живописное стихотворение, посвященное городу Симбирску из написанных русскими поэтами до начала второй половины XIX века. В Симбирске это стихотворение под названием «Город Симбирск» было опубликовано и в Памятной книжке и адрес-календаре Симбирской губернии 1901 года.¹⁹

¹ П. Мартынов. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898, стр. 55

² ГАЯО. ф. 150. оп.1. том 3. дело. 93. лист. 2. Формулярный список надворного советника Ивана Степанова Коренева. 1893 г.

³ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества 1821 г. Христова ч. 2. в С. Петербурге при Императорской академии наук – стр. 355.

⁴ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества 1829 г. Христова ч. 2. в С. Петербурге при Императорской академии наук – стр. 306.

⁵ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат

Российской империи на лето от Рождества 1815 г. Христова ч. 2. в С.-Петербурге при Императорской Академии наук – стр.106.

⁶ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества 1818 г. ч. 2. в С.-Петербурге при Императорской академии наук – стр. 121.

⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1821 г. ч. 2. в С. Петербурге при Императорской академии наук – стр.126.

⁸ РГИА. Месяцеслов и общий штат Российской империи с 1833 – 1842 г. ч. 2. в С. Петербурге при Императорской академии наук. стр. 237, стр. 241, стр. 241, стр. 248, стр. 282, стр.

272, стр. 266, стр. 248, стр. 156, стр.160.

⁹ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1844 год. [В 2-х ч.]. – СПб.: Имп. академия наук, 1844. стр. 135. стр. 135.

¹⁰ Адрес-календарь С. Петербуржских жителей. т. 1. Указатель г. С. Петербурга. С.-Петербург. В тип. III отд. СОБ. Е. И. В. Канцелярии. 1844 г. – стр. 381.

¹¹ Адрес-календарь или Общий штат Российской империи на 1846 г. ч. 2. С. Петербург. При Императорской академии наук – стр.183.

¹² Русская Беседа. Собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А.Ф. Смирдина. т. 2. С.-Петербург. в тип. Императорской академии наук 1841 г. стр. 30, стр. 35.

¹³ Утренняя заря. Альманах на 1842 год. СПб. В Тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842 г. – 372 стр.

¹⁴ Отечественные записки. Учено-литературный журнал 1844 г., издаваемый Андреем Краевским. Г. 46. т. 33. (№3-4) С.-Петербург. 1844 г. – стр. 447 (443). РНБ.

¹⁵ Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. т. 5. Статьи и рецензии (1841 – 1844). М., издательство академии наук СССР, 1954 г. – стр. 590.

¹⁶ Гербель Н.В. Русские поэты в биографиях и образцах. С. Петербург. 1873 г. стр. 478.

¹⁷ Гуркин В.А. Первый симбирский поэт. <http://archeo73.ru/index.htm>

¹⁸ Сумароков А.П. Избранные произведения. Второе издание. г. Ленинград. Советский писатель, 1957 г. – стр.177-180. (Библиотека поэта).

¹⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии 1901 г. Симбирская губернская тип. – стр. 29.

Лариса УТИНА

СИМБИРСКИЙ СЛЕД В БИОГРАФИИ В.А. СОЛЛОГУБА

Щедра на литературные таланты Симбирская губерния. Здесь творили многие замечательные писатели, среди них И.А. Гончаров, Д.В. Давыдов, И.И. Дмитриев, Д.Д. Минаев. Здесь родился Д.В. Григорьевич, находилось имение братьев Тургеневых. Здесь в детстве жил писатель В.А. Соллогуб.

В истории русской литературы немного имен, вызывавших при жизни и после смерти столь разногласные мнения, как имя графа Владимира Александровича Соллогуба. Он не вошел в блестящую плеяду русских писателей-классиков второй половины XIX века, но неизменно привлекает к себе внимание читателя как действительно хороший прозаик: то, что он сделал в самый плодотворный творческий период, не утратило своего художественного значения и сегодня.

Семье писателя Владимира Александровича Соллогуба в начале XIX века принадлежало село Никольское-на-Черемшане и окрестные деревни. Именно в этих краях были созданы некоторые главы повести Соллогуба «Тарантас (Путевые впечатления)». Современному читателю имя писателя практически неизвестно, а в середине XIX века его «Тарантас» гремел на всю Россию. В повести в форме путевых очерков даны острые зарисовки быта провинциальной России. Виссарион Григорьевич Белинский писал Александру Ивановичу Герцену: «Только три книги на Руси шли так страшно: «Мертвые души», «Тарантас» и

Соллогуб Владимир Александрович

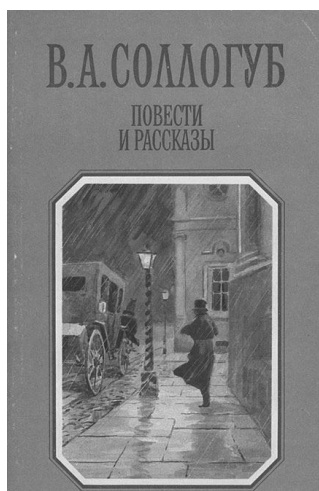
«Петербургский сборник»¹.

В сентябре 2015 года в селе Никольское-на-Черемшане Мелекесского района был открыт памятник тарантасу. Скульптура «Тарантас» хотя и имеет реалистичный вид, но под ней подразумевается не тарантас как средство передвижения, а повесть русского писателя Владимира Соллогуба.

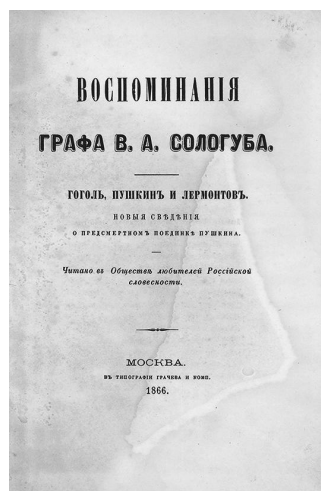
Село Никольское-на-Черемшане, возникшее в 50-х годах XVII столетия, в середине XVIII века перешло в руки известного поволжского миллионера И.Б. Твердышева. Симбирский старожил, человек широкого размаха, Твердышев прославился открытием медных и железных руд в Оренбургской губернии. Он построил в Никольском огромную усадьбу с каменными флигелями, манежем, с садом-парком и прекрасными оранжереями. Никольское стало центром усадебной культуры, когда было собственностью богатого симбирского помещика Н.А. Дурасова.

В 1822 году Никольское-на-Черемшане и окрестные деревни приобрела графиня Софья Ивановна Соллогуб, мать писателя. В 1849 году по отдельному акту, составленному графиней, Никольское имение перешло во владение старшего сына, известного писателя Владимира Александровича. Семья приезжала в Никольское на лето. Управляющим огромного имения был Василий Ильич Григорьевич².

В 1853 году по желанию жены графа Софьи Ми-

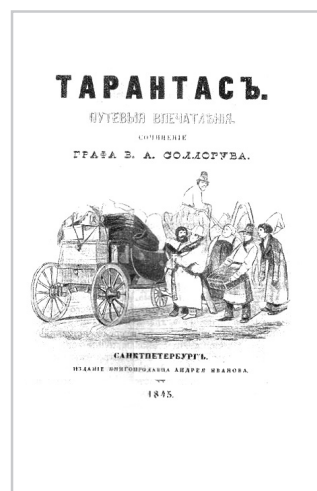
В.А. Соллогуб.
Повести и рассказы

Воспоминания графа
В.А. Соллогуба

В.А. Соллогуб.
Избранная проза

В.А. Соллогуб.
Тарантас, 1845

хайловны Соллогуб (урожденной Виельгорской) была открыта церковно-приходская школа. Помещалась она сначала в доме графа и содержалась от его вотчинной конторы. В 1866 году церковно-приходская школа была переведена из господского дома в церковную сторожку, где находилась до 1876 года.

Граф В.А. Соллогуб приезжал в Симбирск и с семьей, и по делам службы. В апреле 1838 года коллежскому секретарю В.А. Соллогубу было поручено сделать статистическое обозрение Симбирской губернии, описав ее производительные силы, предметы и ход промышленности и торговых оборотов³. Через год была и вторая командировка. А в 1849 году уже со своей семьей Владимир Александрович после того, как оставил службу, в течение года проживал в своем имении Никольское. Последний раз Соллогуб приезжал в Никольское летом 1881 года, незадолго до своей смерти.

О времени, проведенном графом в Симбирской губернии, можно судить по воспоминаниям Владимира Александровича, которые входят в золотой фонд русской мемуаристики. Соллогуб подробно описывает быт и нравы приволжского губернского города, впечатления от великой Волги и от матушкиного Никольского, о котором Соллогуб скажет, что оно сильно повлияло на его судьбу.

В Симбирск писатель приезжал вглядываться в провинциальную и народную жизнь, чтобы потом отразить ее в своих сочинениях. О дворянах Симбирской губернии Соллогуб писал как об образованных,

влиятельных и богатых.

Сам Симбирск Соллогуб находил неблагообразным: «...» трудно вообразить себе что-нибудь грустнее и однообразнее его прямых, широких, песчаных улиц, окаймленных низенькими деревянными домиками и дощатыми тротуарами». Но панорама, открывавшаяся с Венца, его восхищала. «При такой картине душу, – пишет Соллогуб, – особенно душу русскую, охватывает чувство широкости и раздолья». «Эта местность называется «Венец», и лучше назвать ее нельзя». Соллогуба покорила великая река: «Волга трудится, Волга работает, Волга кормит. <...>

Соллогуб описывает пристань, которая являлась одним из центров торговой жизни: «...» Тут, на узкой грязной черте побережья, бесновался хаос. Стояли обозы с бочками и кулями. Обозчики кричали и бранились. Бабы-торговки пискливо предлагали свой товар. У кабачков толпились и раскрасневшиеся мужики, и отставные солдаты, и нищие, и изувеченные, и глазевшие, и ребятишки, и лошади, и волю, и всякая живность. В колорите мелькали татары в белых полярковых шляпах, мордвины и чуваша в длинных холщевых рубахах, расшитых разноцветными гарусами. Лодочники неотвязчиво предлагали свои услуги. Толстые подрядчики и вертлявые приказчики торговали без устали<...>.

Все произведения В.А. Соллогуба, в том числе «Воспоминания», можно перечитать, если заглянуть в известную в Рунете электронную библиотеку М. Мошкова (URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/).

¹ Белинский, В.Г. Письма (1841–1848) [Электронный ресурс] / В.Г. Белинский // URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3900.shtml.

² В 1822 году у него и его жены, Сидонии Ле-Дантю, родился сын Дмитрий, ставший впоследствии известным русским писателем. Будущий писатель прожил в Никольском до восьмилетнего возраста. Позже он напишет: «Я был на

Волге в первые годы моего детства. В памяти моей остались живописные холмы, леса и села, которые на протяжении многих верст смотрят в светлые благодатные волжские воды». Также в Никольское неоднократно приезжала к сестре Камилла Ле-Дантю – жена декабриста В.П. Ивашева.

³ ЦГИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 235.

Список литературы

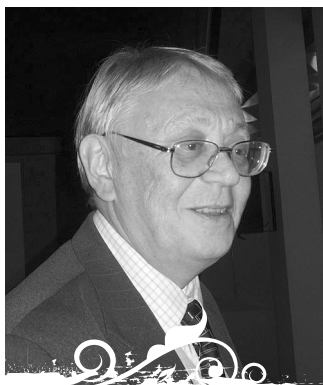
Говорим: «Тарантас», подразумеваем: «Соллогуб» // Симбирский курьер. – 2015. – 8 сент. – С. 2. – 1 фот.

Гундрова, О. Его сиятельство писатель Соллогуб / О. Гундрова // Дыхание земли. – 2010. – 21–27 июля. – С. 20. – 1 портр.

Кириллов, В. Жили-были... О Симбирске и симбирянах / В. Кириллов // Ульяновская правда. – 1992. – 11 марта.

Стеценко, А.И. Симбирск глазами современников. Воспоминания о Симбирске как исторический источник / А.И. Стеценко // Сытинские чтения (5; 2008; Ульяновск): материалы всероссийской научно-практической конференции «История и культура Поволжья в микроисторическом измерении». – Ульяновск, 2010. – С. 212–221.

«Счастье любви к Отечеству...» // Мономах. – 2005. – №1. – С. 25.

Лев МНУХИН (Москва) родился 9 апреля 1938 года, российский литературовед, историк литературы, библиофил и писатель, специалист по истории и литературе русского зарубежья. Автор более 200 публикаций (автор, составитель и один из авторов многотомных справочных изданий) и статей о жизни и творчестве М.И. Цветаевой, о поэтах Серебряного века и истории русской литературы XX века и истории русской эмиграции. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Кандидат технических наук.

ЦВЕТАЕВА И КЕРЕНСКИЙ

Поводом обращения к теме «Цветаева и Керенский» послужили две недавно опубликованные дарственные надписи Цветаевой, адресованные Керенскому. Сам факт существования этих инскриптов и их содержание побудили собрать разрозненный известный материал. По мере того, как выстраивалась хронология фактов, стало видно, что Керенский занимал хотя и небольшое, но прочное место в творческой биографии Цветаевой. На протяжении двадцати лет она неоднократно возвращалась к его личности.

Цветаеву, романтика по натуре, привлек образ деятеля, фигуры страстной и поэтической.¹ Великолепный оратор, бескорыстный юрист и защитник, ставший после Февральской революции военным и морским министром Временного правительства и практически его возглавившим, Керенский стал в глазах Цветаевой героем, романтиком, романтиком революции. Именно *романтиком революции* назовет его Цветаева спустя несколько лет.

Первым обращением Цветаевой к образу Керенского является стихотворение из «Лебединого стана» «И кто-то, упав на карту...», датированное 21 мая 1917 г., Троицыным днем:

И кто-то, упав на карту,
Не спит во сне.
Повеяло Бонапартом
В моей стране.

Кому-то гремят раскаты:
– Гряди, жених!
Летит молодой диктатор,
Как жаркий вихрь.

Глаза над улыбкой шалой –
Что ночь без звезд!
Горит на мундире впалом –
Солдатский крест.

Народы призвал к покою,
Смирил озноб –
И дышит, зажав рукою
Вселенский лоб.²

В день написания стихотворения и предшествующие ему дни Керенского не было в Москве. Новый министр совершал поездку по фронтам. Судя по содержанию стихотворения, где присутствуют черты внешнего облика Керенского, Цветаева видела его

раньше: «Глаза над улыбкой шалой...», «...на мундире впалом...», «Вселенский лоб...» Интересно привести здесь портрет Керенского, написанный Зинаидой Гиппиус до того, как она изменила к нему свое отношение, когда рухнули ее надежды на его участие в преобразовании России: «В Керенском было много привлекательного. С виду он напоминал немножко Пьеро, со своими волосами торчком, с большим носом и смешным, выразительным лицом. Главное – в нем была какая-то мальчишеская живость, скорость движений и, кажется, обманчивая – решительность. Но была в нем, увы, и женская истеричность».³ (По ее же воспоминаниям, Керенский в 1915 – 1916 гг. едва ли не чаще других бывал у Мережковских).⁴

Где и когда впервые увидела Цветаева Керенского, нам неизвестно. Возможно, стихотворение было написано по фотографиям, приведенным на газетных и журнальных страницах. Цветаева за событиями следила, газеты читала. Об этом свидетельствует, в частности, ее отсылка к газетам лета 1917 г. в примечании к стихотворению. Конкретно – к строкам: «Горит на мундире впалом – //Солдатский крест». Речь идет об эпизоде, описанном 21 мая 1917 года, в день написания стихотворения, в газете «Утро России» в заметке «Георгиевский крест А.Ф. Керенского». В заметке говорилось, что «гражданин солдат третьего кавказского инженерного парка Д.А. Виноградов, воодушевленный призывом министра к защите свободной России, сорвал со своей груди [Георгиевский крест 2-й степени – Л.М.] и передал министру в знак своей преданности и понимания долга». (Публикацию в газете разоскала и опубликовала Е.Б. Коркина).⁵

Известные на сегодняшний день комментарии к стихотворению дополним еще двумя. Первый относится к словам «Гряди, жених!». Разъяснение мы находим в воспоминаниях Бориса Лосского, который пишет, что в эти дни в столице появились «разговоры о якобы намерении Керенского бросить семью и сочетаться браком с актрисой Тиме».⁶ (Елизавета Тиме, в то время двадцатидевятилетняя артистка Александрейского театра). Второй комментарий связан с именем Бонапарта, а именно с одной внешней деталью, помимо, конечно, имевшего место ассоциативного сходства в восприятии Цветаевой двух деятелей как диктаторов, как выдающихся личностей своего времени. Об этой внешней детали позднее вспоминал сын Керенского, Глеб Александрович: «В прессе того времени часто появлялись насмешки по

поводу того, что отец все время держал правую руку за отворотами пиджака, что в глазах газетчиков придавало ему этакий наполеоновский вид. На самом же деле, у него было хроническое растяжение мышц кисти – результат бесчисленных рукопожатий».⁷

Рассмотренным стихотворением, позже названным Цветаевой «Диктатор»,⁸ не исчерпывается тема Керенского в «Лебедином стане». Следующее стихотворение, датированное 26 мая 1917 года:

Из строгого, стройного храма
Ты вышла на визг площадей...
– Свобода! – Прекрасная дама
Маркизов и русских князей.

Свершается страшная спевка, –
Обедня еще впереди!
– Свобода! – Гуляющая девка
На шалой солдатской груди!⁹

Написано, по всей вероятности, под впечатлением от митинга в Москве на Театральной площади 26 мая 1917 г. по случаю приезда Керенского и его выступления в Большом театре. Толпа на площади («визг площадей») восторженно встретила его при выходе из театра, вынесла на руках и усадила в автомобиль.¹⁰

Косвенным доказательством, связывающим стихотворение Цветаевой и событие на Театральной площади, помимо совпадения дат, может служить приписка к стихотворению, пересказывающая диалог между Цветаевой и Бальмонтом, где Бальмонт, выслушав стихотворение, возражает против презрения к девке («Потому что (блаженно-заведенные глаза) иная девка...»). В этот день Бальмонт выступал на концерте-митинге в честь приезда Керенского с чтением своих стихов. Цветаева могла его сопровождать.

Событиями 26 мая навеяно стихотворение Пастернака «Весенний дождь», где есть такие строки:

...В чьем это сердце вся кровь его – быстро
Хлынула к славе, схлынув со щек?
Вон она бьется: руки министра
Рты и аорты сжали в пучок.

Это не ночь, не дождь и не хором
Рвущееся: «Керенский, ура!»
Это слепящий выход на форум
Из катакомб, безысходных вчера...¹¹

В статье «Световой ливень» в главе «Пастернак и день» Цветаева отмечает это стихотворение как «достоверную примету» семнадцатого года. Выделив строки «В чьем это сердце вся кровь его быстро// Хлынула к славе, схлынув со щек?», она добавляет: «Я бы истолковала магией над молодостью слова: Энтузиазм, – отнюдь не политическим пристрастием».¹² Именно магию Керенского, а не его политические устремления склонна видеть Цветаева. Это вытекает не только из созданного ею самой образа Керенского, но и из отношения к революции. Тема «Цветаева и революция» – предмет отдельного серьезного исследования. Для более ясного понимания отношения Цветаевой к Керенскому обмолвимся лишь, что она революционными ожиданиями не обольщалась никогда, и тем летом 1917 года, когда Пастернак шел с революцией «в шаг» («вслушивался»),¹³ она называла происходящее «страшной спевкой», с последующей, еще более страшной, «обедней».

Свидетельствами о том, как Цветаева встретила падение Керенского и сопутствующий этому падению крах надежд русской интеллигенции, мы не располагаем. Смотри, например, такие отклики у Мандельштама («Когда октябрьский нам готовил временщик...»)¹⁴ или Гиппиус («Проклятой памяти безвольник...»)¹⁵. Судя по майскому стихотворению, Цветаева вряд ли видела Керенского победителем. Бессилие и отчаяние героя стихотворения явно не располагали к оптимизму: шальная улыбка, впалый мундир, зажатый рукой лоб. «Повеяло Бонапартом» вовсе еще не означало, что Бонапарт есть. У Цветаевой есть лишь одна реплика на этот счет. В помете к стихотворению «Корнилов» от 4 декабря 1917 г., в котором Цветаева цитирует слова из августовского выступления генерала Корнилова на Московском совещании о необходимости навести порядок в разлагающейся армии, и которое кончается призывом генерала: «Не терять ни дня!// Должен солдат// Чистить коня...», – она пишет: «Я уже тогда поняла, что это: «Да, и солдат должен чистить своих лошадей!» [...] – куда дороже всего Керенского (как мы тогда говорили)».¹⁶ Это суждение Цветаевой вряд ли можно напрямую увязать с октябрьскими событиями 1917 г. и ролью в них Керенского, но следует заметить, что оно явилось вообще единственным дошедшим до нас, ее отрицательным высказыванием в адрес Керенского.

Новая страница отношений между Цветаевой и Керенским открылась в 1923 году в эмиграции. Цветаева в это время живет в Чехии, она – один из первых поэтов эмиграции, много печатается в различных изданиях. Керенский – общественный деятель, редактор ежедневной берлинской (позже – парижской) газеты «Дни», в октябре 1922 г. заменившей газету «Голос России». Однако если Цветаева к этому времени еще не успела испортить свои отношения с эмиграцией, то у Керенского они с самого начала отличались отчуждением со стороны эмигрантов первой волны. То обстоятельство, что он возглавлял газету, стоящую в ряду ведущих зарубежных газет сразу вслед за «Последними Новостями», рижской «Сегодня», берлинским «Рулем» («Возрождение» появится позже), мало что меняло в отношениях Керенского с эмиграцией.¹⁷ В течение многих лет и в Чехословакии, затем в Берлине и Париже Керенский, по словам его сына, жил «в сравнительной изоляции».¹⁸ Цветаева сама могла наблюдать абстракции, которые устраивались Керенскому в Праге и Париже во время его публичных выступлений. Трудно сказать, насколько более пристрастно после этого стала относиться Цветаева к Керенскому, добавило ли ему его новое положение в обществе притягательности в глазах Цветаевой. Несомненно лишь то, что, присутствуя при нападках на Керенского, она, следуя своему жизненному кредо, всегда была на его стороне, стороне побежденного и гонимого.

В 1923 г. Цветаева дарит Керенскому только что вышедшую отдельным изданием «Царь-Девуцу», сделала на ней надпись: «Дорогому Александру Федоровичу, дарю эту русскую сказку, в которой ничто не сладится. Марина Цветаева. Прага, 1923 год». Число и месяц не указаны. (При первой публикации автографа был ошибочно указан год: 1928 вместо 1923).¹⁹

Можно предположить, что книга была отправ-

лена адресату в январе 1923 г. (Речь идет о посылке книги, так как их личная встреча произойдет лишь через год). 4 февраля 1923 г. на страницах газеты «Дни» впервые появилось произведение Цветаевой. Это было стихотворение «Блудный сын» («И не плача зря...»), написанное еще в 1916 году и опубликованное ранее без названия в сборнике «Версты. I». В 1922 – 1923 годах Цветаева напечатала в различных изданиях целый ряд своих старых стихотворений.²⁰ Возможно, Цветаева отправила в газету вместе со своим стихотворением и свою книгу ее редактору. Если же верить письму Цветаевой к М.С. Цетлиной от 9 января 1923 года, где она сообщает, что все полученные от издательства экземпляры «Царь-Девицы» уже раздарены,²¹ то книга Керенскому вообще была подарена до 9 января. Речь, конечно, идет о берлинском издании «Царь-Девицы», вышедшем в издательстве «Эпоха». Московская «Царь-Девица», выпущенная Госиздатом, вышла из печати спустя несколько месяцев после отъезда Цветаевой за границу.²² Авторских экземпляров из Москвы она могла не получить. Во всяком случае, все известные на сегодня дарственные надписи на «Царь-Девице» сделаны на берлинских книгах.

Сотрудничество с газетой Керенского оказалось для Цветаевой плодотворным. За три с небольшим года, с февраля 1923-го по май 1926 года в «Днях» было опубликовано 32 стихотворения, в том числе циклы «Поэты», «Скифские», «Час души» и значительная часть дневниковой прозы: «Чердачное», «О Германии», «О любви». За отмеченный период «Дни» публиковали Цветаеву больше, чем любая другая газета, включая «Последние новости».²³ Позднее в Париже Цветаева довольно часто встречала Керенского в редакции его газеты.²⁴

Познакомились они 14 или 15 февраля 1924 года в Праге. «Познакомилась с Керенским – читал у нас два доклада. Вручила ему стихи – свои к нему (17 года) и пастернаковские. Взволновался, дошло», – сообщила она Гулю 30 марта 1924 г.²⁵ В целом же, как считала Цветаева, Керенский ее стихов не понимал. А спустя полтора года, от его просьбы почитать стихи, даже растерялась, не зная, что для него выбрать.²⁶

О приезде Керенского в Прагу было известно уже в январе. Анонимный автор газеты «Руль» 16 января в заметке «Модная таинственность» сетовал на то, что предстоящий приезд Керенского в Прагу «окружен тайной». Первое объявление о выступлении появилось в «Днях» 10 февраля. Выступление было намечено на 14 февраля в Сметановом зале Репрезентачного дома (чехи свою мэрию звали просто «Репре»). Тема доклада «Государство и народ в революции». Еще через два дня там же была объявлена программа выступления: 1. Развал старого государства, неизбежность переворота, психологическая к нему неподготовленность, взрыв. 2. Революция как продолжение анархии; борьба сил сцепления и распада в ее развитии. 3. Народовластие или диктатура? Трагедия фронта, Гражданская война. 4. Опыт революции в государственном строительстве будущего. Всего был предусмотрен один доклад, а не два, как пишет Цветаева. На следующий день после доклада должны были состояться прения по нему. К 12 февраля все билеты на оба дня в зал, вмещающий около 2000 человек, были проданы. Многие желающие так и

не смогли попасть в «Репре». Спустя неделю Е. Кускова писала по этому поводу: «Что это значит – эта активность и этот живой интерес? Два дня по 2000 человек. Неужели не ясно? Все перепробовано: интервенция, блокада, презрение, поругания, вмешательство иностранцев, слепые страсти, жгучая ненависть. Не было места только одному: разуму, размышлению [...]. И вот теперь [...] надо прежде всего понять».²⁷

Доклад 14 февраля длился четыре часа. Как отмечали «Дни» в хронике событий, оратор говорил «с присущим ему напором, биением кулака в грудь и топанием ногой по паркету». Доклад свой Керенский закончил уверением, что он никого и ничего не хочет оправдывать, что Февральская революция не нуждается в оправдании, и привел формулу Вильсона, которая вполне могла бы быть оценена Цветаевой: «Лучше потерпеть поражение в борьбе за дело, возрождение и победа которого несомненны, чем победить, борясь за дело, которое в будущем обречено на гибель».²⁸ Реакция присутствующих на выступление была неоднозначной. Более показательным был вечер на следующий день, когда состоялись прения. По свидетельству той же хроники событий, «огромное большинство зала было настроено против Керенского». Резкой критике подверглись и положения доклада, и роль самого докладчика в истории русского революционного движения. Слоним, за участие в прениях в качестве адвоката Керенского, был обвинен в «применении демагогических приемов». В конце прений один из выступающих, пытаясь смягчить общее настроение, заявил: «Не буду касаться реабилитации Керенского, ибо мы русские, а русские лежачего не бьют».¹⁹

Естественно, отношение Цветаевой к происходящему и его главному виновнику было прямо противоположное. В уже цитированном письме к Гулю имеем тому подтверждение: «Мне (выделено Цветаевой – Л.М.) он понравился: несомненность чистоты. Только жаль, жаль, жаль, что политик, а не скрипач. (NB! Играет на скрипке)».

В один из дней выступлений Керенского Цветаева преподнесла ему свой сборник «Психея» с дарственной надписью: «Романтику Революции – Александру Федоровичу Керенскому – от всей души. Марина Цветаева. Прага, февраль 1924 г.»³⁰ То главное, что привлекало Цветаеву в Керенском и угадывалось в ее стихотворных к нему обращениях в 1917 году, она выразила в надписи двумя словами: «Романтик Революции». Однако данного обращения для выражения своих чувств самой Цветаевой оказалось недостаточно. Она вписывает на обороте авантюра книги два отрывка из стихотворений Гельдерлина:

O Begeisterung! So finden
Wir in dir ein selig Grab,
Und in deine Wogen schwinden
Still frohlockend wir hinab.
Bis der Hore Ruf wir hören,
Und, mil neuem Stolz erwacht,
Wie die Sterne wiederkehren
In des Lebens kurze Nacht.
(Hülderlin)

...Warum achtetet ihr mich mehr,
Da ich stolzer und wilder,
Wortreicher und leerer war?

Ach! Der Menge gefüllt, was auf
den Marktplatz fangt,
Und es ehret der Knecht nur
den Gewaltsamen.
An das Gütliche glauben,
Die allein, die es selber sind.
(Holderlin)

Подстрочный перевод:

О, вдохновенье! Мы в тебе обретаем блаженный покой и в твоих волнах исчезаем с тихим ликованием. Лишь услышим мы зов Горы, возвращаемся с новой гордостью, подобно звездам, обретающим жизнь в короткой ночи.

...Почему так ныне почитаем я, который был гордым и своенравным, болтливым и пустым? Ах! Толпе нравится то, что на базаре в цене, и только сильного господина чтит слуга; а в божество верят только те, кто божественны сами.

Находясь под впечатлением вдохновенного выступления Керенского, Цветаева подобрала удивительно точные строки. Комментарии здесь излишни. Отметим лишь, что первая цитата в большей мере относится к поэту. Вспыхнувшая и погасшая «в короткой ночи» звезда, откликнувшаяся на зов Горы, – это сама Цветаева. Уже была написана «Поэма Горы», эпиграфом к ней также послужили строки Гельдерлина. Вторая цитата из стихотворения «Мирская слава» могла бы целиком исходить из уст самого бывшего главы Временного правительства.³¹

Уникальный экземпляр «Психеи», в отличие от «Царь-Девицы», сохраненной адресатом до конца дней своих, нашел пристанище в моем собрании, побывав до этого в руках нескольких библиофилов. Время оставило на книге особые приметы. Один из бывших ее владельцев, страхась чужого глаза и возможных последствий, уничтожил в надписи имя и фамилию адресата. По оставшимся следам слова едва угадываются. Есть в сборнике и карандашные пометы в виде отчеркиваний и подчеркиваний, но, кому они принадлежат, неизвестно и потому не рассматриваются.

В первые же дни своего приезда в Париж 1 ноября 1925 года Цветаева, по свидетельству Владимира Сосинского, изъявила желание встретиться с Керенским. Их встречу на рю Руве, где в квартире Черновых поселилась Цветаева, устроил Сосинский. Он же и описал встречу в своих воспоминаниях. Они недавно опубликованы, поэтому, опуская их пересказ, отметим лишь несколько моментов.³² Факт, что, только прибыв в Париж, Цветаева стала искать встречи с Керенским, говорит сам за себя. В какой-то мере и сам Керенский проявляет интерес к Цветаевой. В первых, соглашается приехать к ней. Во-вторых, как вспоминает Сосинский, Цветаева не хотела читать в этот вечер своих стихов, но Керенский просил, настаивал. В конце концов Цветаева прочла стихотворение «Настежь, настезь...», а Ариадна Чернова прочла отрывок из «Молодца». В споре о современной литературе мнения Цветаевой и Керенского разошлись. Цветаева на первое место выдвинула Алексея Ремизова и Бориса Пастернака, Керенский – Ивана Бунина и Константина Бальмонта.

Еще какие-либо факты их общения, кроме встреч в редакции «Дней», упомянутых выше, нами

не обнаружены. Неизвестно, какие дома имела в виду Цветаева, когда писала, что встречала Керенского «иногда в домах».³³ Многочисленные литературные вечера в Париже, на которых часто бывала Цветаева, Керенский не посещал. Хроника эмигрантской жизни в Париже за 1920 – 1930 годы зафиксировала лишь один раз его присутствие на вечере, а именно на 85-летнем юбилее «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской 17 февраля 1929 г. в Salle Pleyel.³⁴

В 1936 году Александр Федорович выступил в Париже с докладами, объединенными общей темой «Трагедия царской семьи». Они были прочитаны в зале Musée Social на рю Лас-Каз. Первый, а всего их было три, состоялся 26 февраля 1936 г.: тема «Революция, царь и монархисты». Второй был 7 марта и назывался «Гибель царской семьи». 17 марта два первых доклада были объединены в один – «Крушение монархии и гибель царской семьи», при этом было предусмотрено время на вопросы.

Выступления Керенского, как и двенадцать лет назад в Праге, прошли в атмосфере ажиотажа. За несколько дней до выступлений все билеты были распроданы. 26 февраля в зал, вмещающий 450 человек, явилось около 1000 слушателей. Керенский с трудом протиснулся сквозь публику на трибуну. Его встретили жидкими аплодисментами. Большинство аудитории, как и прежде, было настроено враждебно. Вечер закончился за полночь. Последующие выступления прошли несколько спокойнее, так как организаторы учли опыт первого дня.³⁵

Цветаева была на втором и третьем докладе, на первый не попала. Доклад 7 марта начался с обвинения Керенским тех, кто в трагические дни оставил царя, а ныне извращает историю и сваливает вину на Временное правительство. «Вы отвыкли мыслить, господа! Я хочу помочь вам!» – восклицал при этом Керенский. Среди «мнимых рыцарей» – это определение докладчика, – виновных в гибели царя, были названы и его приближенные, и его гвардия, и даже его родные. «Обвинители были смущены документами, цитатами, справками», – писали в те дни «Последние новости».³⁶

Вечера Керенского Цветаева описала в письме к Анне Тесковой 19 марта 1936 года: «Последние мои сильные впечатления – два доклада Керенского о гибели царской семьи [...] И вот руку на сердце положу: невинен. По существу – невинен. [...] Он – слепой (слепой и физически, читает на два вершка от книги, но очков носить не хочет).³⁷ О докладе в двух словах: хотел спасти, в Царском Селе было опасно, понадеялся на тишину Тобольска».³⁸ В своем докладе Керенский говорил: «Мы арестовали царя не потому, что свобода его была для нас опасна. Мы арестовали царя потому, что в этих условиях свобода становилась опасной для него самого».³⁹ О роли Керенского в судьбе царской семьи у Цветаевой и раньше не было другого мнения, как «невиновен». В марте 1936 г. она закончила «Поэму о царской семье». В тетради, где сохранилась правка к имеющемуся тексту поэмы, в разделе, озаглавленном «Сборы», есть строка из четверостишия о Керенском: «Буду рыцарем, добрым гением».⁴⁰ У Цветаевой он – настоящий рыцарь, в противоположность «мнимым», о которых говорил Керенский. Далее в письме Цветаева почти дословно

цитирует высказывания Керенского о царе, говорит о его отношении к царице. Завершая свой эмоциональный рассказ о своих впечатлениях от встреч с Керенским, Цветаева делает вывод: «...за 20 лет – вырос, помягчал, стал человеком. Доклад хороший: сердце – *хорошее*».⁴¹

Но не только главная тема докладов о гибели царской семьи, столь близкая Цветаевой и прямо связанная с одной из самых значительных ее поэм, волновала ее в те дни. Была еще тема – Россия. К этому времени перед Цветаевой встала проблема возвращения на родину. Жизнь ее, по ее же словам, «переламывалась пополам». С ужасом думала она о возвращении. «Завтра или через год – я все равно уже не здесь [...] и все равно уже не живу», – писала она спустя две недели после последней встречи с

Керенским.⁴² Его доклад на какое-то мгновение вернул ее в Совдепию, в Москву, которую она окрестила словом «жуть». «Доклад К[ерен]ского о Семье и мое о Кузмине (Цветаева, получив известие о его смерти, писала очерк «Нездешний вечер». – Л.М.) – вот и тогдашняя Россия», – горестно заключает Цветаева.

Остается добавить, что последний раз имя Керенского встречается у Цветаевой в пометках к поэме «Перекоп», сделанных ею 17 сентября 1938 года. Слова защитников Перекопа:

В тартарары тебя, тельца ласкова!

(«Всем! Всем! Всем!»)

– сопровождаются пояснением: «Тельца ласкова – Керенский. От долгого сидения – оглядывались, вспоминали».⁴³

(*Вестник русского христианского движения, 1994, Париж, Н-Й, №169*)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иначе объясняет интерес Цветаевой к Керенскому Владимир Сосинский: «У Марины Ивановны была слабость [...] к побежденным, к проигравшим игру, к людям, выкинутым из истории на свалку. И еще одна слабость у Марины Ивановны – к старикам: «мой идеальный старик», что отразилось и в ее творчестве. Вспомните: она воспевает Казанову не в расцвете его ловеласских успехов, а на закате его дней. Две эти ее слабости соединились в Александре Федоровиче Керенском, хотя тогда он лишь приближался к старости...» (Воспоминания о Марине Цветаевой. Сборник. М.: Советский писатель, 1992). В описываемое мемуаристом время (1925 год) Керенскому было всего сорок четыре года. Если первый фактор, «исторический», в какой-то мере мог влиять на отношение Цветаевой к Керенскому, то в «стариках» Керенский явно не проходит.

² Марина Цветаева. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1990. (Библиотека поэта. Большая серия). С. 158. В дальнейшем обозначается: Стихотворения и поэмы.

³ З. Гиппиус-Мережковская. Дмитрий Мережковский. Paris, YMCA-Press, 1951, с. 218.

⁴ Там же, с. 217. См. еще: З. Гиппиус. Живые лица: Стихи. Дневники. Тбилиси, Мерани, 1991, с. 162. «Мы любили Керенского. В нем было что-то живое, порывистое и детское. Несмотря на свою истерическую нервность, он тогда казался нам дальновиднее и трезвее многих».

⁵ Примечания в кн.: Стихотворения и поэмы. С. 716.

⁶ Б.Н. Лосский. Наша семья в пору лихолетья 1914 – 1922 гг. – Минувшее. Париж, 1991. Вып. II, с. 185. Тиме Е.И. (1888 – 1968).

⁷ «Неделя», 1989, №30, с. 11.

⁸ Директория во главе с Керенским была образована 1 сентября 1917 г.

⁹ Стихотворения и поэмы. С. 158.

¹⁰ «Власть народа». М., 1917, 27 мая.

¹¹ «Сестра моя – жизнь. Лето 1917 г». М.: изд-во Гржебина, 1922, с. 46.

¹² Эпопея. Литературный ежемесячник. М.-Берлин, 1922, №3, с. 25.

¹³ Там же.

¹⁴ О. Мандельштам. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1990, с. 302.

¹⁵ З. Гиппиус. Сочинения: Стихотворения. Проза. Л.: Худож. литература, 1991, с. 200-201. Вот это стихотворение: Проклятой памяти безвольник, // И не герой – и не злодей, // Пьеро, болтун, порочный школьник, // Провинциальный лицедей, // Упрям, по-женски своенравен, // Кокетлив и правдиво-лжив, // Не честолюбец – но тщеславен, // И невоспитан, и труслив... // В своей одежде неопрятной, // Развел он нечисть наших дней, // Но о свободе незакатной // Звенел, чем дале, тем нежней... // Когда распучившейся гад

// Осточертела песнь Пьеро, – // Он, своего спасенья ради, // Исчез, как легкое перо. // Ему сосновый скучен шелест... // Как претерпеть унылый час? // А здесь не скучно: гадья чельность, // Хрустя, дожевывает нас. // Забвенья нет тому, что было. // Не смерть позорна – пусть умрем... // Но увенчает и могилу // Пьеро – дурацким колпаком. («Кто он?» Март 1918).

¹⁶ Стихотворения и поэмы. С. 161, 716-717. Корнилов Лавр Георгиевич (1870 – 1918) – генерал, летом 1917 верховный главнокомандующий русской армией.

¹⁷ Газета «Дни» просуществовала до 1933 г., превратившись в 1928 г. из ежедневной в еженедельную. О характере отношений литературных эмигрантских кругов к газете свидетельствует реплика Нины Петровской в письме, написанном на следующий день после выхода первого номера «Дней» (29 октября 1922): «Ходасевич же меня смущает тем, что стал работать в газете Керенского «Дни». (Письмо к О.И. Ресневич-Синьорелли. – Минувшее. Париж, 1989, №8, с. 97).

¹⁸ «Неделя», 1989, №30.

¹⁹ Там же.

²⁰ Например: антологии «Женская лирика», Берлин, 1923 (7 стихотворений) и «Из новых поэтов», Берлин, 1923(4); периодические издания: «Русская мысль», Берлин-Прага, 1922, №8-12(5), 1923, №1-2(3); «Искусство славян», Прага-Братислава, 1923, №1(2); «Русь», София, 1923, №59(3) и др.

²¹ Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. М.: Книга, 1989, с. 367.

²² «Книжная летопись». М., 1922, №21-24. 1 ноября – 31 декабря, с. 239.

²³ См. указатель: Marina Tsvetaeva. Bibliographie, Paris, 1982.

²⁴ Марина Цветаева. Письма к Анне Тесковой. Прага, Academia, 1969, с. 136.

²⁵ «Новый журнал», Н.-Й, 1959, №58.

²⁶ Воспоминания о Марине Цветаевой. С. 374.

²⁷ «Дни», 1924, 23 февраля.

²⁸ «Дни», 1924, 21 февраля. Вильсон – речь, по-видимому, идет о Томасе Вильсоне (1856 – 1924), 28-м президенте США, авторе программы мира в 1918 г., одним из организаторов антибольшевистского наступления.

²⁹ «Дни», 1924, 22 февраля. Слоним Марк Львович (1894 – 1976) – литературный критик, соредатор журнала эсеров «Воля России». Был дружен с Цветаевой.

³⁰ Впервые опубликован в кн.: Марина Цветаева. 1892 – 1992. Каталог выставки. М.: Дом Марины Цветаевой, 1922, с. 37.

³¹ Приведем несколько известных переводов стихотворения Гельдерлина «Мирская слава»: [Нынче сердце мое жизни святой полно, // Счастлив я и люблю!] Вы же внимали мне, // Лишь когда я гордыни, // Пустословия исполнен был. // Привлекает толпу гомон лишь рыночный, // И в чести у раба сила лишь властная. // Чит

божественность жизни, // Лишь кто богу подобен сам.

(Пер. В. Куприянова)

[Не священна ль душа преображенная // С той поры, как люблю?] Так почему же вы // Больше чтити поэта // За холодность и выпренность? // Но по вкусу толпе только базарный хлам. // Почитают рабы лишь повелителя. // И в божественность верит // Только тот, кто проникнут ей.

(Пер. В. Микушевича)

[Разве не свято сердце мое, полное жизни, // С тех пор, как люблю?] Был я пуст и болтлив, // Ныне горд я и прост – // Почему же не чтут меня больше? // Ах, знает толпа, что на базаре в цене. // И только владыку почитает холоп. // А в божество поверит // Только тот, кто божественен сам.

(Пер. Вл. Летучего)

³² Воспоминания о Марине Цветаевой. С. 372-375.

³³ Письма к Анне Тесковой. С. 136.

³⁴ *La vie culturelle de l'émigration russe en France. Établie par Michèl Beyssac. Paris, 1971, p. 217.*

³⁵ «Последние новости», 1936, 28 февраля.

³⁶ «Последние новости», 1936, 10 марта.

³⁷ Ср. у И. Бабеля в рассказе «Линия и цвет». На слова автора: «Купите очки, Александр Федорович...», Керенский ответил: «Полтинник за очки – это единственный полтинник, который я сберегу». (И. Бабель. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. литература, 1990, с. 106).

³⁸ «Последние новости», 1936, 28 февраля, 10 марта, 19 марта.

³⁹ Письма к Анне Тесковой. С. 136-137. ...понадеялся на тишину Тобольска – Керенский выбрал Тобольск, потому что там «хороший губернаторский дом, нет рабочих» («Последние новости», 1936, 10 марта).

⁴⁰ Е. Коркина. Поэма о Царской Семье. – В сб.: Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien, 1992, с. 175.

⁴¹ В письме от 9 марта 1936 г. Цветаева пишет о том же самом: «...это 20-летние итоги и история». (Марина Цветаева. Письма к Ариадне Берг. Париж, YMCA-Press, 1990, с. 53).

⁴² Письма к Анне Тесковой. С. 137, 139.

⁴³ Стихотворения и поэмы. С. 625.

Геннадий ЧЕЛНОКОВ

С.Т. АКСАКОВ: «ПРОИСШЕСТВИЕ, МНОЮ РАССКАЗАННОЕ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ФАКТ...»

В нашей стране есть столько удивительных мест, посещение которых захватывает дух, увиденное переполняет чувствами и эмоциями, запоминается на всю жизнь. Одним из таких мест является знаменитое подмосковное Абрамцево. Поездку в этот благодатный уголок давно хотелось осуществить, она состоялась летом, а точнее в канун уходящего лета, когда его яркие и сочные краски постепенно стали тускнеть, но на смену им кое-где уже начали пробиваться не менее яркие – краски ранней осени. По прибытии в Абрамцево взору открываются изумительные места истинно русской природы, которые не поддаются описанию, а их надо просто видеть. Только там понимаешь, почему Сергей Тимофеевич Аксаков выбрал именно это место и в 1843 году приобрел там усадебный дом для своей семьи. На творчество любого писателя, поэта, художника, композитора оказывает влияние, откладывает отпечаток в первую очередь то, в каких условиях, где, в окружении кого и чего он создавал или создает произведения. С.Т. Аксаков создавал свои произведения, созерцая удивительный мир живой природы. Исколесив по дорогам и

тропам все ближние и дальние окрестности, он с упоением рассказывал слушателям обо всем увиденном, а затем старался внести в записную книжку, чтобы потом умело и талантливо, с поразительной любовью и мастерством передать своим пером на бумагу. Почти все крупные произведения С.Т. Аксакова были написаны в Абрамцево.

Писатель прожил в этом доме до 1870 года, а усадьба стала на долгие годы излюбленной «меккой» для многих друзей Сергея Тимофеевича и его сыновей. Посетители музея – усадьбы «Абрамцево», вступая на эту благословенную землю, прогуливаясь по ее окрестностям, знакомясь с жизнью, бытом, увлечениями хозяев дома, приходят в восторг, их переполняет необыкновенное чувство от того, что в этом доме бывали, по этим тропам парка, спускам и ступенькам к прудам, вокруг могучего дуба с многовековым прошлым, когда-то прохаживались, кроме самого хозяина, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, М.С. Щепкин, А.С. Хомяков, братья П.В. и И.В. Киреевские, другие знаменитые и известные гости Аксаковых из мира русской литературы и искусства. Поэтому ныне одной из центральных экспозиций в музее-заповеднике «Абрамцево» является «Семья Аксаковых и ее окружение». Хозяин усадьбы встречал в свое время с большим радушием и удовольствием всех гостей Абрамцева. Вот как об этом вспоминал один из его друзей, бывший губернатор Оренбургской губернии Е.И. Барановский: «Приезжаем в Абрамцево... Нас приняли с распростертыми объятиями... Мы не забудем светлого дня, проведенного с Сергеем Тимофеевичем и с его семейством... мы заслушивались его умной душевной речи; его взгляд, согретый самой глубокою любовью к родине, живость чувств, соединенная с житейской опытностью, его истинно русское радушие обаятельно действовали на нас».

Судьба Абрамцева не менее интересна и в последующее время, когда усадьба была куплена предпринимателем и меценатом С.И. Мамонтовым. И при нем продолжилось паломничество в этот дом русских художников, которые своим присутствием, а главное творчеством продолжали прославлять это незабвенное место и, более того, его украшать. В доме у С.И. Мамонтова бывали И.Е. Репин и В.Д. Поленов, М.В. Нестеров и М.М. Антокольский, В.И. Суриков и М.А. Врубель и этот список можно было бы продолжить.

Сергей Тимофеевич Аксаков – замечательный русский писатель, обогативший классическую литературу своими необычными произведениями, в которых он наилучшим образом воспел среднерусскую природу, а в ней – жизнь всего живого на земле и в воде. Он, как никто лучше, показал единство природы и человека, отразил, как пишут ученые-литературоведы, «включенность человека в природный нескончаемый цикл». Природа виделась Аксакову с особой «поэтической и нравственной обостренностью». Слово писателя точно и чутко откликалось на каждый звук и движение, происходящие в природе, а затем все это ложилось в удивительно яркие и неподражаемые строки его самобытных произведений. Сергей Тимофеевич был наделен еще и талантом замечательного рассказчика, язык его повествования обладал простотой, непосредственностью, гибкостью и выразительностью, что, в свою очередь, придавало своеобразие и литературному стилю его произведений.

С.Т. Аксаков, как известно, начал заниматься литературным творчеством уже в зрелом возрасте и, более того, он не стремился быть профессиональным писателем, хотя литературный талант его был замечен еще в годы обучения в Казанском университете. Что же его подтолкнуло к этому, когда и почему он увлекся писательским трудом, какое его произведение первым было опубликовано, где и кем?

Страсть и увлечение до самозабвения природой, рыбалкой, охотой, наблюдение за всем увиденным и услышанным, откладывали большой отпечаток в душе, сердце и сознании С.Т. Аксакова. Всем этим ему, как увлеченному рассказчику, естественно, хотелось поделиться с другими. Это были сначала устные рассказы, интерес к ним слушателей постепенно сподвигли Сергея Тимофеевича взяться за перо и изложить их на бумаге, а со временем и к печатному воспроизведению этого материала. Так появились «Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», вслед за ними последовали «Семейная хроника», «Детские годы Багрова внука», «Воспоминания», которые и сделали имя С.Т. Аксакова известным всей России.

В жизни и литературном творчестве писателя стал рубежным, как отмечают биографы, да и сам писатель, его первый небольшой очерк, названный «Буря». Именно с его публикацией началась деятельность Сергея Тимофеевича как писателя – реалиста. С рождения и до переезда в Москву, Аксаков большую часть времени жил деревенской жизнью в Уфимском наместничестве Оренбургского края и в Симбирской губернии, в которых родичи Сергея Тимофеевича владели землями. Там-то он и впитал в себя красоту окружавшей его природы. С.Т. Аксакова считали и называли впоследствии, и не случайно, поэтом русской природы. Появление первого очерка в печати – это целая литературоведческая история, наполненная важными для писателя событиями, дополняющими творческую сторону его биографии.

Как пишут исследователи творчества С.Т. Аксакова, по всей вероятности, очерку «Буря» предшествовало стихотворение с аналогичным содержанием, которое было обнаружено позднее. В рукописном отделе Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в Москве хранится объемная тетрадь С.Т. Аксакова под названием «Книга для всякой всячины. 1815 года сентября 28 дня. Москва». В этой книге были обнаружены, наряду с множеством деловых записей, два вкладки листа почтовой бумаги со стихотворением Сергея Тимофеевича, в котором он рисует картину снежного бурана и «являет собой, очевидно, не что иное, как первоначальную попытку воплощения замысла, который впоследствии принял форму очерка «Буря». Сергей Тимофеевич писал стихотворения, но сочинял их для себя и читал лишь в кругу семьи, а о публикации никогда не думал. Как пример, в издании собрания сочинений в 3 томах 1986 года было включено всего семь его стихотворений, среди которых нет вышеуказанного.

Среди писателей есть мастера живописного и впечатляющего описания моря и морской пучины, другие стали непревзойденными мастерами описания гор и ущелий, третьи – лесных и таежных мест и т.д., а вот С.Т. Аксаков вошел в русскую литературу, как мастер описания бескрайней среднерусской степи во

все времена года. Он в буквальном смысле ворвался в русскую литературу со своим первым небольшим рассказом, в котором с удивительным мастерством и точностью сделал описание буйства природной стихии – зимнего степного бурана. Сергей Тимофеевич не просто вошел скромно в число писателей, а сразу же нашел поклонников среди читателей и, более того, вскоре среди пишущей братии появились и подражатели. Например, аксаковское «необозримое пространство снеговых полей» из очерка «Буран» отозвалось и продолжились в пушкинской «необозримой степи», покрытой «ослепительной пеленой снега», смешавшимся «с темным небом» из замечательной повести «Капитанская дочка». А.С. Пушкин возможно и не подражал, но обратился к этой же теме, а другие подражатели были и достаточно много.

Знакомясь с творчеством С.Т. Аксакова, можно обратить внимание на одно совпадение, суть которого в том, что писатель начинал литературный путь очерком «Буран», написав его в 1834 году, а заканчивал в декабре 1858 года другим – «Очерк зимнего дня». И тот и другой были посвящены одному времени года – это случайность или какая-то закономерность? В первом автор мастерски, с удивительной точностью изображает суровость и мрачность надвигающейся метели, нарастающего буйства стихии, которая приводит людей, героев очерка, к ужасной трагедии. В последнем же очерке описана сказочная красота зимнего пейзажа – морозного дня в период, когда по народному календарю и поговорке «солнышко пошло на лето, а зима на мороз». Автор много лет не только был созерцателем, но очень чутко ощущал, что природа не только может быть сказочно красива, но бывает и безжалостной к человеку, если он не следует определенным ее правилам и законам. С.Т. Аксаков, любитель и певец русской природы, начал творчество с трагической ноты, а подошел к заключительному этапу своей литературной работы в светлой высокой тональности, его очерк – апофеоз жизнеутверждающей земной красоты: красоты тихого снежного утра, всей природы, красоты жизни в целом.

По воспоминаниям С.Т. Аксакова, очерк «Буран» может и не увидел бы свет, если бы не его дружба с писателем, ученым и библиографом М.А. Максимовичем. В начале 30-х годов 19 века Максимович приступил к изданию литературного альманаха под названием «Денница», так в Древней Руси называли утреннюю зарю. Михаил Александрович в поисках достойного литературного материала для издания обратился к Сергею Тимофеевичу, чтобы он написал что-то для него. С.Т. Аксаков, несмотря на большую занятость в то время, тогда он занимался преобразованием межевого училища в Константиновский межевой институт, директором которого стал, не смог отказать другу. «Я поистине не имел свободного досуга, – писал Сергей Тимофеевич во вступлении к очерку, – но обещание Максимовичу надо было исполнить... Я вспомнил страшные зимние метели, от которых и сам бывал в опасности и даже один раз ночевал в стоге сена; вспомнил слышанный мной рассказ о пострадавшем обозе и написал «Буран».

Этот рассказ он услышал, проживая в Оренбургском крае от людей – действительных свидетелей этого случая. Несмотря на то, что он давно оставил

Оренбургский край, по его собственному признанию, «картины летней и зимней природы его были свежи в памяти».

Кратко расскажем суть описанного происшествия. Обоз из восемнадцати груженных саней и десяти возчиков, следовавших по зимней дороге в степях Оренбуржья, в пути застает очень сильный буран. Старик, старший из всей группы мужиков, решил остановить обоз в поле, выпрячь лошадей, составить в круг несколько саней, поднять оглобли вверх, накрыть их кошмой, сделав подобие шалаша, всем спрятаться под ним и заночевать в поле, «отдаваясь на волю божью – авось не замерзнем». «Совет был странен и страшен», но это единственный, как считал старший, путь к возможному спасению. Группа молодых и здоровых мужиков не согласилась с советом бывалого человека и решила продолжить путь. К полуночи дорогу окончательно замело снегом, буран свирепел, люди и лошади выбились из сил и рухнули в сугробы. К утру начал крепчать мороз и все мужики замерзли, один из которых был найден сидящим у забора «умета». «Уметом» называли помещение, строившееся для ночлега уставшим путникам и тех, кого в пути заставляла непогода. Замерзшего мужика нашли в десяти шагах от спасительного «жило», т.е. жилого и теплого помещения. Вот такой печальный конец данного очерка. После его прочтения не навязывается, но подразумевается авторское предупреждение: не отвергай чужой опыт, прислушайся к мнению и совету бывалых и опытных людей, тем более тогда, когда вынужден рисковать собственной жизнью.

Так небольшой очерк С.Т. Аксакова впервые появился в руках издателя «Денницы» М.А. Максимович, заботясь о положительном резонансе для своего детища, решил попросить журналиста, критика, беллетриста и редактора журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевого, с которым «был коротко знаком», чтобы он дал на «Денницу» свой отзыв. Михаил Александрович надеялся только на положительную оценку альманаха. «Благосклонный отзыв «Телеграфа», – писал Максимович, – имел важное значение тогда в читающей публике и был очень нужен для успешного расхода книги». С.Т. Аксаков, отдавая очерк Максимовичу, знал, что появление на страницах альманаха его произведения возбудит гнев Полевого по причине их взаимной неприязни – они были идейными противниками. «Я находился тогда (как и всегда), – писал Сергей Тимофеевич, – во враждебных литературных отношениях с издателем «Московского телеграфа». Все это могло навредить «Деннице», а Аксаков не хотел подвести Максимовича. Тогда Сергей Тимофеевич решил очерк не подписывать своим именем – об этом знал только Максимович. Выход «Денницы» был отмечен большой рецензией в «Московском телеграфе». Ее автор Н.А. Полевой дал положительную оценку всему альманаху и отметил отдельные литературные работы первого номера «Денницы», в число которых попал и очерк С.Т. Аксакова. Рецензент, не догадываясь и не зная авторства своего идейного врага, так писал, расхваливая очерк: «Буран» – мастерское описание бури в степях оренбургских. Если это отрывок из романа, то мы поздравляем публику с романом, обещающим много хорошего». И это было сказано о первом рассказе писателя, начинающего делать первые шаги в большую литературу. Когда

Н.А. Полевой узнал авторство очерка, пришел в ярость, последовало долгое и шумное объяснение с М.А. Максимовичем, едва не закончившееся крупной ссорой с редактором «Денницы». Полевой понял, что поступил непрофессионально – написал рецензию на произведение, не зная его автора, кроме того, сделал приятную услугу своему врагу. С публикацией очерка на страницах «Денницы» последовали и положительные отзывы других читателей, которые послужили хорошим стимулом для продолжения дальнейшего творчества писателя.

В чашу многочисленных положительных отзывов на очерк «Буран», однако ж, была добавлена и ложка дегтя, но это случилось позже, уже в 50-х. Один из «почтенных критиков» журнала «Русская беседа» Н.П. Гиляров, Платонов выступил с рецензией на произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника», «Воспоминания», в том числе был также и выше названный очерк – положительно отзываясь о первых названных произведениях, раскритиковал последнее. Автор рецензии указал на то, что «описанное происшествие во многом неестественно, чувствуется условная ненатуральность», в сути происшествия просматривается «авторский произвол», герой рассказа, старик, говорит якобы неестественным языком. Гибель части людей обоза в страшную метель более надумана «для большей разительности», все описанное «пахнет обычною... отвне навязываемою моралью». Но рецензент явно преувеличил, говоря о «навязываемой морали» – мораль и подразумеваемое автором и понятное читателям предупреждение – это не одно и тоже. Сергей Тимофеевич всего лишь передал, а точнее, рассказал действительно произошедший случай в художественно оформленной форме и никоим образом не думал читателям «навязывать» мораль.

С.Т. Аксаков издал в 1858 году свою очередную книгу с названием «Разные сочинения», в которую решил включить и очерк «Буран». Перед началом очерка Аксаков поместил небольшое предисловие, специально подготовленное для этого издания. В ответ на выше приведенную критику автор писал во вступлении: «На все это я скажу, что происшествие, мною рассказанное, действительный факт, случившийся неподалеку от моей деревни, слышанный мною со всеми подробностями от самих действовавших в нем лиц. Для того чтобы читатели могли судить, прав ли я или нет, не соглашаясь с моим почтенным рецензентом и не находя в своей пьесе ни «неестественности», ни «морали», ни авторского произвола, я считаю за лучшее перепечатать всю эту небольшую пьесу, вероятно теперь никому не известную».

В ответ на последние слова Аксакова так и хочется возразить дорогому и почтенному Сергею Тимофеевичу: «Как это никому «не известную пьесу» – ваша пьеса известная и многим! Прошло уже 185 лет со времени ее написания и первой публикации, а читатели все продолжают восхищаться творчеством писателя, в том числе и данным очерком. Более того, автору настоящей публикации хотелось бы встать на защиту С.Т. Аксакова, хотя он в ней и не нуждается, от того первого критика и возразить, пусть и полтора века спустя, что такие случаи, особенно в российской глубинке, в зимнее время были довольно частым явлением. И все описанное писателем в очерке, как бы это теперь банально не звучало, истинная правда. Я

осмелюсь рассказать в продолжение темы разговора о подобном же случае, произошедшем с моим прадедом, спустя почти сто лет после описанного писателем в очерке «Буран». Прошу у писателя и читателей извинения за свою нескромность и смелость – я далек от мысли соревноваться в красноречии с великим Аксаковым – в данном случае общими будут только тема и сюжет. Будем считать, да это и на самом деле так, что рассказанное ниже – это всего лишь читательский отклик, резонанс на перечитанное произведение С.Т. Аксакова.

Мои предки по отцовской и материнской линии были родом из одной деревни, постоянно жили в ней и там же на сельском кладбище нашли свое успокоение, за исключением отца, без вести пропавшего в годы Великой Отечественной войны, могила которого до сих пор, к нашей великой печали, неизвестна. Родная деревня, к сожалению, исчезла с лица земли в начале 60-х годов теперь уже прошлого, XX века, и я был свидетелем постепенного ее «умирания». Эта исконно русская деревня называлась Винтеровка. Она располагалась, по современному административному делению, в Майнском районе (по счастливой случайности мы земляки С.Т. Аксакова – из одного района) в 3 километрах северо-восточнее села Еделево – ранее довольно известного русского ярмарочного села. Это село ныне тоже исчезло и обозначено на местности лишь одиноко стоящим на перепаханном поле удивительно красивым, краснокирпичным, высоким, классическим зданием церкви святых Петра и Павла, чудом уцелевшим до настоящего времени. Эта святыня да сельский погост были общими для обоих наших населенных пунктов. Нашей деревней заканчивалась Ульяновская область, а через речку Якла и впадающие в нее речушки Руссалимка и Маклаушка начиналась, и ныне тоже, территория Республики Татарстан с близлежащими от нашей деревни его селами Татарские Шатрашаны, Старое и Новое Чекурское, Городище и т.д.

Мои прадед Яков и прабабушка Клавдия по материнской линии, как и все сельчане, имели свой дом, детей, занимались сельским хозяйством. Прадед, как глава семейства, еще и подрабатывал, имея пару рабочих лошадей, извозом. Как рассказывал мать, дед Яков был трудолюбивым, порядочным, непьющим, законопослушным и очень честным человеком. Эти качества его характера знали все, в том числе и в других, окружавших деревню, селах. Однажды, это было еще перед революцией 1917 года, к нему приехал из старинного чувашского села Городище (ныне Дрожжановский район Татарстана), что в 5 километрах от Винтеровки, местный торговец вином и предложил зная его честность и трезвость, работу – доставлять на своих лошадях для его торговой лавки вино-водочные изделия из Симбирска. Яков, ознакомившись с условиями, согласился – кто же будет отказываться от дополнительного заработка. И вскоре он стал, как бы теперь сказали, «водителем-экспедитором» и грузчиком в одном лице. Путь от Села Городище через Большое Нагаткино до Симбирска не короткий – 75-80 верст по ухабистой проселочной дороге, разбитой и размытой осенними дождями, а зимой, занесенной снегом так, что только лошади каким-то только ведомым им чутьем могли привезти сани с хозяином глубокой ночью до родного места. Яков вы-

езжал в дни поездок, как рассказывали, рано утром, а возвращался в свою деревню, при хорошей погоде, далеко за полночь, но чаще всего поездка была с ночевкой в Симбирске на постоялом дворе.

После вступления, получившимся, да простят меня читатели, может быть, многословным, пришло время рассказать о заявленном ранее случае. Для большей убедительности и красочности своего рассказа буду лишь использовать, за неимением своих способностей, некоторые чарующие и восхитительные строки из первой части вышеназванного стихотворения С.Т. Аксакова, которое, как было отмечено выше, появилось ранее очерка «Буран».

В один из обычных зимних дней Яков загрузился в Симбирске объемной бочкой спирта, которая тщательно была закупорена и имела стандартный заводской ярлык-клеймо. К полудню он, облачившись в тулуп, выехал в обратный путь. Пара лошадей после съеденной торбы овса и ночного отдыха весело затрусил, полозья саней поскрипывали по накатанной зимней дороге, звенел поддужный колокольчик. С.Т. Аксаков такое состояние зимнего дня описал так:

Сияет солнце, воздух чист,
Недвижимы дерев вершины,
Спокойны снежные пучины
Алмазный блеск горит на них.

От Симбирска до села Большое Нагаткино Яков доехал сравнительно быстро, день клонился к вечеру – зимой ночь наступает рано. Погода стала меняться, усилился северо-западный ветер, погнав снеговые тучи, – начинала разыгрываться метель. На дороге стали появляться переметы снега, резвость лошадей поиссякла, лошадь-коренник, преодолевая снежные наносы, стала тяжелее дышать.

Уж солнце полдень протекает
И зимний вечер недалек,
Как вдруг от севера взывает
Порой прерывный ветерок.
Хоть солнце все еще сияет
И чист небес лазурный вид,
Но под ногами закипает
И поле струйками бежит.

Яков благополучно проехал села Нижние и Средние Тимеряны, оставалось проехать еще одно, а там уже и Городище – конечный пункт. Когда он проезжал через село Верхние Тимеряны, метель уже всю бушевала, но он не стал останавливаться на ночлег, посчитав, что осталась совсем небольшой отрезок пути – одно поле, ему не впервой переносить непогоду, да и свои лошади надежные, проверенные, не подведут. В открытом поле лошади стали заметно уставать, дорогу полностью замело, перекааты сугробов стали представлять для них большую преграду. Яков начал уже подумывать о возвращении в предыдущее село на ночлег.

Знакомы с бедами обозы
Поспешно ускоряют бег,
Зимы свирепы зная грозы,
Спешат укрыться на ночлег.

Но, как он полагал, это, видимо, ровно столько, сколько осталось до конечного села, и возвращаться обратно нет смысла – решил пробиваться дальше. В кромешной снежной тьме быстро был потерян ориентир, лошади сбились с дороги и по брюхо в снегу рывками пытались тащить сани.

И горе, горе запоздавшим
И ночь встречающим в полях.

Через некоторое время лошади, вконец выбившись из сил, тяжело дыша, упали в снег. Яков понимал, что дело серьезное, видимо, приходит конец, ни зги не видно и он один в этом аду, лишь снежная лавина терзает его со всех сторон. С.Т. Аксаков выразил этот ужас следующими поэтическими строками:

Земля смешалась с небесами,
Бушует снежный океан,
Все белый мрак одел крылами,
Настигла ночь, настал буран!

С трудом сопротивляясь урагану, по пояс в снегу, он все же с невероятным усилием освободил лошадей, продолжавших лежать, от оглобеля, к одной оглобле привязал пучок сена из подстилки, поднял ее вверх и прикрепил к передку саней. Именно так издавна делалось людьми, попадавшими в снежную непогоду, чтобы как-то дать знать другим о себе. Герой нашего рассказа, чтобы окончательно не замерзнуть, глубже надвинул малахай на голову, закутался в тулуп и лег между лошадей, согревая их теплом. Измученных животных и их хозяина быстро замело снегом.

Свистит, шипит, ревет, взывает,
То вниз, то вверх вертит столбом,
Слепит глаза и удушает
Кипящий снежный прах кругом.

С.Т. Аксаков отмечал в очерке «Буран», что бесценные люди, оказавшись в таком положении под слоем снега, вскоре впадали в сонное беспамятное состояние, «подобному состоянию сурков, спящих зиму в норах своих». В такое же состояние впал и Яков. Прошло несколько часов, снежная буря стала к утру затихать, но начал крепчать мороз – такое состояние в природе тоже давно известно и мастерски описано С.Т. Аксаковым. С рассветом метель угмонилась, снежные валуны, особенно возле домов, в долах, оврагах, возвышались с отвесными наростами. С наступлением утра несколько крестьян села Городище, куда дед не доехал всего лишь несколько сотен метров, направились на лошадях в поле к стогам за соломой для кормления скота. Мужики, увидев «сигнальную» оглоблю, сразу поняли – в сугробе могут быть люди. Они быстро начали разгребать и разбрасывать снег, раскопали лошадей и увидели между ними лежащего без движения человека. Лошади были уже мертвы – они замерзли, а человек еще дышал, но находился в бессознательном состоянии. Мужики пытались его разбудить, но не смогли – он лежал без движения. Тела замерзавших лошадей, как потом рассказывал Яков, какое-то время еще продолжали его согревать, а затем утренний мороз все сковал, лошади погибли, и он сам тоже начал замерзать. К его счастью, вовремя подоспели люди. Якова пытались привести в чувство и согреть, укрывали одеждой, двигали его руки и ноги, наконец стали появляться признаки жизни, он пытался открыть глаза. Далее мужики вскрыли бочку, налили в какую-то емкость спирт и попытались открыть рот, чтобы его влить, но челюсти не разжались. Тогда мужики с помощью кнутовища (ручки кнута) силой разжали ему челюсти и влили немного этой «живительной» жидкости, ей же продолжали растирать лицо, руки. Тем временем другие мужики развернули сани, укутав, положили в них Якова, подцепили его розвальни к своим саням и быстро домча-

ли до первого дома села. Замерзшего человека занесли в теплую избу, где он, немного согревшись, начал приходить в себя, пытался вспомнить и рассказать о своей беде. Прадед Яков чудом остался жив благодаря погибшим лошадям и наличию теплой одежды.

После этой трагедии Яков заболел, у него было сильное переохлаждение, подморожены ноги и руки, но до гангрены, к счастью, дело не дошло. Все последующие годы жизни его руки и ноги сильно ломило, он с трудом мог передвигаться. Как рассказывала моя мать о своем дедушке, что он днем постоянно сидел на краю кровати, подставив под ноги деревянную скамеечку. Потом эта скамеечка долгое время, уже после смерти прадеда, в семье была реликвией – она исполь-

зовалась его сыном, затем перешла к внучке – моей матери. Последнее ее применение, это уже на моей памяти, т.е. памяти правнука – мать всегда садилась на нее при дойке коровы. Эта скамеечка была напоминанием нашей семье о трагедии, когда-то случившейся с нашим предком, о которой, в свою очередь, уже я рассказал своим детям и внуку. С исчезновением родной деревни исчезли, к сожалению, и многие предметы крестьянского быта, и осталась лишь одна память. Жизнь течет, как река: она продолжается, а человек живет воспоминаниями. Как не поблагодарить С.Т. Аксакова, который своим произведением еще раз позволил предаться далеким воспоминаниям о своих дорогих предках.

ДОРОГА К ХРАМУ

Николай ТОЛСТИКОВ, г. Вологда. Родился в 1958 году. Выпускник Литинститута им. Горького, автор ряда книг прозы, православный священник.

БРАТ ВО ХРИСТЕ

рассказ

Руф Караулов считал себя все-таки приличным работягой, в праздничные дни выбривался чисто – бородку отпустил, когда в церковь ходить стал, облакаивался в незатасканную рубаху и штаны с надрюченными «стрелками». В будни-то ладно, можно и кое-как бродить, в рабочем: мастеровой мужик – невелик кулик.

Коля Шибаленок и в будни, и в праздники вышагивал в одних и тех же замызганных, давным-давно потерявших первоначальный цвет и форму обносках с чужого плеча. Маленькие пороссячьи глазки на опухшей от постоянной опохмелки роже с кустами щетины на щеках заплыли, превратились в хитрющие щелочки; под грузным коренастым телом – кривые ноги враскоряк: не сразу поймешь, «поддал» ли хорошенько Шибаленок накануне или «прозрачен аки стеклышко».

Коля труждался экспедитором-грузчиком в общепите, помимо кое-какой силенки, обладал пронзительно визгливым голосом. Ошалев от его раздраженного тембра, а еще пуще от выражений, разбегались, бывало, даже грузчики, а бабы-продавицы боязливо-заискивающе обращались к Шибаленку по имени-отчеству.

Руф, он и до седых волос – Руфик, Руфка, а тут шаромыжника – и так уважительно!.. Обидно!

С начальством Коля был ласков и обходителен, подобострастен до неприличия, до распускания слюней, и еще одно обстоятельство присутствовало: Шибаленок мог запросто «настучать» на ближнего. За что Колю в изрядном подпитии не раз подкарауливали и метелили мужики.

Руф и Шибаленок жили на одной улице, правда, в разных концах, были ровесники, учились в одной школе. У обоих были неласковые суровые матери. Шибалиха голосиной обладала еще покруче сынка, не дай бог, какой ротозей забредал на

территорию возле общепитовской конторы, где бабка орудовала метлой, и невзначай ронял окурочок. Шибалиха не только орала благим матом, но и норовила отхлестать нарушителя своим орудием труда. Часто попадало на орехи и подвыпившему сынку, мать на расправу не скупилась.

Коля и Руф, получалось все время, как-то нигде не «пересекались». Ни в мальчишеских потасовках, ни потом – за столиком в пивнухе или за одним стаканом на бревнышке под забором, ни тем более – в библиотеке, где Руф брал почитать исторические романы и книги «просто о жизни», а Коля, наверно, кроме букваря, ни одной книжки больше не осилил.

Руф был удивлен, да куда там – потрясен, когда увидел знаменитого матюкальщика, стоявшим на воскресной службе в церкви. Шибаленок, скромно потупив глазки, топтался возле солеи, на самом виду, напротив «царских врат», оттеснив испуганно поглядывающих на него старушонок. Заметив Руфа, он дружелюбно подмигнул ему, как старому приятелю.

С какого уж бока сумел Шибаленок подкатиться к настоящему отцу Павлу – бог весть... Для батюшки, говорят, всякий брат во Христе – свой.

Коля вваливался всегда шумно, заполняя настоятельную каморку-келью смрадной вонью перегара, мочи, табачища. Растягивая в умильно-заискивающей улыбке помятую, с линялым «фингалом» под глазом рожу, бросался к отцу Павлу, хватал его руку и принимался смачно ее лобызать. Потом облапывал за плечи худошавую фигуру священника:

– Лучший друг ты мой, отец святой!

Руф, починивающий оконную раму, тоже удостоился дружеского кивка: привет, столяр!

– Тетку надо причастить, она уж там на последнем издохе, давно лежит, не встает, – затараторил Шибаленок. – В пригороде это, в Луках! Я там тебя, отец родной, в любое время с автобуса встречу и в нужное место проведу.

– Да, тут дело такое, отлагательства не терпит, – согласился отец Павел. – Давайте, договоримся, где и когда?..

В сопровождающие батюшка взял Руфа, все-таки местный житель. С городом приезжий отец Павел был еще плохо знаком, а тут пригород, поселок. Руф там тоже никогда не бывал, но промолчал о том.

В тряском, дребезжащем всеми внутренностями автобусе «сарай», видимо, только что выпущенном в рейс, пока добирались до места отец Павел продрог в своем тонком осеннем пальтишке. На конечной остановке путники поспешно выскочили из промороженного салона – на улице показалось много теплее. Возле покосившегося, с исцарапанными всякими похабными надписями стенами павильончика их никто не ждал.

– Может, задерживается где Коля? Сейчас прибежит? – с надеждой спросил отец Павел, озираясь по сторонам.

– Чего его ждать-то? Пойдем сами! – спустя какое-то время предложил Руф, глядя на съезженного вконец на пронизывающем до костей мартовском ветру батюшку. Аж стекла очков на носу у бедного изморозью покрылись.

И тут выяснилось, что ни названия улицы, ни номера дома, где ожидала болящая старушка, ни тот ни другой не знают.

Руф махнул безнадежно рукой на длинную череду одинаковых, как близнецы, бараков-временок пристанционного поселка:

– Поехали, отец Павел, обратно! Где тут искать?!

– И все-таки давай попробуем... – стуча зубами, не согласился священник.

В ответ на расспросы, где обретается недвижимая богомольная бабулька, встречные прохожие, поглядывая с удивлением на двух бородачей, недоуменно пожимали плечами.

Поплутав вдоволь по всяким проулочкам, путники окончательно приуныли, и тут Руф хлопнул себя по лбу – вот уж верно: «хорошая мысль приходит опосля»!

Первая же небритая, красноносая, слегка пошатающаяся личность изрекла:

– Шибаленок? Да он, вон, в пивнухе возле оставки гужбанит!

И точно. Едва заглянул Руф в питейное заведение – и за ближним к выходу столиком обнаружился притулившийся там Шибаленок. Он лениво, вроде б как нехотя, дотягивал из кружки оденок пива, дремал-не дремал, раскачиваясь на кривых ногах и с блаженством жмурия щелки глаз. Но стоило его соседу, тщедушному мужичку, от переизбытка питья заикать и устремиться на выход, как Коля, не кумекая долго, подвинул к себе его недопитую кружку и стремительно выглотал из нее пиво.

Руфу так и зазуделось подойти и треснуть хорошенько по этой мятой довольной харе! Шибаленок опередил: сначала по его лицу промелькнуло удивление, потом в более активно зашабарошившемся мозгу возникло воспоминание – и вот Коля, скорчив виновато покаянную мину, заторопился навстречу Руфу:

– Ой, с батюшкой меня простите! Давно вас жду! Забежал вот на минутку погреться...

Увидев на улице продрогшего отца Павла, Шибаленок и умильную слезу, наверно, пустил бы, кабы священник сурово не подогнал его:

– Веди!

– Это рядом! Вон там!

Коля вбежал на крылечко неказистого домика, не особо церемонясь, забарабанил кулаком в дверь. Вскоре дверное полотно заходило ходуном уже под его пинками, но по-прежнему никто не спешил открывать.

– Уф! – Шибаленок грязной ладонью вытер испарину со лба, оставляя на нем черные полосы. – Васька, гад, сын ейный, не иначе, на работу убежал. Нас, мудило, не дождался! А она, хозяйка-то, больше года с кровати не встает, – он подошел к окну с приоткрытой форточкой, постучал в стекло. – Бабуля, слышишь? Мы с батюшкой тут, не виноваты только, что к тебе не попасть...

И потупил свои плутоватые глазки под сердитым и уничтожающим взглядом отца Павла из-под стеклышек очков.

В дверном замке вдруг заскрежетал ключ. Дверь распахнулась: на пороге стояла, цепляясь за дверные косяки, иссохшая – одна тень! – старуха в исподнем. На застывшем, неподвижном, будто маска, испытанной жестокой болезнью, землистого цвета лице ее жили одни только глаза, и было во взгляде их что-то уже далекое от мирской суеты, ведомое человеку лишь на последнем пределе. И еще вера была в них.

Мгновение – и бабулька упала на руки подоспевшему отцу Павлу; Руф с Шибаленком застыли, распялив рты. Старушку унесли в дом; отец Павел едва успел накинуть ей на голову край епитрахили, принимая от нее «глухую» исповедь, и причастить ее святыми Христовых тайн, как старушка, просветлев ликом, отошла в мир иной.

– Видели? – спросил священник у своих растерянных и потрясенных спутников. – Вот как верить надо!..

Шибаленку порою, видимо, надоедало трястись от холода под грудой тряпья в своей нетопленной комнатке в коммуналке или ночевать после «возлияний» по городским кочегаркам. Он выдумывал причину для заболевания и заползал в палату местной больницы понежиться на чистых простынях и пожрать, пусть и скудно, зато размеренно. Благо старые доктора еще полуголодной советской поры хорошо помнили Шибаленку как экспедитора продуктового склада, и благодарность их за прежние Колыны благодеяния не улетучилась с приходом капитализма.

В конце зимы Шибаленку не стал дожидаться теплых дней, с загноившемся пальцем залег в больницу. Тут его и повстречал отец Павел, пришедший соборовать одного старичка. Дедуля где-то упал и сломал бедренную кость, лежал на койке с ногой – на вытяжку, впрямь как летчик-испытатель после катастрофы.

Коля, радостный, вышмыгнул из соседней палаты, с бодрым кликом полез лобызаться к батюшке, засуетился возле него, норовя ему подсобить: зажег свечку и тут же, шумно вздохнув, загасил ее.

Закончив таинство соборования, отец Павел, морщась от ядерного духа, исходящего от старичка, спросил Шибаленку:

– Ты истинно верующий?

– Да! – Шибаленку, состроив торжественно-скорбную мину, торопливо обмахнулся заскоружлой щепотью.

– А слышал, что вера без дел мертва есть? – с лукавинкой посмотрел на него отец Павел.

Коля в ответ промычал что-то невразумительное, развел руками.

– Вот тогда за дедушкой поухаживай! Видишь, старичок не прибран, ни родных, ни близких! Ну как? Благословить тебя на доброе дело?

Шибаленку ничего не оставалось, кроме как согласно кивнуть...

Обихаживать деда он взялся с круто подсоленным матерком, не особо кого из соседей или врачей стесняясь. Созывая всех чертей на голову бедолаги, вытаскивал из-под него судна и «утки». Притащив из столовки поднос со скудным обедом, пичкал им старичка, совал тому в беззубый рот ложку с кашей, а то и мимо ее просыпал.

Все как ни было бы, но дед споро пошел на поправку, а Шибаленку потом обосновался у выписавшегося из больницы старика на топчане возле жаркого бока печки. Дедуля пенсию получал и делился по-отечески с Колей харчами, выдавая иногда ему и на винишко.

Жаль только, что «лафа» скоро кончилась: у старичка родственнички объявились и Шибаленку без церемоний выставили за двери.

Тут он и вовсе стал возле отца Павла виться...

Дела от Шибаленки мало, он больше горазд был трескать еду в три горла в трапезной и молотить языком. Отец Павел поначалу избегал его, даже прятался, да разве скроешься от Коли! Притулится он на приступок возле двери настоящей каморки-кабинета и будет, ожидая, часами сидеть-рассиживаться тут, задирая пробегающих мимо по всяким надобностям служек. Потом все-таки батюшка смирился, особенно после того, как Шибаленку опять оказался бесприютным, приноровился, занимаясь своими делами, слушать его болтовню и пропускать ее мимо ушей, наподобие трепки диктора из радиоприемника на стене. И ночевать оставлял Колю в своем кабинете на старом диванчике.

Что поделаешь, раз послал Господь такое чадо духовное, надо же его окормлять и наставлять!..

В начале лета на острове посреди Святого озера в окрестностях города собрались восстанавливать монастырь. До настоящих насельников-монахов было еще далеко; несколько трудников – бригада заезжих реставраторов по благословению архиерея пыталась обустроиться среди хаоса из груд битого кирпича, завалов гнилых балок и бревен, всякого мелкого хлама, оставленного рыбацкими артелями.

Островок напоминал гигантский валун, зашвырнутый Всевышним при сотворении мира точно в середину озера. Вздыхалась одиноко колокольня без креста с одиноким же большим колоколом с подвезанным «языком». На озере день тих, да час лих: налетит буря, вздыбит волну на мелководной, доселе вроде бы и безобидной «луже», и держись тогда и Богу молись, зазевавшийся рыболов, коли не успел до беды добраться до берега!

И вот из сумрака, сквозь запыленный вой ветра и водяной рев, до слуха отчаявшихся людей доносится звон колокола. Рядом – остров! Спасены!

В седые времена здешний удельный князь тоже спасся от бури на острове, едва не пойдя ко дну в утлой ладье. Монастырек в честь того основал, и несколько веков тихая обитель обреталась тут, пока в «безбожную пятилетку», угодливо обезьянничая с негодяев, взорвавших в Москве храм Христа Спасителя, здесь тоже местные «активисты» не раскололи взрывом собор. От громадных кирпичных глыб попытались было отколупывать по кирпичику, найдя вроде бы и применение – для постройки скотных дворов в колхозе на «материке», да куда там – ломы беспомощно отскакивали от старопрежней кладки.

Звонницу тогда не тронули и один колокол на верхотуре оставили: пусть послужит вроде маяка в бурю – Бог-то запрещен, да кто знает...

Теперь, бродя по монастырским руинам, кто-то из молодых реставраторов предложил:

– Вот глыбы-то эти соборные поднять да и смонтировать бы на специальный клей!

– Придет время... – откликнулся ему руководитель группы пожилой мужчина, московский профессор родом из села на берегу озера. – Нам бы сейчас тут зацепиться, осмотреться, обустроиться. Трудников бы! Сколько работы черновой, сколько разгрести всего!

– Вам – первый! – отец Павел легонько подтолкнул к нему Шибаленку, таскавшегося по острову за батюшкой по пятам со значительно скорченной миной на роже.

– Я? – Коля смешался, глазки его беспокойно за-

бегали, и, когда отец Павел и Руф стали садиться в лодку, чтобы плыть обратно на «материк», и он сунулся было следом.

– Благословляю! Оставайся, трудись! – священник размашисто перекрестил Колю из отчаливающей лодки. – Здесь ты нужнее!..

Шибаленку копать в горах хлама на острове скоро наскучило. Жалился он на жуткие боли то в спине, то в голове, а то и еще где, норовил с видом страдальца повалиться и погреться подольше на солнышке, но пуще – нес без умолку всякую околесицу, пересыпая ее просоленными словечками и заставляя брезгливо морщиться профессора и криво ухмыляться молодых.

Потому оказался вскоре Коля в подручных у кашевара, одинокого бобыля из прибрежного села. Тот тоже на старости лет вернулся в родные края, с разницей только, что профессор почти всю жизнь прожил в Москве, а кашевар «кантовался у хозяина» на суровом Севере. Шибаленок с боязливым почтением косился на вытатуированные синие перстни на его пальцах, заглянув в ощерившийся фиксами «под золото» его рот, беспрекословно мчался рубить дрова или послушно заседал чистить картошку. Впрочем, кашевар больше что-то делать Колю и не заставлял. Сварганив обед, он уходил с удочками на дальний утес, Шибаленка от себя не отгонял и, сосредоточенно глядя на поплавок, хмыкал в ответ на все того побасенки.

И Коля рад-радешенек: это тебе не в кирпичных завалах неведомо зачем день-деньской ковыряться. Тут слушает тебя старый «блатырь» вроде б и с интересом и еще довольно подхохотывает. Вот только со взглядом его – исподлобья, черные зрачки глаз, точно сверла, до донышка душу достают – лучше не встречаться!..

Однажды сверлышки эти бесцеремонно и больно впились Шибаленку в нутро, отчего затрусил беднягу бездомным щенком перед волкодавом. Брякал языком, как обычно, Коля да и похвалился: дескать, батюшке-то Павлу он – друг самолучший, что бы с ним не приключись, тут же примчится отец Павел на выручку.

– К тебе, фраерку?! – усомнился кашевар. – Да ну-жен ты ему сто лет! Они, попы, до «бабла» жадны, а у тебя, как у латыша – хрен да душа!

«Сам хренов... атеист! – Шибаленок поднахватался в церкви новых для него слов, но вслух, конечно, ничего не сказал и, когда в черных глазах кашевара растеклась ядовитая насмешка, вздохнул, – погоди уже!..».

Что там Коля задумал, что с ним случилось, но на другой день кашевар пришел к палатке реставратора в встревоженный:

– Слышь, начальник! – обратился он к профессо-

ру. – Там у меня этот придурок, напарник мой, в натуре погибает!

Шибаленок и вправду лежал в лачуге на куче тряпья и, страдальчески кривя рожу, прижимал сложенные крестом руки к груди.

– Хватанул, наверно, втихаря какой-нибудь «барды» у старух... Утром мы с ним плавали в село за продуктами. Может, продрищется? – предположил кашевар.

– Да тут что-то серьезное... – склонился над жалобно постанывающим Колей профессор и попытался разобрать его шепот. – Что, что?! Отца Павла зовет! Тут фельдшера, пожалуй, надо!

– Нет! – еле слышно прошептал Шибаленок. – Отца Павла... Хочу исповедаться и причаститься.

– Так не поедет, поди, попина-то! Что с этого «чушка» возьмешь! И не по суху еще добираться. Вон, какой ветерок по озеру тянет! – засомневался кашевар.

– Что ж! Позвоним! – решил профессор, доставая мобильник..

Подплывающую почти в сумерках к острову лодку слышали по стуку мотора. Уже можно было различить на ее носу нахохлившегося в рыбацком плаще отца Павла и Руфа на корме. На мелководье малоопытный кормщик неосторожно подставил разгудывшейся волне борт, и посудина перевернулась.

Руф вынырнул, отплеываясь, махнул было на «саженках» к острову, но опомнился, закружился на месте, а потом и вовсе легко достал ногами дно – воды только по горло. Увидел неподалеку от себя черное осклизлое днище лодки и... все. На острове перестали орать и бестолково бегать по берегу, кто-то уже плыл навстречу.

Руф громко позвал отца Павла, хлебнул воды. Его, подхватив с двух сторон, ребята-реставраторы повлекли к берегу. Позади еще плескались, ныряли.

На берегу, трясаясь от холода и недавнего страха, Руф увидел, наконец, что и отца Павла островитяне вынесли из воды, стали делать ему искусственное дыхание.

– Поздно! – кашевар, приложив ухо к груди священника, горестно поморщился. – Сердчишко, видать, у бати было ни к черту.

Своим тяжелым, волчьим взглядом он нашел Шибаленку, до того голосившего громче всех и по виду – совершенно здоровым бегающего по берегу. Тот съезжился, захныкал жалобно и, ослабнув в коленках, повалился на землю.

– Батюшка! Отец Павел, друг родной, как я без тебя буду-у?! – Колю прорвало, тело его сотрясали рыдания. – Кому нужен, куда пойду? – ревел Шибаленок в голос. – Прости меня глупого!..

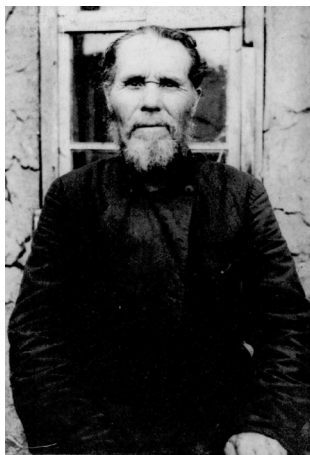

Светлана НЕФЕДОВА, член Российского союза профессиональных литераторов.

СТАРЕЦ ИОАНН КУЗНЕЦКИЙ

Благодатная Симбирская земля подарила России щедрый сонм святых старцев.

В 2013 году батюшка о. Сергей Сидоров, настоятель храма в честь Казанской Божией Матери в г. Кузнецке Пензенской области, где я в то время жила, благословил по воскресным дням вести клуб «Голубка» с женщинами пенсионного возраста. Я была очень рада этому поручению. И, проходя по кладбищенской тропинке мимо могилы блаженного старца отца Иоанна, я всегда останавливалась, чтобы помолиться батюшке. Тогда на могилке стоял большой деревянный крест и на могильном холмике и вокруг чьими-то добрыми руками были посажены цветы. Лето было жаркое, цветы часто были сухими, и я всегда брала посуду и в ближайшей колонке набирала воды, чтобы полить цветы и помолиться батюшке. А зимой на высоком дереве, которое было прижато к могилке всегда весело чирикала стая воробьев. За их веселый нрав я на ближайшем столике оставляла им угощение – пшено. Это было счастливое время для меня. И сейчас, когда я приезжаю в Кузнецк, стараюсь навестить батюшкину могилку. Старец Иоанн Павлович Афанасьев родился в 1880 году в

Старец Иоанн Афанасьев

в крестьянской семье в селе Никитине Симбирской губернии. Был крещен, родители с детства привили сыну любовь к Богу, любовь к людям. Образование получил в местной церковно-приходской школе. Еще с детства мальчик старался подражать подвигам святых отцов. Вырос, возмужал, был призван на службу в Императорскую армию. Дослужился до чина подполковника. В 1905-м женился. Родились в браке трое детей, но служба в армии и нелегкий крест семейной жизни не погасили в душе Ивана благодатного огня веры. Все отпуска он проводил в паломничествах по святым местам. Был у мощей преподобного Серафима Саровского. После революции вернулся в родное село, по своей честности и доброте был избран сельчанами старостой, что не мешало ему духовно возрастать под руководством старца Дорофея, который долгое время подвизался на святой горе Афон.

Никаких дел не начинал Иван Павлович без благословения духовного отца.

Но вышестоящему начальству не нравился верующий староста, эта ситуация провоцировала тяжелые отношения между супругами, в семье он стал изгоем. Зная обо всем этом и видя готовность своего духовного чада к отречению от мира, отец Дорофей благословил его оставить семью и уйти в лес на пустынное безмолвие. Долгое время он жил в землянке

у лесного оврага за Поповым родником, там предавался молитвенным подвигам. Верующие сельчане укроткой носили ему скромную пищу. Однажды, попав в руки безбожников, он был повешен на суку березы. По промыслу Божьему вблизи оказался житель соседнего села, который помог Ивану Павловичу освободиться из петли. Вскоре Иван Павлович был арестован, и его осудили за веру на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, в каких конкретно лагерях он отбывал срок, нам неизвестно. По отбытии срока и вернувшись на родину, опять Иван Павлович оказался в заключении. Освободился в конце 1943 года. Подвиги поста и молитвы в пустыне, мучения и страдания за Христа, исповедание веры в лагерях очистили душу подвижника. Господь сподобил его дара прозорливости, врачевания души и тела немощных людей. Старец Иоанн часто выражал свою речь притчами. Он видел прошлое и будущее приходящих к нему людей, врачевал тяжелые неизлечимые недуги, вразумлял заблудших. К нему шли из соседних деревень, городов больные, отчаявшиеся в житейских проблемах, бедах люди.

Вот уже более 50 лет, как упокоился великий подвижник веры Иоанн Павлович Афанасьев на городском Кузнецком кладбище, но благодарные кузнечане верно чтут старца, тропка к могилке не зарастает. 2013 год был для меня знаменателен тем, что мне повезло встретиться с людьми, которые знали батюшку, общались с ним. 23 ноября – день памяти старца – выдалось теплым, ясным. Неяркое солнце дарило последние теплые осенние лучи. На кладбище было безлюдно, тихо, только воробьи чирикали, радуясь последним осенним денечкам.

Если зайти на кладбище со стороны городского рынка, то от кладбищенской калитки с правой стороны в 13 ряду и находится могила старца.

Подойдя к как всегда тщательно ухоженной могилке, я увидела огромный букет белоснежных роз. У могилки почтительно стояла незнакомая мне женщина. Поздоровавшись, помолвившись перед могилкой, я завела разговор с незнакомкой. Выяснилось, что я разговариваю с духовной дочерью старца. Я попросила ее рассказать о батюшке, и мы обменялись телефонами, чтобы после встретиться. Отойдя от могилки, я увидела спешащего к могилке батюшки молодого человека с прекрасным букетом белоснежных хризантем.

В храме в это время шла литургия, но буквально через несколько минут народ после службы потянулся ручейком к могилке старца, где священник отец Михаил Сарансков отслужил чин поминальной литии. В конце литии епископ Кузнецкий и Никольский Серафим почтил добрым словом память старца Иоанна Федоровича Афанасьева. На литии присутствовала старшая внучка старца матушка Мария, духовные дети старца, односельчане, священники, прихо-

жане храма. Много говорили о батюшке.

Родственники Пивкиной Людмилы Алексеевны жили рядом со старцем и часто общались с ним: Пивкина Валентина Степановна, Сюлаева Нина Григорьевна, Сорокина-Смирнова Елена Николаевна, Николай Григорьевич Сорокин. Старец Иоанн окармливал их духовным попечением, часто он пророчествовал иносказательно и только после люди понимали смысл его слов. Однажды батюшка зашел к ним и что-то спросил про их соседа и потом проговорил

В храме Михаила Архангела в д. Никитино Николаевского района Ульяновской области, на родине старца.

с досадой, что сосед строит дом свой на песке. Они-то знали, что сосед строится на незаконные деньги, а через некоторое время этот сосед попал в тюрьму, а построенный дом его конфисковали. В семье Сорокиных жила их дальняя родственница Ксения. Батюшка однажды пришел к ним и сказал: «Можно у вас Ксению посватать?». Таким образом он благословил Ксению к себе в келейницы. Ксения поселилась в соседнем домике, где жили девицы и стала помогать батюшке. А к дочке Сорокиных относился как к своей внучке. Однажды у девочки вышла на бедре одной ноги опухоль. Водили девочку по врачам, те предлагали операцию. Келейница Ксения показала девочку старцу, батюшка пошутил весело: «Ну-ка, ну-ка, что у тебя здесь?». Потрогал опухоль, помолился и сказал: «Иди с Богом». На следующее утро ребенок уже бегал всюю и родители, осмотрев девочку никакой опухоли не нашли. Однажды Валентина сидела со старцем в электричке, собирались ехать в село Никитино Ульяновской области (родина старца). Продолжалась посадка на электричку. Сидя против окна, батюшка сказал: «Смотри, Валя, народ весь пьяный». Валентина возразила батюшке, что все трезвые, а он только пояснил: «Ну ты не видишь!».

Возможно он увидел опьяненных безбожным временем людей, которые забыли о своей вере, о Боге. Сын Николая Григорьевича Гриша боялся школьных выпускных экзаменов. Старец благословил: «Не бойся!». Сдал парень на такие хорошие отметки, каких ему в течение года не ставили. Мария Ивановна Батина, прожив в замужестве 5 лет, не имела детей, муж грозил разводом. Со слезами она пришла к батюшке, старец сказал: «Не бойся, не уйдет муж от тебя, а дети будут, да только они тебе не нужны».

Пришлось ей старость коротать одной: умер муж и все три сына умерли молодыми.

Нина Федоровна Нечаева, встретившаяся мне на могилке старца вспоминает о батюшке: «Если бы не батюшкина молитва, неизвестно, была ли я жива!». Однажды, наведавшись к соседям, она впервые увидела старца, поздоровалась, но не перекрестилась на образа, смутилась, батюшка посмотрел на девушку и обмолвился: «Всю жизнь в муке жить будешь». В это время девушка собиралась в гости к сестре в Чарджоу (Чаржев), но не догадалась взять благословение у батюшки на поездку. Встретили девушку хорошо,

зная, что она из хорошей семьи, сосватали за соседского парня. Молодые расписались без родительского благословения, только телеграмму родителям послали. После свадьбы жизнь не заладилась, муж начал выпивать, озорничать, поднимал руку на нее, свекровь настраивала сына на плохое. Мать Нины, получая письма от дочери, ходила к старцу, просила помолиться за дочку. Через год Нине удалось приехать погостить на родину. Приехав, на следующий же день отправились с сестрой в соседнее село

к старцу. Шли дорогой, говорили и плакали. Стояла жара, солнце пекло, наконец, пришли к батюшке, а он их встречает словами: «Какие мокрые пришли, дождь сильный льет?». Женщины возражать: «Нет, батюшка, никакого дождя». Старец дал им понять, что он знал, какой горькой была их дорога. Он и выслушивать их не стал, просто сказал: «Не переживай, все будет нормально, я молюсь за тебя в алтаре». Потом добавил: «Скоро приедешь, одна приедешь». Нина подумала, что приедет она одна с ребенком. Вернувшись в семью, она уже не боялась, что муж может убить, что он только не бросал в нее, все улетало в сторону. Вскоро умерла дочка. Только ребенка похоронили, свекровь стала гнать из дома. Ушли на квартиру, и там не было житья Нина уехала к родителям, как пророчил старец, одна, без мужа, без ребенка. Так и осталась у родителей. Однажды решила поехать в гости в Ленинград, а батюшка благословил не в Ленинград, а в Псково-Печерский мужской монастырь, сказал, что я с Катериной поеду. Была замечательная летняя пора, вставали рано, вначале на службу, а позавтракав, на луга, скошенное сено собирать. Прожили с сестрой целую неделю. До сих пор в памяти зажженные свечи в храме и сочная душистая трава. Никогда в жизни я не была такой счастливой, как тем незабываемым летом.

Мария Андреевна Корнилова жила в селе Дубровка, в 3 км от села Никитино, где жил старец. Послевоенные годы были очень трудные, вспоминает она. Мария Андреевна тогда работала в Кузнецке и, когда приезжала домой, привозила по просьбе батюшкиной келейницы дрожжи для приготовления просфор, хлеба. Марию батюшка всегда принимал ласково, целовал в маковку и наказывал, чтобы не выходила замуж, жила в чистоте. Батюшка знал, что она ходит в церковь. Однажды, когда она пришла к батюшке, он в это время молился и вдруг с этажерки все его книги попадали сами собой. Он повернулся к Марии и сказал: «Вот посмотри, Мария, что делает враг, а я как читал, так и продолжаю!». Она вспоминает, что однажды после окончания ВОВ ее мать зашла к старцу, увидев женщину, он произнес: «Какое солнышко взошло, радость какая вас ждет!». Вскоре с войны пришел отец, вернулись брат и сестра (на войне связисткой была) вышла на фронте замуж, приехала с мужем, майором авиации на родину.

Мария Ивановна Щербакова родом из с. Никитино часто встречала о. Иоанна и слышала, как часто батюшка говорил притчами. Однажды они с матерью пришли к батюшке, у старца было много народа. Он взял деревянный чурбак, поставил его перед собой и стал объяснять людям, как мастер из чурбака делает ложку, что мастеру долго приходится обтесывать топором чурбак, прежде чем получится красивая деревянная ложка, и показал готовую ложку и сказал: «Вот такая хорошая ложка приносит людям пользу». Мать спросила келейницу Дуню, о чем хотел сказать батюшка. Келейница ответила, что батюшка говорил о тех людях, которые впервые приходят к нему, они подобны необтесанному чурбаку.

Однажды он сказал маме: «Что ты здесь сидишь, итак народу много, иди к своему брату ночевать». Брат жил в Кузнецке. Мать поехала к брату ночевать. Послушница попеняла батюшке, что женщина обиделась, а старец ласково с улыбкой сказал, что завтра она обязательно приедет, так и произошло. Вот так батюшка проверял терпение, смирение своих духовных чад.

Однажды Мария спускалась к роднику. Это был самый лучший родник в селе, и все селяне ходили к нему за водой. У родника она увидела старца. Отец Иоанн расспросил ее о родителях, благословил девочку и подошел к роднику. Палку, с которой он шел к роднику, батюшка сунул в угол сруба и сломал ее. Маша всю дорогу домой думала о странном поведении батюшки. Дома она рассказала обо всем матери, мать, всплеснув руками, сказала, что скоро родника не будет. И на самом деле, от того места провели трубы в село, поставили колонки, а вода уже не была такой чистой и вкусной, как в роднике. А еще Мария слышала батюшкины предсказания: «Придет время, сначала будут часами баловать (переводить время), а потом пожаловаться захочешь, некому будет».

Сколько батюшка претерпел мучений, гонений в лихолетье, но помня благословение своего духовного отца Афонского старца Дорофея, он всю свою жизнь помогал людям, исцелял их, молился за них. До сих пор люди идут со своими бедами и проблемами на могилку старца и получают помощь. Мне не раз приходилось видеть записочки с просьбами, которые люди вкладывали в трещинки батюшкиного креста. И хочется с благоговением сказать:

**«СТАРЧЕ ИОАННЕ,
МОЛИ БОГА О НАС,
ГРЕШНЫХ!»**

Вновь от заветной
калитки
Тропка идет
по погосту,
Снова кресты или
плитки,
Где-то помпезно,
где-просто.
К тропке прижата
могилушка,
Рядом – ограда
блаженного,
Старцу великая
силушка
Богом подарена верная.
Здесь упокоился
старец –
Добрый отец Иоанн.
Богом подарен
скитальцу
Старчества дивного сан.
Мы прибегаем за помощью
С болью, тоскою
в сердцах.
Дома молитвенной
полночью –
В горьких обильных
слезах.
Батюшка слышит
и молится.
И помогает во всем.
После дела наши
спорятся,
С помощью Божьей живем.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Нина ЯГОДИНЦЕВА – поэт, член Союза писателей России (1994), секретарь Союза писателей России (2013), член совета по критике Союза писателей России (2014), член координационного совета Ассоциации писателей Урала, кандидат культурологии (2014), фотохудожник.

Уральский поэт Николай Яковлевич Мережников в статье «Штрихи слагаются в черты (Н. Ягодинцева)» писал: «...в нашей поэзии мы можем выделить имена поэтов известных, состоявшихся, но все еще продолжающих удивлять читателей, да и себя, наверное, тоже неожиданными приращениями и превращениями, тем самым «рядом волшебных изменений милого лица».

...Нина Ягодинцева – поэт из этого же ряда».

В МАЛОЙ ГОРСТОЧКЕ ТЕПЛА

из будущей книги

* * *

Выбегаешь на крылечко, на мороз –
И косыночка сбивается оплечь.
Ничего на белом свете не всерьез.
Никого на белом свете не сберечь.

Едут сани, режет полоз ледяной,
Виснет месяц от беды на волоске,
Покрывается нежданной сединой
Растрепавшаяся прядка на виске.

Едут сани, едут сами – а куда?
Позасыпаны дороги да пути.
Говорят, что это горе не беда –
Только зиму поперек не перейти.

А повдоль нее крутые берега,
В берегах текут поземка да пурга,
Набухают светом звезды на мороз –
Ничего на белом свете не всерьез...

А всерьез пред этой грозною зимой
Подареная косынка с бахромой,
Да горячая дорожка от слезы,
Да по зимнику тяжелые следы.

* * *

И только свечка восковая,
Истаивая, восстаивая,
Переливаясь через мрак,
Не успокоится никак.

От золотого к золотому
Неся горячую истому,
Свою обугленную тьму
Не отдавая никому...

А где-то близко, где-то рядом
Большая ночь стоит над садом
И ароматную листву
Подносит к смутному лицу...

И жилка бьется голубая,
Из тьмы на свет перебегая
И обжигаясь, и дрожа,
Как обретенная душа...

* * *

Долгожданный праздник вечерней лени:
Море обнимает мои колени,
Говорит ли шепотом ни о чем –
Поднимает ночь за моим плечом.

В этом черном парусе – свет навывает:
Что ни загадай, ничего не выйдет,
Выйдет только ветер на волю петь,
Волны заплетая в тугую плеть.

Но пока еще хоть одно мгновенье –
Море обнимает мои колени,
В теплой ласке, в плеске у самых губ –
Неужели так и взаправду лгут?

Поднимая черный дырявый парус,
Море, верно, думает: что, попалась?
А попались оба в один капкан –
Что к его волнам, что к моим рукам...

Ветер забавляется тканью рваной,
Свет летит стрелою из каждой раны,
Медленно тускнея у кромки вод,
Словно обещая, что заживет...

* * *

В малой горсточке тепла
Спать да спать, дыша неровно...
Боль пройдет, как ночь прошла.
И она была огромна,

И она была темна,
И ее гроза взрывала –
Даже в горсточку тепла
Ветром брызги задувало.

И, почти сводя с ума
На немислимой поверке,
Била высверками тьма
Прямо в сомкнутые веки.

И казалось, выше сил
Неумолчный грохот ада –
Только кто-то подносил
Сердцу тихую прохладу,

Утирал огонь со лба,
Молча истово молился...
Сохрани во сне, судьба,
Эти призрачные лица,

Эти ясные глаза,
Свет лучащие, спасаая.
Тающие голоса,
Невесомые касанья...

* * *

Бог весть, спасает или губит...
При свете дня неразличим,
Вот-вот из яви сон проступит,
Как Атлантида из пучин.

Вот-вот коснется края зренья
Зеленый луч из глубины –
И разорвет тугие звенья
Печали, страсти и вины.

И, в зыбком воздухе прозрачны,
Иные вспыхнут чертежи,
Где прямо в небе обозначены
Пролеты, двери, этажи,

Где окна в облака распахнуты
И пахнет спелой зимой,
Где сердце успевает ахнуть:
Как жизнь прекрасна, боже мой...

* * *

И я говорила: «Слушай, какого черта?».
И ты отвечал наугад невнятное что-то.
И я говорила гневно: «Да как ты смеешь!».
И вместе с платком из кармана летела мелочь.

И я умолкала – а ты начинал сначала,
А я все равно не плакала и молчала.
Смотрела в глаза и думала: «Что ж такое!».
И телефон вибрировал под рукою.

Такси у подъезда, и сердце вот-вот сорвется,
Но даже если уеду – куда я денусь?
И в этот миг над нами стояло солнце,
Смотрело на нас и смеялось, словно младенец.

Смотрело на нас и смеялось, глаза прищуря,
Как будто наша ссора его слепила...
Свети, мое золотое, свети, прошу я,
Свети, мое единственное светило!

* * *

Как нельзя замереть на речной излучке
Зеленеющей ивой – на век, не больше, –
Так нельзя протянуть на прощанье руки,
Вопрошая беспомощно: Боже, Боже,

Почему в этой боли так много света?
Почему этот свет в предвечерней черни
Обрывается каплями с тонких веток
В глубину стремительного течения?

Я не помню горе – я счастье помню:
Так июльское солнце, насквозь пронзая,
На прощанье до завтра собою полнит
Все пространство земли от края до края.

И уже невозможно не стать счастливой
В этом свете спасительном, в этой муке –
Зеленеющей, солнцем облитой ивой
Над высокой водой на крутой излучке.

* * *

День осыпан пеплом сновидений.
Словно бы тревожный, смутный сон
Вышел из своих ночных владений –
И его назойливые тени
Обступают свет со всех сторон.

Мечется испуганная птица
В полутемной каменной трубе,
Черная, огромная –
Тебе
Страшно: Боже, где она гнездится?

Вот пустая церковь на холме,
На далеком острове, и волны
Выстилают пеною во тьме
Легкую тропу – и ты невольно
На нее ступаешь, но на дне
Вспыхивает мрак:
Тропа в огне.

Вот холодный долгий коридор,
Весь в лохмотьях старой синей краски.
Вдалеке – окно.
Но свет напрасный,
Словно свету Божьему укор,
Льется прочь. А ты стоишь с младенцем
На руках. И над холодным тельцем
Собираешь скудное тепло,
Лишь бы это сердце ожило...

Снится жизнь – безвестная, чужая.
Снится, камень мира обнажая,

Гулкие провалы в пустоту.
И в трубе вселенского колодца
Птица перепуганная бьется,
Осыпая пепел на лету...

* * *

Когда бы знали мы на самом деле,
Как наши карты звездные легли...
Она сидела на краю постели –
Усталый путник на краю земли.

Перебирая в пальцах бесполезно
Больничную застиранную бязь,
Она глядела в пол, как будто в бездну,
Где космос открывался ей, клубясь.

Несли таблетки, кашу приносили,
С трудом тянули кровь из бледных жил...
Июль пролил на окна столько сини,
Так листьями по стеклам ворожил,

Так объявлял грозу, молил о чуде,
Так умолкал в изнеможенье: будь!
...Никто не знает, как ступают люди
На бесконечно долгий звездный путь,

Как за спиною вдоль высоких окон
Проглядывают линии орбит...
Как на столе в стакане одиноком
Серебряная ложечка звенит.

* * *

Мне нечего сказать – и я тебя целую.
Спокойной ночи. Спи. Однажды рассветет.
Декабрьскую тоску, холодную и злую,
Июньскую тоской по крыши заметет.

Где воздух с молоком? Где радостная полночь,
Бокалов легкий звон, шуршание фольги?
Все было и прошло. Не говори, что помнишь –
О чем-нибудь другом, пожалуйста, солги.

Все заново. С нуля. С немыслимой пустыни.
Учить себя словам. Спасать себя от лжи.
Растапливать очаг – но уголья остыли.
О чем-нибудь другом, пожалуйста, скажи.

Еще грядет июль, еще придут грозою
И влага, и огонь, и нежный плеск листвы...
Спокойной ночи. Спи. Мой ангел над тобою,
Он не смыкает глаз, не клонит головы.

АРКАИМ

Небо, мягкие лапы к земле прижав,
Дышит печальным запахом спелых трав.
Солнце звенит в зените, и сам зенит,
Высохший до серебряного, звенит,

Звон проливается в землю, словно вода –
И оживают мертвые города,
В тысячелетнюю сеть травяных корней
Рыбами угодившие в толще дней,
И на тугой излучке реки степной
Стены вздымаются солнечною волной.

Имя твое утрачено – но утрат
 Было немало развеяно на ветрах.
 Память твоя повержена – но зола
 Тысячи раз молодой травой взошла.
 И точно так же, как тысячи лет назад,
 В зное веселые кухни твои звенят...

Воздух каленый темнеет – идет гроза,
 Выше тревожные женские голоса,
 Детские крики, назойливый скрип ворот –
 Краешек тучи горой над горой встает
 И настает, осязаема и видна,
 Предгрозовая свинцовая тишина...

Но колесницей в гулкой омут жары
 Ветер неудержимо летит с горы!

Памяти не устоять на таких ветрах –
 Рушатся древние стены в горячий прах,
 И в непокорную землю у самых ног
 Время вбивает сырой грозовой клинок.

* * *

Ненасытной удалью молодой тоски
 Воровская музыка мечется в такси.
 Бьется в стекла, поймана черным коробком...
 Что она, о ком она? Больше ни о ком.

Вспоминать не велено, все пошло не так:
 От проспекта Ленина на Свердловский тракт,
 Дальше – Комсомольского бурная река...
 Помяни их, Господи: мальчиков зека,

Девочек без вызова, ужас черных трасс...
 Музыка неистово обвиняет нас,
 Выживших в развалинах, помнящих едва:
 Музыка позволено, музыка права!

Слов не слушай, Господи: лгут слова навзрыд.
 Плотный сумрак в городе фонарями взрыт,
 Высверками высвечен, фарами в упор –
 Музыка неистово продолжает спор

Не за души сгинувших в ужас и во тьму –
 За невинных нынешних, за себя саму,
 Разудало-жалкую в гиблой слепоте,
 С неизменно жвавою финкой в сапоге...

* * *

Осени печальная отрада,
 Тайна, не открывшая лица, –
 На Успенском, в устье листопада,
 Слева от маршрутного кольца.

Узенькая долгая аллея
 С ломким молодым карагачом
 Увела, как дудочка-жалейка,
 И не пожалела ни о чем.

Увела... Под легкими шагами
 С облаков осыпалась пыльца.
 Больше ничего не слышно в гаме,
 В грохоте маршрутного кольца.

И не пожалела – но, жалея
 Все, чего отныне больше нет,
 На другом конце пустой аллеи
 Возникает светлый силуэт...

Замирает сердце, привыкая
 Доходить до края, до конца,
 Слабою слезинкой размыкая
 Пыль и сталь маршрутного кольца.

* * *

Начать бы эту зиму заново –
 Зачем так ластится ко мне
 Платочек шелка чужеземного,
 Цветы не наши по кайме...

Зачем душа себя нарушила
 В угоду страсти и тоске,
 Звеня как ледяное кружево
 На индевелом волоске?

Блуждает свет за занавесками,
 Легко искрит в наплывах льда –
 Как пышно расцвели крещенские
 Спасительные холода!

И перед будущими грозами
 Сырой и душной летней тьмы
 Стоят нетронутыми розами
 Большие белые дымы...

* * *

Повсюду только свет, но каждому – по вере,
 Не этой, где война, а неизбывной – той...
 Никто не умирал – но заблудился в ветре,
 Растаял по весне, в поля ушел водой.

Повсюду лица их, внимательные взоры,
 Безвестные слова на смутном языке
 Давно забытых снов...
 О, из какого сора
 Мгновенный вихрь судьбы встает на сквозняке!

И опадая в прах, души не отпускает
 От розовых долин, белоколонных рощ...
 Таинственная речь под сердце подступает –
 И умолкает ложь,

И наступает свет. И в лоне этой речи
 Прекрасны лица рощ, и взоры дальних гроз,
 И легок смех воды, и оправдаться нечем,
 И радостно до слез.

* * *

И вот уже когда молчанье прервано
 И сердцу больше нечего скрывать,
 Покажется, что ты приходишь первая
 По именам печали называть...

Пересыхают губы, обезвожены,
 Стремительным огнем обожжены...
 За что тебе такое счастье, боже мой,
 За что такая пагуба вины?

Тянулись дни, тяжелой цепью скованы,
Но с грохотом легла на камни сталь –
По имени, по звуку родниковому
Печаль приходит к ласковым устам.

О, эти имена бытуют издавна,
Накапливая силу как вино...
И что ни будет названо – все истина,
А что не будет – будет все равно.

* * *

На крещенском морозе, на полном серьезе,
На хрустящем снегу золотые полозья...
Золотые, литые из солнечной стали –
Словно свет растворен в ослепленном металле...

На крещенском морозе, горячем на выдох,
Ни судьба не обманет, ни случай не выдаст:
Если день ненадолго, то ночи – с лихвою,
От собачьего лая до волчьего воя.

На крещенском морозе, под лунной заплаткой
Жизнь покажется краткой, покажется сладкой,
И покатится весело в санках под горку,
И окажется долгой, окажется горькой,

Ах, когда б мы, наивные, вызнали сами,
Кто на ярмарке шумной дарил леденцами,
Раздавал да прихваливал сдобным словечком,
Все-то накрепко помня о детском и вечном...

* * *

...И уже не забудутся никогда
В перекрестье дел и больших, и малых
Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах...

И уже растворилась огнем в крови
Молодая метель над ночной страной,
И уже бессмысленно о любви –
Ибо только она и ничто иное.

А мороз на Урале привычно груб,
И теперь от него заслониться нечем,
Но уже не отнять воспаленных губ
От шершавого горлышка русской речи.

То ли просто зима, то ли впрямь беда
Высекает слезы из глаз усталых...
...Налипание снега на провода,
Штормовые заносы на перевалах.

* * *

Не ты ли слал за мной несчетные погони,
Огни, дожди, ветра, пронзительную тишь
Рассвета над рекой?
Теперь ты сам в полоне,
Ты спишь,

Мой пленник, позабыв, что есть на свете воля,
И солнечный песок перетекает в сон
Пустыней мировой...
Но что нам эти волны
Над головой,

Когда во всех мирах, распахнутые настезь,
Стоят дворцы сердец – в любое заходи!
И сам ты – только свет,
и ничего не застишь
В груди.

* * *

Прислонясь горячим лбом к законной стылой рани,
Вспомни зимний Лиссабон с невозможными ветрами:
Света яростный набег, храмов смуглые лампы,
Эту улочку наверх, замощенную горбато.

Слишком близко подойти,
слишком пристально взглядеться...
Осторожнее! В груди снова вспыхивает сердце –
Я ему не госпожа, в крайнем случае служанка,
И ему за свой пожар никого уже не жалко!

По трамвайному пути мимо лавочек и спален,
Мимо здравствуй и прости, мимо честен и бесславен,
Мимо чуждый и родной, мимо кратко и навечно...
Что с тобою и со мной? Ничего. Любовь, наверно.

А верней – цветущий сад, где не сразу я узнала
Этот странный аромат апельсина и сандала,
Безусловный тайный знак, за который душу вынет
Атлантический сквозняк, пробивающий навывлет.

В нашей северной стране, слава богу, по-иному:
Засыпает щедрый снег по весне дорогу к дому,
Минус тридцать, рад – не рад,
кровь мерцает зло и ало,
И все тот же аромат апельсина и сандала.

* * *

Сошла высокая вода...
Душа, откуда столько боли?
Несет черемуха в подоле
Малиновые холода.

Идет, боса и весела,
В прозрачном облаке остуды,
Не сетуя на пересуды
На шумных улицах села,

Навстречу ей сквозит трава,
До солнца воздух пробивая,
И жизнь такая молодая,
И лишь поэтому права.

И ладно – лишь бы все цвело,
Не вспоминай в весенней силе,
Что руки нежные застыли
И пальцы тонкие свело.

* * *

Так останься же тайной отрадой
Для моих неприкаянных дней,
Как сирень за церковной оградой
И фонарь потускневший над ней!

Сквозь безумие и отречение
Пред тобой на колени паду
Под его золотое свеченье
В полуночном церковном саду.

Ибо кто в этом мире не ищет
Гиблой славы страстей и обид?
Кто потом над своим пепелищем
В покаянной тоске не стоит?

Кто не молит золу золотую:
Озари, воскреси, оживи
Беспощадную, честную, злую,
Беззащитную правду любви...

Так останься же памятью майской
За оградой прожитых лет,
Где сияет прощальной лаской
Фонаря остывающий свет...

* * *

Радость говорить – пробовать на вкус
Воздуха сырой серебряный хруст,
Корочку морозца ломая
До горячей мякоти мая...

Кто для нас с тобой этот хлеб растил?
Кто его питал солнцем спелых сил,
Песни пел над зреющей нивой –
Молодой, влюбленный, счастливый?

Прижимал к груди запад и восток,
Растирал в руках крепкий колосок –

И высокой светлой страдаю
Проходил бескрайней страной...

Собран урожай, смолота мука,
Мякоть горяча, корочка сладка –
Ешь, дитя, расти, не печалься,
На лихом ветру не качайся!

* * *

Задует, метелит, вьюжит, но как легко
Пить ледяное, хрустящее снежное молоко!
Так и льнет, так и льется широкой рекой на грудь –
Успевай шубейку драную запахнуть...

Пахнет розами ночь,
но откуда в морозы такой цветник?
Ароматный родник – даже ветер в испуге сник.
Словно смотришь в уютный садик через забор
И глядишь на розы, как вор, и дышишь, как вор...

Это чистое, нежное, чуть взглянул – и уже украл...
Это в сердце, как в тайнике: декабрь, Урал,
Ночь, морозец, сердце рвется из-под руки
Собирать горячие белые лепестки.

И морозец ему не указ, и ночь – не указ.
Если хочет оно украсть – ну как не украсть?
Это сердце, и что для него закон?
Только то и живо, что под его замком.

Виктор МАЛАХОВ, член Союза писателей России

«МЕТАЛИРИКА» ЕЛЕНЫ КУВШИННИКОВОЙ

Творчество Елены Кувшинниковой, как это и свойственно большому поэту, лучше, глубже и полнее расскажет об авторе, чем самые обстоятельные и пространственные статьи. Таково свойство настоящей поэзии – она принципиально не переводима на язык прозы. Но это, конечно, не значит, что о стихах и их авторах не стоит говорить. Надо и еще как надо!

Так что же отличает поэтический мир Елены Кувшинниковой? Пожалуй, ключевое слово для нее – «душа». Душа разная: восторгающаяся, мятущаяся, сомневающаяся, печалующаяся...

«В светлом храме – темные подвалы, / Но не бойся, чистая душа / В них спуститься...» ибо

«Исцелившись собственной болью, / Выйдешь и увидишь, что весна...».

У автора своя твердая, потому что выстраданная, позиция:

«И все же мир спасется добротой / И даже зло бессильно отступает, / Когда душа сияет красотой, / Смирением и кротостью сияет».

Ведь в конце концов:

«Все преходяще. Останется вечное: / Небо, душа, эта милость сердечная».

В этом поэтическом мире все связано между собой тысячами нитей, зависимо одно от другого. Творение не оторвано от Творца:

«Нет преграды никакой / Между воздухом и вдохом, / Между словом и душой, / Между замыслом и Богом».

И еще это мир Тайны, Чуда, Волшебства:

«В нас тайна. Мы себя не знаем, / Но постепенно познаем».

В этом мире нет резкой непреодолимой границы между познающим и познаваемым, между объектом и субъектом:

«Стрела и мишень в своей сути одно...».

Это отнюдь не статичный мир: «Не метафизика. Нет, нет! / А металирика. Вот это – / Не ощущение и предмет, / А ощущение предмета».

Это живой и развивающийся мир, со своими взлетами, отступлениями, срывами и падениями. И все же:

«Восходит к небу по ступеням / Освобожденная душа!».

Недаром еще в 1992 году в предисловии к сборнику стихотворений Елены Кувшинниковой «Негромкий свет» Александр Коваль-Волков сказал: «Я верю в талант Елены Кувшинниковой, в ее большой

нравственный душевный потенциал, который со временем раскроется в полную силу. В этом убеждают ее стихи». Нет никаких сомнений, что такое время уже наступило.

Обращает на себя внимание трепетное, ответственное отношение Елены Кувшинниковой к творческому процессу. Для нее это не просто одно из многих занятий, но священнодействие и служение. Она умеет рассказать об этом по-своему и в то же время емко и афористично:

«Есть дни, когда, как тихая река, / Замедленно текут часы и мысли. / И пауза высокая зависнет / Как над мольбертом – легкая рука».

«Как мешают слова говорить! / Прояснить потаенные смыслы».

«Сквозь наслоенье дней и лет / Дай Бог сберечь нам тихий свет / Под сердцем бьющегося слова».

Стихи у Елены не сочиняются, не придумываются, не конструируются, они рождаются. Иногда кажется, что многие ее строчки и даже целые стихотворения существовали всегда:

«Как липа цвела музыкально / На круглой поляне в лесу!».

«Не играй в мою игру! / Не кружи, как ворон, рядом. / Я тебе – не по ребру. / Было чудом, станет – адом».

«Пусть будет Осень. Пусть она войдет, / Медленно и царственно ступая».

«Но, как листва, стремящаяся ввысь, / Пытается душа возвысить тело...».

Любовь ко всему мирозданию у Елены Кувшинниковой органично вытекает из любви к своим близким, к дому, к своей малой родине:

«Мой город, как ты дорог мне! / И радуется взгляд: / Весь берег Волги по весне / Сплошной цветущий сад».

«Я – волжанка. Мне родина – Волга».

Созданная Еленой Кувшинниковой поэтическая летопись ее души, вобравшей в себя целый мир, оставляет в душах читателей сильное впечатление. Она знает главные секреты поэтического творчества: в поэзии нет мелочей. Все значимо. Содержание определяет форму. Количество – ничто при отсутствии качества. Поэзия это не цель, а самая суть жизни, способ существования. И это залог того, что будут еще новые сборники, новые, западающие в душу стихотворения. И что такое юбилей, если рассматривать его в свете написанных ею строк? – «Вот грань для нового отсчета!»

Елена КУВШИННИКОВА, член Союза писателей России, лауреат премии им. Н. Благова.

«Поэт Зинаида Миркина писала: «Учителей много. Учеников нет...». Ученичество – это особое состояние души. Готовность слышать и внимать, готовность возрастать духовно, всю жизнь шаг за шагом идти вперед. Пусть не заканчивается благословенная пора ученичества! Вперед! – Свет!».

ПОРА УЧЕНИЧЕСТВА

стихи разных лет

* * *

Ты помнишь? Я птицей была
И песнь соловьиною пела.
А песня звенела, звенела
Как два удивленных крыла.

Да славятся чистые дни,
Где верилось в счастье и верность,
В неизбежность и неизменность.
Ты память о них сохрани.

Когда-нибудь дерзко-смела
Взлечу высоко и крылато.
Ни слов не оставлю, ни даты...
Ты вспомнишь – я птицей была.

* * *

Мне радостно тобой владеть.
Не обладать и не иметь,
А тонко так владеть тайком,
Как ночь овладевает сном,
Как лес – дождем,
Как осень – ветром...
Но впрочем, стоит ли об этом?
Давай-ка лучше о другом.
Я расскажу тебе о том,
Как...
Радостно тобой владеть!
Не обладать и не иметь.
А тонко так владеть тайком,
Как ночь овладевает сном,
Как лес – дождем,
Как осень – ветром...

* * *

Не играй в мою игру!
Не кружи, как ворон, рядом.
Я тебе – не по ребру.
Было чудом, станет адом.
Не смотри же, оробев,
Мой всеильный, мой всеслабый.
Я тебе не по судьбе.
А могла бы... А могла бы...

* * *

Март жадно ловит воздух ртом
И упивается. Потом
С торжественностью тает.
Апрель ступает на порог,
Он ветренный, как юный бог.
Он ласточкой летает.
Безудержный, веселый май
Приносит гомон птичьих стай,

Струится и грохочет.
Не разобрав, не различив,
Все хвори разом излечив,
Без умолку хохочет!

* * *

Как липа цвела музыкально
На круглой поляне в лесу!
И спину держа вертикально,
И ветви держа на весу.
Она наслаждалась простором
В гармонию погружена.
И птичьим невидимым хором
Легко управляла она.
И эти потоки зеленых
Летящих, поющих ветвей
Сливались в единую крону.
И солнце сияло над ней!

* * *

Как липа цвела...

Я не хочу отсюда уезжать.
Я просто не сумею оторваться.
Любить родное –
сердцем принимать.
Здесь выпало родиться и остаться.
Здесь, кажется, просторней небосвод.
И волжский ветер рощу обнимает,
Ту самую, где все еще цветет,
Как в песне, моя липа вековая.

ДОН КИХОТ

Моему доброму папе

Он верит в добро и ласку,
В волшебные чудеса,
И верит по-детски в сказки,
Он их сочиняет сам.
А как запоем – так снова
Счастливой душа взлетит,
Избавит от наносного
И музыкой защитит.
Сестра моя, не печалься!
Ведь, чтоб одолеть беду,
Понять донкихотства счастье
Нам писано на роду.
Одна по наследству льгота –
Добром отвечать на зло.
Мы дочери Дон Кихота.
Нам здорово повезло!

* * *

Маме

Где ты теперь? Я не могу спросить.
Нельзя тревожить смолкнувшее эхо.
И лишь молитвы тоненькая нить
С трудом латает на сердце прореху.
Молчанье оглушающее звенит,
Но обратиться в тишину не может.
Моя душа во всем себя винит.
Себя винит. Но это не поможет
Тебе. Скажи, как заглянуть за край.
Туда, где ты сейчас. Там все иначе.
Открой мне, мама, там и вправду рай?
Но ты молчишь. И я молчу и плачу.
Что там? Сноп света?
Черная дыра?
– Ах, где ты, где ты?!
– О, не спра... не спра...

* * *

Ожидание чада –
Ожидание чуда.
Здесь любовь и отрада
Прорастают повсюду,
Как трава, как деревья,
К небу, солнцу и свету.
Напряжением стебля
Отворяется лето.
Поплывет в сердце радость
Позолоченной лодкой
От чудесного взгляда
Мальши-первогодка.
Будет дивное дивом,
Будет новое новью.
А ребенок красивым,
Защищенным любовью.
И наполнится вера
Богородицы светом.
Открываются двери
В плодородное лето.

* * *

Дочерям Татьяне и Ирине

Чем бы ни увенчалось
Замысла воплощенье –
Всех осенит вначале
Таинство нареченья.
И да хранят вас странно,
Явственно и незримо
Пушкинская Татьяна,
Пушкинская Арина.

* * *

Затишье. Ожидание письма.
Открыта дверь в иное время года.
И лето в предвкушенье перехода
Застыло, призадумавшись весьма.
Есть дни, когда, как тихая река,
Замедленно текут часы и мысли.
И пауза высокая зависнет
Как над мольбертом – легкая рука.
С прямого перехода я сверну
И доберусь окольными путями
Туда, где осень нежными мазками

К зеленому добавит желтизну.
Нетрудно мне дорогу выбирать.
Семь верст пройду:
Все лесом, лесом, лесом.
Мой путь земной сольется с поднебесным.
А там и до небес рукой подать!

* * *

Я тебе говорила, а, может быть, даже писала,
Что цветут маргаритки в моем покаянном саду,
Что созрели опалы, и в них прорастают кристаллы.
И мерцают, как тайна, и каждый похож на звезду...

Забутье. Маргаритки. Опалы... Страна сновидений...
Так богата она, так щедра на любовь без вины.
На восторг совпадений,
на пышность воздушных растений,
Словно признанный гений мои режиссирует сны.

Это замкнутость круга, и странное чувство покоя
От того, что его не удастся уже разомкнуть.
Это пенье прибой и крови волнение морское.
Навсегда в голубое впадающий солнечный путь.

В воскресенье – ты слышал? –
прошел фестиваль сновидений.
Там по-детски серьезно играют в «Замри – отомри»...
На экране небес плещут полосы света и тени...
В завершеньем просмотра мой сон получает Гран-при.

* * *

Обессиlena не от бескрылости –
От того, что все шире крыла!
Жду единственной божеской милости,
Чтобы выше подняться смогла.
И взлететь! Всем размахом, всем трепетом
Погрузиться в небес глубину.
Вслед за тоненьким ангельским лепетом
Всею Душой обрести тишину!

* * *

*«Чтобы стихотворение зажило...»**Е.И.*

А ты подуй, оно и заживет.
Костер займется, пламя заиграет.
А ты подуй, подуй – и боль уйдет.
Саднящая, сквозная, стиховая...
Утихнет, успокоится. А там
Рукой подать до берега такого.
Где благодать дается по стихам,
Где оживает сказанное слово.

* * *

Что делать, если голос заперт?
Глухой стеной тоска встает.
Храм опустел. Безлюдна паперть.
Никто тебе не подает.
Осталось всем нутром, всей кожей,
Всею верой свято чуда ждать!
И уповать на милость Божью.
На милость Божью уповать...

* * *

Александр Карпову

В нас тайна. Мы себя не знаем.
 Но постепенно познаем.
 Мы ищем, мечемся, страдаем.
 В пути то плачем, то поем...
 И голос твой еще таится.
 Он не расслышан, не рожден.
 Он от оков освободится –
 Ты сам им будешь побежден!
 Какая сила нами правит?
 Кто отмеряет нам талант?
 Невзрачный камешек оправит
 И засверкает бриллиант.
 В церковном или общем хоре
 Созвучье нарастает вновь...
 Как может петь немое горе
 И несказанная любовь!
 Из гула прорастает пень.
 И, откровением дыша,
 Восходит к небу по ступеням
 Освобожденная душа!

* * *

*«Квартет»**БДТ**«Я скажу тебе с последней прямой...»**ОМ.*

Тридцать зим и четыре лета
 Переможем-переплывем.
 Доживем и мы до «квартета»
 До последнего доживем.
 Не из басни с ее моралью,
 А из пьесы о нищете
 Духа, старости и печали.
 Осень. Питерский БДТ.
 Трагифарсовая затея,
 Улыбаясь, идти ко дну.
 Это мужество – жить, надеясь
 Лишь на музыку на одну.
 Нет прочнее такой опоры,
 Нет надежней такой стены...
 Дом призрения. Дом актера.
 Дом прощенья чужой вины...
 И раскаянья, и прощанья...
 Только музыкой передать –
 И последнее целованье,
 И последнюю благодать!
 Робкой просьбой о милосердьи
 Застывают в груди слова.
 Это музыка. Это Верди.
 Голос отнят. Душа жива!

* * *

И не примета – просто мета.
 Зарубка, родинка, стезок.
 Пылинка в переливах света,
 Небесной лесенки шажок.

Не метафизика. Нет, нет!
 А металирика. Вот это:
 Не ощущение и предмет,
 А ощущение предмета.

В стихах расплеснутое то
 Единственное состоянье,
 Когда не то, не то, не то...
 И вдруг – все слух и обонянье,

Все зрение! Ликинешь так,
 Как только что спасенный может...
 И радуется любой пустяк.
 ...Брелок, ключи, пальто в прихожей!

* * *

*«Боль это или благо?»**С.К.*

И боль, и благо. Благо боли.
 Весна опять к нам благоволит,
 Точней сказать, благоволит.
 Вновь из окна простерся вид
 На Волгу после пробуждения.
 Зеленых веточек сплетенье
 Освобождает от обид.

А если сверху, с высоты
 Взглянуть на Волгу и мосты
 И муравьишек человеческих?
 Почуять мелкость всех невзгод,
 Понять всем сердцем – все пройдет!
 Лишь то, что свято, будет вечным.

Любовь свята. И жизни ось
 Вся проросла в нее насквозь
 И превратилась в древо рода.
 А в кроне – дети, соловьи
 Поют о будущей любви.
 Над ними неба свод. Свобода.

Такой простор, такой размах!
 И в очищающих слезах
 Душа открыта жизни новой.
 Сквозь наслоненья дней и лет
 Дай Бог сберечь нам тихий свет
 Под сердцем бьющегося слова.

* * *

И на молчанье есть запрет. И на слова.
 Я не жива, выхожу на свет. И не мертва...
 Это софитов острый нож. Дружная рать.
 Так же, как слово Ты даешь, можешь отнять...
 Воля Твоя! Услышь – скажи, пастырь – рабе...
 Я б отдала Тебе всю жизнь. Только Тебе.

* * *

Пора ученичества, что ли,
 Продлилась до желтых лесов.
 Но познана поздняя воля.
 И в небе – венки голосов.
 Когда же сквозь тайну пророчеств
 Мне истина будет видна,
 Из зерен моих многогочий
 Светло прорастет тишина.

Игорь КАЛИНИН родился 30 июля 1965 года в г. Ульяновске. Кандидат психологических наук, доцент.

Поэт, автор книги стихов «На изломе души» (Ульяновск, 2002).

ЧЕРЕЗ СЕРДЦЕ

Даже если бы он в своей жизни не написал ни строчки, он был бы поэтом. Ведь кто такой поэт? Это «человек без кожи», принимающий все близко к сердцу, видящий мир немного не так, как обычные люди. Игорь принимает все не просто близко к сердцу, он все принимает прямо в сердце, через сердце, через душу. И мир он видит абсолютно непохоже ни на кого. Только такой человек может быть настоящим поэтом. Можно много сочинить стихов, но при этом быть банальным и скучным. А можно не написать ни четверостишия, но быть поэтом своей жизни. Игорь именно такой. И он пишет. Его стихи непросты. Надо иметь особый интеллектуальный строй, чтобы понимать их смысл, их философию:

*Любовь – глухонема, а истина – слепая,
И, над ручьем воды от жажды умирая,
Искал я с фонарем, искал при свете дня,
Искал и не нашел... Чего? Пока не знаю...*

(«Любовь – глухонема...»)

*...Наш путь не кончается точкою,
Быть может, это и к лучшему,
Уйти, не закончив целого,
Прерваться за миг до потушенности...*

(«Идущему по пути»)

*Тебе в бессмыслице Бес мыслится,
а мне – Бог...*

(«Тебе в бессмыслице...»)

Только после долгого пути, переосмысления, перерождения могут родиться такие многосмысловые образы. Можно в чем-то не соглашаться с позицией

Игоря, отраженной в его творчестве, но то, что его аргументы весомы, а выводы имеют право на жизнь, бесспорно.

И нужно быть знатоком и ценителем слова, чтобы прочувствовать вкус, аромат, фактуру стихов Игоря. Он часто употребляет необычные образы («...Роняет осень запоздало // К ногам моим аплодисменты...» как это? К ногам – аплодисменты? А вот так! Такова ассоциативная цепочка: лист – кленовый – ладошка; шелест листьев-ладошек – аплодисменты; листья к ногам – цветы к ногам – аплодисменты к ногам...), новые слова («словоние», «символение», «стихотворие»...). Но эти слова-перевертыши нужны автору не для оригинальности. Он ищет изначальный, сакральный смысл слов, перебирая их, как четки, перекачивая, пробуя на вкус, на звук... Нет сомнения, что Игорю Калинин у стихи необходимы, это то, что помогает в Пути.

* * *

*Боль рвалась изнутри, облачаясь в стихи,
Голос чей-то вецал: «Это все за грехи,
За метанья души то на норд, то на вест,
Ты еще не готов быть распятым на крест!
За скитанья без веры то на зюйд, то на ост,
Тебе даже еще не положен погост...
Ты застрял в этой жизни: ни вверх и не вниз,
И за это тебе полагается криз!
А стихи, как отдушина, чтобы в пути
Легче было тебе по Дороге идти...»*

(«Кризис»)

Татьяна Мельник

Игорь КАЛИНИН

ПРОЗРЕНИЕ

ВЕНОК СОНЕТОВ

**Мы, зрячие, воистину слепы:
Любую вещь свободно замечаем,
Добро от зла с трудом, но отличаем!
Однако не спешим к добру со зла тропы.**

**Не ведая порою, что творим,
Мы думаем, что так оно и надо,
И искупления грехов совсем не надо,
Но вслух об этом мы не говорим.**

**В стекле не видим мы его прозрачность,
Невидимость его неоднозначна.
В том парадокс, что парадокса нет!**

**Разбитое стекло заметно сразу.
Суть целого узрит не каждый разум.
При свете, видя, мы не видим свет!**

1.

Мы, зрячие, воистину, слепы:
При свете дня мы с фонарем плутаем,
Стремимся к солнцу, ищем чистоты,
Но все же темноту предпочитаем...

В который раз в тоннеле видя свет,
Мы думаем – там выход из тоннеля,
Бежим, быстрее направляя след,
Надеждою себя напрасно грея.

Но тусклый отблеск, брезжащий во мгле,
Лишь лампа поезда – вся в копотной золе, –
Что в лоб несется, нам кончину намечая,

Так мы, забыв о свете в темноте,
Желаньям потакаем – не мечте,
Любую вещь свободно замечаем.

2.
Любую вещь свободно замечаем,
Про око мудрости совсем забыли мы,
Зашторив тканью плотную умы,
Над сутью бытия не размышляем.

Бежим куда-то вечно в суете.
Хотя так хочется порой остановиться,
Побыть собою, вглубь уединиться,
Привыкнув к внутренне присущей пустоте.

Собой не быть – чем не синоним смерти,
Словам Сенеки, если сможете, поверьте,
Что смерть не впереди, а за плечами.

Собою быть – удел, увы, не многих.
Словами пропуска пусть будут перед Богом:
Добро от зла с трудом, но отличаем!

3.
Добро от зла с трудом, но отличаем.
По крайней мере, мы считаем так,
Законы общества толкуя так и сяк,
О справедливости, но не земной, мечтаем.

В законе правды нет – гласит молва.
Там справедливость есть, но не от Бога.
Но много ль толку в том и сколько проку,
Коль к Храму не выводит нас она?

Превыше власть у нас законов Божьих,
И власть имущих вовсе не тревожат
Ментальности глубинные пласты.

В ответ в «братков» мы превращаемся –
не братьев,
Пока что жизнь свою влачим не «по понятиям»,
Однако не спешим к добру со зла тропы.

4.
Однако не спешим к добру со зла тропы.
Добро к тому же кажется нам пресным,
А зло так завлекательно чудесно,
Так привлекательны для нас его черты,

Что мы, замороженные сиянием,
Готовы все за миг один отдать,
Чтоб на мгновение только испытать
Все, что потом не сможешь покаянием.

Оно по-разному, но каждого достанет,
И на пути твоём, как хищник, встанет,
Судьбу свою мы сами мастерим.

Ответ держать нам все равно придется,
И потому за все за то зачтется,
Не ведая порою, ЧТО творим.

5.
Не ведая порою, что ТВОРИМ
Суть человека нашим отношением,
Мы алгоритмы путаем с решением.
И путаем, где айсберг, где Гольфстрим.

Знать «как» отнюдь не означает «что».
А видимость, хотя порой красива,
Однако с сутью не всегда соотносима,
Снаружи что-то, а внутри «ничто».

Совсем иное дело, что внутри...
Его не разложить на Раз... и Два... и Три...
Тут недостаточно поверхностного взгляда.

Творенье Божье внутреннему рознь,
Чтоб каяться за выбор не пришлось,
Мы думаем, что так Оно¹ и надо.

6.
Мы думаем, что так Оно и надо.
Раз так, то отвечать нам не дано,
Поэтому и жизнь мы, как в кино,
Сопровождаем кадр пассивным взглядом.

Гораздо легче просто наблюдать
И рассуждать, что истинно, что ложно,
Что хорошо, а что совсем ничтожно,
Словами легче, чем делами отвечать.

Хотя и делом можно обмануть,
Когда сам от себя скрываешь суть,
Что дело делаешь за внешнюю награду.

Но перед Ликом нам придется отвечать,
Отнюдь не Бог поставил нам печать:
«И искупления грехов совсем не надо».

7.
«И искупления грехов совсем не надо», –
Ложь: Гамбургский давно подписан счет,
Где жизненным делам ведут учет.
И направляют к раю или аду.

Отнюдь не зря дана благая весть,
Божественных нравучений повесть,
Где путь во тьме указывает совесть.
Конечно, если эта совесть есть.

Зов совести отнюдь не глас отца,
Что нам из прошлого от первого лица
Суровостью напоминает Древний Рим,

А интуиция, что направляет в путь
И светом освещает жизни суть,
Но вслух об этом мы не говорим.

8.
Но вслух об этом мы не говорим,
Ведь на пути к истокам мироздания
Она – животворящий свет сознания,
Который мы не очень-то храним.

Она, как зеркало, показывает нам
Себя, других с изнанки и наничку.
Листая жизнь, страничку за страничкой,
Без совести путь легок к небесам.

Влача по жизни этой бранный век,
Чем к смерти ближе, чище человек.
Иных страшит ее неоднозначность.

Ведь на себя, обратно бросив взгляд,
В стекло одностороннее назад,
В стекле не видим мы его прозрачность.

9.
В стекле не видим мы его прозрачность.
Свободно сквозь него струится свет,
Когда на нем налета пыли нет,
Яснее видно жизни многозначность.

И только лишь разбитости следы
Напоминают про его существование,
Про то, что в этой ткани мироздания
Мы целого отнюдь не чтим плоды.

Ведь чем светлее целое стекло,
Тем меньше замечаем мы его,
Невидимости вариант – прозрачность.

Так лучше может замутненным быть,
Хрусталь души чтоб не смогли разбить?
Невидимость его неоднозначна.

10.

Невидимость его неоднозначна,

Ведь может быть прозрачное цветным,
Но видеть то не суждено иным,
Кто властью бездуховной озадачен.

И управляют брэнною Землей
«Законы Питэра» – не Божии законы!
Для власти нынешней они почти икона,
Что государственной защищена братвой!

Успех, наверно, славы младший брат
Он легче тем, кто недалекват,
Вот в чем источник Пирровых побед!

В том, что внизу способных тормозит,
Неперспективным вверх дает транзит,
В том парадокс, что парадокса нет!

11.

В том парадокс, что парадокса нет!

Ведь парадокс¹ – есть истина другая,
Невидимость быть может и иная,
Когда тон фона позаимствовал предмет.

И мимикрируя под этот общий цвет,
Невидимыми делаясь при этом,
Все мы конформным заняты балетом,
Чтоб выбраться повыше в «Высший свет»!

Но, правда, это отрицаем мы,
Ведь легче грезить, наблюдая сны,
Не замечая существующей проказы,

И лишь когда гниенья смрадный газ
Проникнет в камеры стеклянные до нас,
Разбитое стекло заметно сразу.

¹ см. З.Фрейд «Я и ОНО»

12.

Разбитое стекло заметно сразу!

А что мешало раньше видеть нам?
Что, если нет нарывов, шрамов, ран
То это признак чистоты, а не проказы!

Зачем нам вдребезги чего-то разбивать?
Быть может, голод утолив в себе познания,
Мы, наконец, дойдем до осознания:
Познать не значит что-то на куски разъять!

Сальери, музыку на ноты разлагая,
Напрасно мучился потом, воссоздавая
То, что, разъяв, убил буквально разом.

Не научившись познавать, не убивая,
Мы прозябать обречены, не понимая:
Суть целого узрит не каждый разум.

13.

Суть целого узрит не каждый разум,

Ведь целое не надо завершать,
Поэтому так трудно увидеть
Гармонию законченности глазу.

Многоаспектен целостности вклад,
Легко узреть лишь, что уже разбито,
Где целостность, увы, уже убита,
След битого легко находит взгляд.

Законченное помнится с трудом,
Быть может, дело состоит тут в том:
Нарушив целое, мы оставляем след!

Вернее, успеваем наследить!
Но натоптать – не значит сотворить.
При свете, видя, мы не видим свет!

14.

При свете, видя, мы не видим свет!

Хотя он льется к нам со всех сторон.
Незыблем бытия оксюморон,
Которого на самом деле нет!

А темноту мы видим без труда
И прежде, чем внутри ее предметы,
Но чтоб узреть привычные объекты,
Невидимым быть должен свет всегда.

Так мир устроен: близкое – далеко.
В суть близкого не проникает око.
Итог печален, если мы глупы...!

В слепом пятне нам недоступно зрение.
Поэтому так важно здесь ПРОЗРЕНИЕ!
Мы, зрячие, воистину слепы.

Шафик ИМАТДИНОВ – поэт, прозаик, заместитель председателя татарской писательской организации Ульяновской области. Член Союза писателей Республики Татарстан.

Родился 8 сентября 1950 года в деревне Старые Какерли Дрожжановского района Республики Татарстан. Со школьных лет пишет стихи, печатался в районной газете «Байрак» («Знамя»), в республиканских газетах «Яшь ленинчы» («Молодой ленинец»), «Татарстан яшьләре» («Молодежь Татарстана»), в журналах «Ялкын» («Искра»), «Казан утлары» («Огни Казани») и других.

Окончил Ульяновский политехнический институт, работал руководителем Красногуляевского завода железобетонных изделий. Почетный гражданин Сенгилеевского района Ульяновской области.

С 2011 года живет в г. Ульяновске. Является постоянным автором областной татарской газеты «Өмет» («Надежда»). Автор пяти книг: «Дәръяларга каршы йөзәм» («Плыву вопреки всему»), «Сиңа гына» («Только тебе»), сборник стихов на татарском языке «Сердечные часы» (издательство «Печатный двор») и сборника стихов (Татарское книжное издательство Татмедиа «Идел-Пресс», г. Казань). Недавно увидела свет книга «Своей дорогой иду» (сборник стихов на русском языке). Стихи и проза Ш. Иматдинова публиковались в журнале «Симбирскъ».

Шафик Хасиятуллович Иматдинов – председатель Совета татарской национально-культурной автономии Засвияжского района г. Ульяновска, лауреат премии имени Габделжаббара Кандалий. За многолетний и добросовестный труд награжден многочисленными грамотами и благодарственными письмами Всемирного конгресса татар, законодательного собрания Ульяновской области, правительства Ульяновской области, областной татарской национально-культурной автономии, городской думы, администрации г. Ульяновска.

ВЕСНА ПРОСЫПАЕТСЯ

Авторизованный перевод Александра Лайкова.

* * *

Сколько шрамов на сердце моем,
Расскажи, мое сердце больное.
Каждый шов кровоточит ручьем,
Только ты не сдаешься без боя!

Сколько раз спотыкалось в пути,
От любви разрывалось на части...
Ты меня, мое сердце, прости
За мое неуютное счастье.

На добро отвечаешь добром,
И скучаешь о прошлом ночами.
Сколько боли за левым ребром,
От бессонниц, любви и печали!

Мы все так же легки на подъем
С окаянной эпохой вровень
И берем за подъемом подъем,
Чую капли отзывчивой крови!

* * *

Ночной Симбирск, и тихо катит волны Волга.
Бросаются в глаза, мерцая, фонари...
По ветреной судьбе плутал я слишком долго,
Но вспоминал всегда большие корабли.

Любимый город мой! Я вновь к тебе вернулся
И вышел на Венец, где были мы близки...
Как будто вновь в былую юность окунулся.
Горят и дразнятся, как свечки, огоньки.

Шумит прибой, и свет луны прозрачно-ломок,
И видно далеко с прохладной крутизны...
А старый городок, притихший как ребенок,
Удобно спит в объятьях модной новизны.

Приходят поезда с далеких важных станций,
Над пристанью шумят залетные ветра...
Но мне теперь совсем немислимо расстаться
С любимым городом уюта и добра.

* * *

Прошедшей юности года
Я вспоминаю вновь с печалью
Ведь в них остались навсегда
Восторг души, мечта и тайна!

Найти бы мне следы любви
И первого прикосновенья...
Аллах, прошу, останови
Верни прекрасное мгновенье!

Любовь приходит только в сны,
Вернуться в юность невозможно...
Мы были оба влюблены,
Как ведал классик, безнадежно.

Но я с восторгом, как дитя,
Смотрел на мир почти с пеленок!
...Сегодня, прошлое любя,
Вернулся к вам большой ребенок.

* * *

Не горюй, что листва облетает:
Наша жизнь – только миг бытия.
Снежным комом дела налипают
И совсем одолели тебя.

Кто до времени бег остановит
И отпустит на отдых, скажи?
Время тает снежинкой в ладонях,
Оседает в копилке души.

От кручины, нужды и печали
Где найти утешенья слова?
От бессонниц кружится ночами
И сидит твоя голова.

Но счастливые нити остались
У заветного жизни клубка...
Пусть болезни подкрались и старость –
Умирать еще рано пока!

Будут песни, любовь и тревоги,
И не стоит пенять на судьбу.
Если струсишь однажды в дороге,
Кто потянет с поклажей арбу?

Впереди еще дел, как соломы,
В стоге сена на заднем дворе.
И не спорь! Ведь отрадно у дома
Босиком пробежать по траве!

Жаль, все меньше листвы остается,
Запиликал предзимний смычок...
Счастье в руки само не дается:
Куй железо, пока горячо!

Как тревожно колотится сердце,
Все изранено временем злым...
Это сердце досталось в наследство –
Не заменишь его молодым!

ПАЛОМНИК

То ли лес поля теснит,
То ли вдвое гуще стал?
На опушке путник спит.
Заблудился иль устал?

Средневожский шумный лес.
Скользкий груздь. Паучья сеть...
Тучи пасмурных небес
Напоили влагой степь.

Небо выгнулось дугой,
Солнце падает в зенит.
Жаворонок молодой
Заливается-звонит!

Просыпайся, путник мой,
Ты найдешь друзей в пути,
С кем дорогою одной
К Каабе святой иди.

* * *

*Хочу тоски, хочу печали
Любви и счастья назло...
М.Лермонтов*

Если вдруг беда нагрянет,
Не грусти, не унывай!
Пусть она гнетет и ранит.
Жизнь – не сладкий каравай.

Будет все: печаль и радость,
И любовь придет опять...
Не впадай в тоску иль в ярость –
Рано, брат мой, горевать.

По теченью плыть не стоит...
Против! Волны – не беда!
Хлеб поэта черств и горек,
Но зато всегда – судьба.

* * *

От меня оторвалась, как лист краснотала,
Как иголка от нитки, чего я не ждал...
А судьба половину клубка размотала
Далеко мой клубок от тебя убежал.

Я за ним уходил все смелее и дальше.
Подросли уже дети и нянчат внучат.
Потемнел горизонт, и не будет, как раньше.
Жизнь проходит, клубок покатился в печаль.

Все померкло, о чем мне мечталось когда-то,
Не пеняю на жизнь – только малость устал...
Но трепещет листва, словно знамя солдата,
В меня силу под осень вдохнул краснотал!

* * *

На кого, скажи, меня ты променяла?
Я любил тебя, родная, больше всех.
Неужель тебе на свете было мало
Нежных ласк моих и пламенных утех?

И какого принца ты еще искала?
Иль с ума сошла, и разум твой померк?
Обманулась... Честь и совесть потеряла...
Чем теперь замолишь ты приبلудный грех!?

* * *

Ты кого вчера ждала
Под ветлой у речки?
Сладки ягоды брала –
Оказались горыше редьки!

Вот попробуй поискать
Счастье и свободу...
Но другой тебя ласкать
Так не будет сроду!

Ты со временем забудь,
Как мы были вместе,
Как твою я нежил грудь
И мы пели песни...

До сих пор меня зовет
В степь настольной полыни,
Где все ночи напролет
Счастливы мы были!

Снова, милая, тебе
Ягод захотелось?
Ты была в моей судьбе,
А теперь отпелась...

Что же будем мы искать
В ягоде-рябине
И кого любить-ласкать,
Если разлюбили?

Мой любимый человек
Одинок ночами.
Закружился белый снег
В грусти и печали...

Вот опять залаял пес,
Может, без причины...
Сколько я тебе принес
Горя и морщинок?

Но горит в твоём окне
Огонёк, мигая.
Будто слезы на вине...
Я люблю тебя, родная!

ВЕСНА ПРОСЫПАЕТСЯ

У горной опушки зеленого леса
Весной под обрывом ревет водопад.
В пушистом наряде березки-невесты,
В роскошных сережках у Волги стоят.

Задумчиво плещутся волны залива,
Горит одиноко, мерцающая костер...
А двое влюбленных, обнявшись счастливо,
Мечтательно смотрят в небесный простор.

«СВОЕЙ ДОРОГОЙ ИДУ»: КНИГА, КОТОРАЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО ЦЕПЛЯЕТ

В апреле 2018 года во Дворце книги состоялась презентация новой книги известного ульяновского поэта Шафика Иматдинова «Своей дорогой иду». По словам автора, это издание – его первый сборник на русском языке.

«Вообще, у меня уже вышло четыре поэтических книги, но все они были на татарском языке. В 2016 году благодаря помощи главного редактора журнала «Симбирск» Елены Кувшинниковой, поэтов Александра Лайкова и Рината Илькина появились переводы на русский, причем не только поэтических произведений, но и прозы», – рассказывает Иматдинов.

Как отмечает автор, в его книге, с одной стороны, рассказывается о вечных темах: любви, человеческих бедах и радостях, а с другой – говорится именно о родном крае – Ульяновской области.

«Когда я впервые прочитал стихотворения Шафика, меня, что называется, эмоционально зацепило. Я по-татарски знаю всего несколько слов, поэтому пользовался подстрочником, подготовленным Илькиным. В молодости мне приходилось делать поэтические переводы с немецкого, и я подумал: почему бы не попробовать свои силы на материале другого языка?» – поясняет другой наш собеседник, член Союза писателей России Александр Лайков.

Его коллега «по цеху» – поэт Ринат Илькин – сообщил, что при подготовке книги Иматдинова он впервые выступил в роли переводчика прозы и одновременно верстальщика.

Шафик Иматдинов и Александр Лайков

«Я подготовил электронный макет сборника, много перевел для этого издания, поэтому отношусь к книге Шафика, словно к своему родному ребенку», – признается Илькин.

Автор «Своей дорогой иду» также поделился со слушателями творческими планами. Вечере приняли участие друзья поэта, писатели, журналисты, члены татарской автономии, сотрудники библиотеки.

Евгений Сафронов

Лилия ЮСУПОВА – член Союза писателей России (с 1998 г.), автор 15 сборников стихов, лауреат Шукшинской премии (2003 г.), дипломант Международного конкурса тюркоязычных переводчиков «Ак-Торна» (2011 г.), дипломант международного конкурса переводов произведений Чеслава Милоша на русский язык (2011 г.), лауреат Международного конкурса «ЛитоДрама» (2012 г.) и Литературной премии имени М.И. Цветаевой (2012 г.). Жила в Ульяновске, окончила здесь среднюю школу. По профессии – врач, кандидат медицинских наук. Живет и работает в Горно-Алтайске.

О себе

Я родилась в г. Новокузнецке Кемеровской области. Через 4 года родители переехали в Ульяновск, где я выросла и окончила среднюю школу (№7). В моей семье знали и любили литературу. В доме была хорошая библиотека, включавшая в том числе множество поэтических сборников. Стихи были всегда на слуху: родители часто обменивались поэтическими репликами в бытовых разговорах.

Отец – Юсупов Джигангер Хасянович – был генеральным директором Ульяновского управления «Облэнерго», но, несмотря на техническое образование, очень любил поэзию и знал наизусть множество стихов. Мама – филолог по образованию – известная татарская поэтесса Иделбике.

Родители с детства прививали нам, детям (у меня есть брат Артур), любовь к искусству. В семье было принято обязательное посещение новых художественных выставок, спектаклей, концертов в филармонии. По субботам устраивались домашние концерты. В семье все музицировали и писали (мама – стихи и прозу, папа – статьи в профессиональные журналы, я и брат – стихи).

По окончании школы я поступила в Казанский медицинский институт. Еще учась в институте, вышла замуж за своего сокурсника – Л.В. Щучинова. В Горный Алтай мы вместе приехали по распределению. Здесь, в Горно-Алтайске, вышел в 1996 году первый сборник моих стихов. В 1998 году меня приняли в Союз писателей России. С тех пор почти ежегодно выходят поэтические книги, иллюстрированные моими рисунками или картинками (я серьезно занимаюсь живописью).

Постоянно расширяя свой творческий диапазон, я пробую работать в разных жанрах. В моем поэтическом активе есть как короткие миниатюры в виде циклов четверостиший, так и произведения крупной формы в виде венков сонетов (3), драматических поэм (4), либретто к оперетте (1). Большое место в творчестве занимает переводческая работа: более 10 лет я перевожу на русский язык стихотворные произведения моей мамы (Иделбике) и стихи алтайских поэтов. Более 80 стихотворений стали песнями или романсами, поэтому на моих творческих вечерах часто присутствуют музыканты, исполняющие эти произведения. В последние годы пишу для театра (либретто к оперетте, пьесы).

А всего написано более 600 стихотворных произведений и автобиографических заметок в прозе, которые опубликованы в 15 книгах. Именно они – книги – являются самой полной моей автобиографией...

МОЯ СТРАТЕГИЯ – ЛЮБОВЬ

* * *

Все делят шар земной политики,
Ведя стратегию войны.
И чередой угроз и критики
Любые новости полны.

Летят враждебные послания
Во все концы, во все края;
А я хочу, чтоб созиданием,
А не враждой жила Земля.

И отвергая стиль агрессии,
Я заявляю вновь и вновь:
«Моя политика – поэзия,
Моя стратегия – любовь».

БУКЕТ

Я дверь открыла на звонок
И не сдержала удивленья –
Там, на полу, у самых ног
Лежал букет цветов осенних.

Дарили часто мне цветы:
И в женский день, и в день рожденья,
И в знак особой теплоты –
На вечерах и выступленьях.

Но не дарил никто вот так –
Вне всяких дат и без предлога,
Без ожидания встречных благ,
Кладя их тайно у порога...

Лелея душу, теща взгляд,
Лежит букет – любви примета,
И мне дороже он стократ
Роскошных импортных букетов.

Я НЕ БЫЛА В ПАРИЖЕ

*«Увидеть Париж – и умереть»
Илья Эренбург*

Я у тебя – ты слышишь? –
Вроде домашней мыши:
Мышки, всегда спешившей
Снова в свою нору.

Только под этой крышей
Было светло от вспышек,
Было тепло от книжек,
Было легко перу.

Вечер тоскою вышит.
Дух мой до капли выжат.
Есть только Голос свыше –
Тот, что зовет к добру.

Солнце все ниже, ниже.
Темень все ближе, ближе.
Я не была в Париже,
Значит, я не умру?

МОЛИТВА

Долю иную – простую и лучшую –
Я для себя не молю.
Боже, прости только душу заблудшую,
Горькую душу мою.

Дай мне терпения, дай мне смирения
В свете грядущего дня
Выдержать все – и разлад, и лишения;
Боже, помилуй меня.

Здесь, на Земле, мне одно утешение –
Лица родных и друзей.
Боже, пошли им любви и спасения
Волей высокой своей.

За унижения, за оскорбления
Я не судила других.
Боже, прости и врагам прегрешения
И не наказывай их.

Что наша жизнь? – пролетит как мгновение
С медной монеткой в горсти.
Боже, яви нам свое снисхождение
В горьком коротком пути...

ЛЮБОВЬ

Я умирала много раз
И воскресала вновь –
Меня спасал в тяжелый час
Твой вечный свет, любовь.

В дни унижений и потерь,
На посиделках зла

Ты открывала тихо дверь
И за собой звала.

И, уводя от суеты,
От темноты мирской,
Мне возвращала снова ты
Терпенье и покой.

Моя душа – приют скорбей,
Полынная трава.
И только нежностью твоей
Я до сих пор жива.

* * *

Чтоб защититься от любого зла,
Законов было принято немало.
А я законом совести жила –
И одного закона мне хватало.

Хотя юристам он и незнаком –
Мы без него не можем сделать шага.
И все мирские кодексы при нем –
Лишь мертвая и пыльная бумага.

И ОСТАНЕТСЯ ВЕЩЕЕ СЛОВО

Обмельчала душевная мерка –
Не в ходу стала истины суть:
За шедевр выдается подделка,
А за мудрость – словесная муть.

Переделаны минусы в плюсы:
Правде тряпкой закрыли лицо
И в отместку высокому вкусу
Высшей пробой назвали гнильцо.

Как же черная сила сумела
Обдурить белый свет задарма?
Или я вдруг умом ослабела,
Или все посходили с ума?

Только верю, что Вечность сурово
Отсечет новомодную блажь –
И останется вещее Слово,
А не жалкий словесный муляж...

ДВУСТИШИЯ

* * *

Трудно обрастать друзьями.
А враги найдутся сами.

* * *

Как привлечь к себе людей? –
Не жалея, лей елей.

* * *

Все плохое на глазах плодится –
Сорняки растут быстрее пшеницы...

* * *

Сколько не вкладывай в кактус труда –
Розой не станет цветок никогда.

* * *

О тело! Ты – лишь временный наряд,
Который нам дается напрокат.

* * *

Порой кончина радостной бывает –
Когда она от боли избавляет.

* * *

Гробы такими стали дорогими,
Что проще оставаться нам живыми...

* * *

Мы с Древа познания яблоки съели –
А жизненной сути понять не сумели.

* * *

Чтоб жизнь была плодов полна,
Рыхлите почву для ума.

* * *

У всех людей различные запросы:
Один стихи творит, другой – доносы.

* * *

Чтоб не привлечь к себе недобрых глаз –
Не выставляй удачи напоказ.

* * *

Поэзия – подобье ворожбы:
В ней скрыты зерна будущей судьбы.

* * *

Не полагайся лишь на вдохновенье:
Шлифуй и чисти каждое творенье.

* * *

Ничто из ничего не возникает:
Стихи – то пламя, что внутри пылает.

* * *

Те из стихов достойны подражания,
Где в малой форме много содержания.

В СОВАВТОРСТВЕ С КЛАССИКАМИ

* * *

Не пой, красавица, при мне –
Фальшь режет ухо в тишине.

* * *

Я пережил свои желанья –
Есть дом, машина, состоянье.

* * *

Все мы бражники здесь, блудницы –
Помоги нам, нарколог, не спиться.

* * *

Не будем пить из одного стакана –
Нас к гигиене приучила мама.

* * *

Печально я гляжу на наше поколение –
Здесь гаджеты в фаворе, а не чтение.

Галина ПЕЧЕРКИНА, журналист, жена художника А.Е. Егуткина, автор автобиографической книги «Незабываемое, неповторяемое». Предлагаем вниманию читателей страницы книги, посвященные израильскому периоду творчества Аркадия Егуткина.

«ЭТО Я, ГОСПОДИ...»

Фильмом под таким названием открывалась 7 июня 2016 г. выставка Аркашиных работ в культурном центре «Гармония» в центральной части Иерусалима. Мы, конечно, очень волновались, соберется ли народ – кто тут знает Егуткина? Но оказалось, что волновались напрасно. Люди подходили и подходили. Уже для всех не хватало мест, и пришлось добавлять все новые стулья. Поначалу садиться не спешили, молча разошлись по залу, рассматривая работы. Среди гостей пришло немало известных израильских художников, приглашенных Вениамином Клецелем, талантливым живописцем, знакомым Аркаше еще по творческой даче в России в 1974 г.

Автопортрет

Ни одной картины из Ульяновска мы не привезли. А если учесть, что все, что представлено на выставке, писалось Аркашей не в мастерской, а в проходной комнате на трех стульях и половинке стола, то просто диву даешься, откуда взялись силы в его годы.

Написать более 60 работ, в том числе немало формата, да еще одеть их в рамки собственного изготовления – это кажется невероятным. Особенно если учесть, что создано все это за какие-то полтора года, несмотря на все болячки и хождения по врачам, непростые операции – сначала свою, а потом и мою.

К выставке была напечатана небольшая аннотация, в которой указывались основные сведения о Егуткине. Звание «Народный художник Российской Федерации», как нам показалось, несколько шокировало художников. Такого звания никто в Израиле не имел, хотя многие выходцы из России окончили там престижные художественные вузы.

Фильм «Это я, Господи», снятый Ниной Гуркиной, нашей талантливой журналисткой, для телевидения, смотрели очень внимательно. Многие захотели приобрести альбом Аркашиных работ. Но мы привезли их только родным да еще подарили доктору, бывшему земляку-ленинградцу, профессору Давиду Лурии, который делал мне операцию на сердце.

Выставки художников здесь сменяются довольно часто (снять зал стоит недешево, не то что в Ульяновске). Вдруг нам сообщают, что она продлевается еще почти на месяц. Стали появляться все новые отклики в Интернете, в русскоязычных газетах с показом картин. В центре «Гармония» постоянно проходят разные мероприятия и концерты, так что выставку смотрит самая разная публика. И как это правильно

– устраивать в выставочных залах зрелищные мероприятия. Так делают теперь и солидные музеи Москвы и Питера.

Перед концертами и в антракте люди с интересом рассматривали Аркашины картины, подходили, знакомились, фотографировались. Меня телевизионщики даже засняли около портретов Ахматовой и Ахмадулиной, моих любимых поэтесс.

Если бы мне сказали, что человек даже крепкого здоровья, а не такой, что с самого детства тащил за собой всякие болезни, с юности оглохший на одно ухо, а лет в пятьдесят ослепший на один глаз да еще перенесший операцию на шейке бедра, станет народным художником России, почетным гражданином г. Ульяновска да еще и профессором, сможет в свои 80

создать много новых картин, открыть три персональные выставки в разных странах (в Израиле и России), во все это я ни за что не поверила бы.

Но вот же случилось такое. Оказавшись по воле судьбы в чужой знойной стране, Аркадий, выросший в средней полосе России среди берез, лип, белых снегов и серебряного инея, остался равнодушен к чужому синему морю, к открыточным пальмам и кипарисам... Только многовековая олива с ее переплетенным стволом тронула его сердце. Это и был первый пейзаж, написанный в Израиле.

Работая обычно маслом, Аркаша вынужден был в Израиле переключиться на непривычный ему акрил, чтобы не отравлять квартиру запахом масляных красок. «Мастерская» располагалась в проходной гостиной на трех стульях. Подвигли к работе и другие обстоятельства – успешно сделанные мне и ему операции и неожиданно обнаруженные в одном из иерусалимских магазинчиков холсты на подрамниках, продававшиеся со скидкой. Накупили, поставили вдоль стен. И уж тут сам бог велел начать работать. Что-то писалось быстро – за день-два, а вот над портретами Ахматовой и Ахмадулиной Аркаша «бодал холсты», как он выражается, переписывая несчетное количество раз. Я просто бесилась, так было жаль написанного. А он упорно все замазывал, писал снова и снова.

Беллу Ахмадулину он пытался вообще замазать, где она молодая и счастливая, какой была в шестидесятые. Я спрятала от него этот портрет. На другом она получилась совсем другая, серьезная, уставшая от жизненных передряг.

На портрете Анны Ахматовой радостное и трагич-

ческое в ее судьбе передано тенью и светом, разделяющим лицо, как и фон, надвое. Слава и успех начала века, унижение и трагизм лет послевоенных. Правая часть холста за ее спиной – светлый, нарядный Питер начала века. С левой стороны – «Матросская тишина» – тюрьма, где она простояла многие месяцы в очередях, чтобы передать посылочку сыну. Оба эти портрета и открывали выставку.

Полной неожиданностью стало большое количество собравшихся на открытии выставки «Это я, Господи». Многие подходили с благодарностью за авторграфом. Очень хорошие отклики появились в Интернете, в телевизионных репортажах.

А ровно через две недели в Ульяновске открылась юбилейная выставка Аркаши, посвященная его 80-летию. Останавливала необычная реклама – на фоне большой картины сдвоенного портрета погибшего в 33 года отца, командира дивизиона противотанковых орудий, и его, Аркадия, пережившего отца на 47 лет.

Дальше я привожу небольшие выдержки из статей об этой выставке, опубликованных в газетах «Симбирский курьер» и «Народная газета».

«В день открытия в залах было не протолкнуться, поздравительные речи лились бесконечным потоком. Растроганный юбиляр признался:

– Если бы не нужда в помощи, мы бы никогда не уехали из Ульяновска, но наши дети живут в Израиле. По возвращении я зашел к себе домой, в правление Союза художников, в выставочный зал – ощущение такое, как будто не уезжал. Ульяновск я люблю безмерно, поэтому решил большую часть работ передать городу и области.

«Аркадий Егуткин – художник-интеллектуал, который много и глубоко думает об истории нашей страны, о судьбах людей, – подытожила искусствовед Луиза Баюра. – Его подходы удивляют своей новизной и многоплановостью».

Ольга Савельева в «Народной газете» приводит выдержки из Интернета. «Этим летом персональная выставка мастера работала в Иерусалиме, где живут дочь, внуки и правнуки Аркадия Ефимовича. Вот что писала о художнике израильская пресса: «Интересно, как ощущает себя такой известный на другом конце света человек в новом для себя пространстве, где никто не знает его многочисленных титулов и заслуг. Где он – обычный пенсионер. К тому же не знающий местного языка и обычаев. И что делает в такой ситуации Аркадий Ефимович? Работает. Очень много и очень плодотворно».

Шесть десятков полотен, созданных в Израиле

чуть больше чем за год. Его образы сотканы из противоречий, как и любой человек, потому с течением времени – меняемся мы, меняется мир! – обрастают новыми ассоциациями. Глядя на них, снова задумываешься о вечности и сиюминутности, несовершенстве и красоте мира, о вселенной по имени Человек, который может быть смешон и велик.

Его женские образы – воздушные и земные. В них столько пронзительной нежности, преклонения перед тайной женской красоты.

Его работы из цикла «Смешные несмешные человечки» – это гиперболизированные образы, клоуны, которые то ли грустят, то ли смеются над нами, удивительным образом вызывая ассоциации с собственной жизнью. Его «Вселенский кот» топает по головам, холодный и спокойный, никакое распятие его остановить не может.

Картина «Дорога к храму». Художник считает, что храм – в душе и сердце, дорога к нему трудна, и эту дорогу человек может осилить только сам.

Прекрасна его серия работ «Поэты России». В них трагизм и мудрость романтика и философа, размышления о судьбах поэта и родины, объяснение в любви.

В этих портретах, как и во многих жанровых исторических полотнах художника, поразительным образом переплетаются мгновение настоящего и миг вечности. Вместе с мастером зрители пытаются ответить на вечные вопросы: кто мы, откуда, куда идем? И если после общения с полотнами Егуткина мы находим хоть какие-то ответы – не в этом ли счастье художника?».

Спасибо Татьяне Альфонской от художника, сразу узнавшего ее стиль, невзирая на псевдоним (О. Савельева). «Настоящий серьезный искусствовед» – он давно о ней такого мнения.

Год 2016-й был действительно необычен. Аркаше исполнилось в этом году 80 лет от роду, 55 лет творческой деятельности, 80 лет его любимому Ульяновскому отделению Союза художников России, которое он возглавлял много лет, и, наконец, 55 лет нашей с Аркашей супружеской жизни. Поистине чудеса!

По просьбе зрителей выставка в зале Русской библиотеки Иерусалима продолжалась вместо одной недели с ноября 2016 г. по март 2017 г. – три с половиной месяца.

P.S.

17 марта 2018 года в Иерусалиме в зале Русской библиотеки открыта третья за последние три года в Израиле новая персональная выставка живописи Аркадия Егуткина.

РЕПРОДУКЦИИ КАРТИН А. ЕГУТКИНА, НАПИСАННЫХ В ИЗРАИЛЕ

Arkady EGUTKIN. People's Artist of the Russian Federation, professor. Honored citizen of the city of Ulyanovsk. He was born in 1936 in Gornel. He had been living in Ulyanovsk since 1947, Arkady has been living in Israel since 1947. He graduated from Moscow Polygraphists Institute. He has taken part in local, national and international exhibitions. Arkady was awarded with the Medal of the Academy of Arts of Russia, with the Golden Medal of the Artists' Union of Russia, with Award of A.A. Plustov. Arkady Egutkin has mastered various genres and media, such as oil, watercolour, and media, such as oil, watercolour, and media, such as oil, watercolour, and media. His works are kept in many museums, private collections, art galleries in Russia and abroad.

People's Artist of the Russia, professor
ARKADY EGUTKIN

We are glad to invite you to very interesting exhibition of the famous russian artist **ARKADY EGUTKIN** that will remain open until 25/07, (12:00 to 17:00), in the exhibition centre «Garmony» in Jerusalem on Hilel street 27. (tel.:02-6211777)

הזמנה לתערוכה

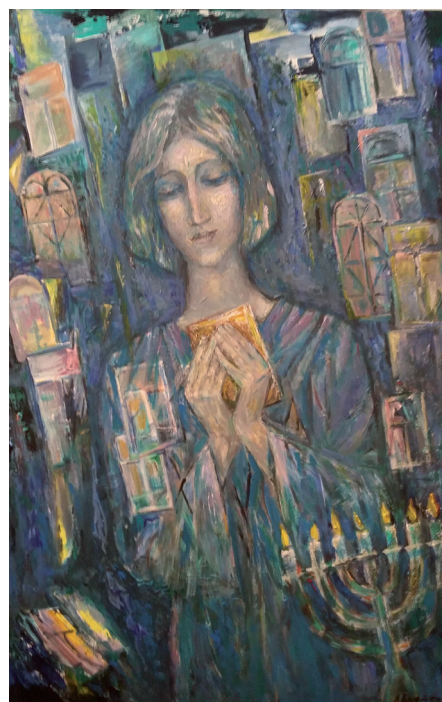
הנכם מוזמנים לתערוכה של הצייר הפרופ' ארקדי יגוטקין, שמתיקמת באולם התערוכות «הרמוניה» רחוב הלל 27, ירושלים, בימים א'-ה', בין השעות 12:00-17:00, עד תאריך 25 ביולי. לפרטים: 02-6211777

ארקדי יגוטקין נולד בשנת 1936 בעיר גומל, בלארוס. מ-1947 חי ועבד בעיר אוליניובסק, רוסיה. למד באוניברסיטה במוסקבה, לאחר שסיים השתתף בתערוכות נבחרות בינלאומיות לציור ואומנות. בהמשך קיבל אות מופת לציור «צייר הלאומי של רוסיה». העבודות שלו נמצאות במוזיאונים גדולים ברוסיה ובמדינות נוספות. ב-2014 עלה לארץ, ומאז מתגורר באזור ירושלים.

Афиша к выставке А. Егуткина в Иерусалиме, 2016 г.

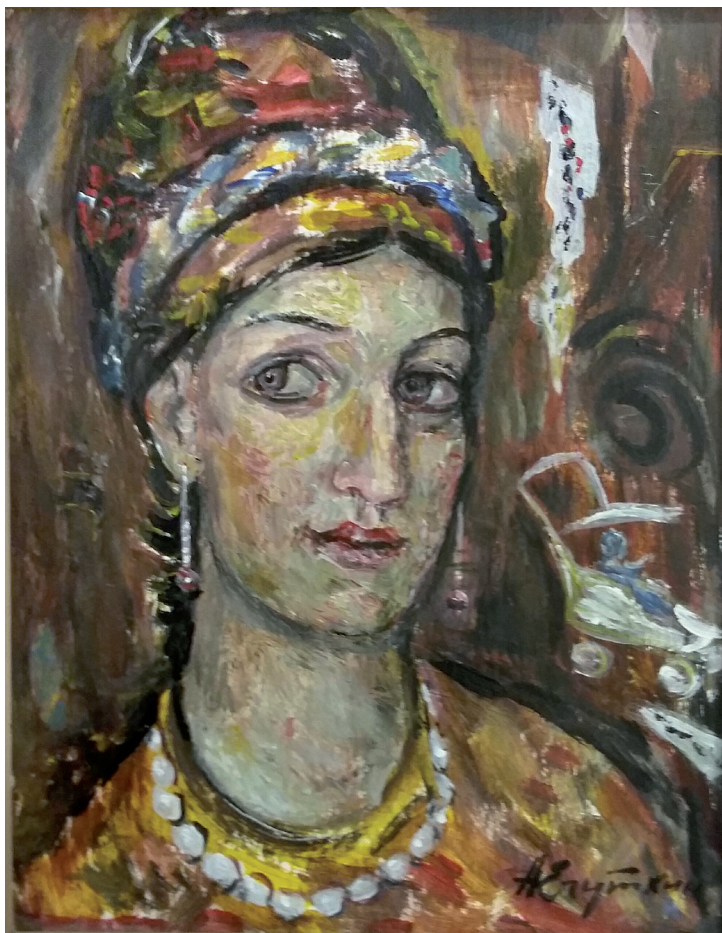

Иерусалим. Перекресток, 2016 г.

Минора, 2015 г.

Сефардка, 2015 г.

Невеста

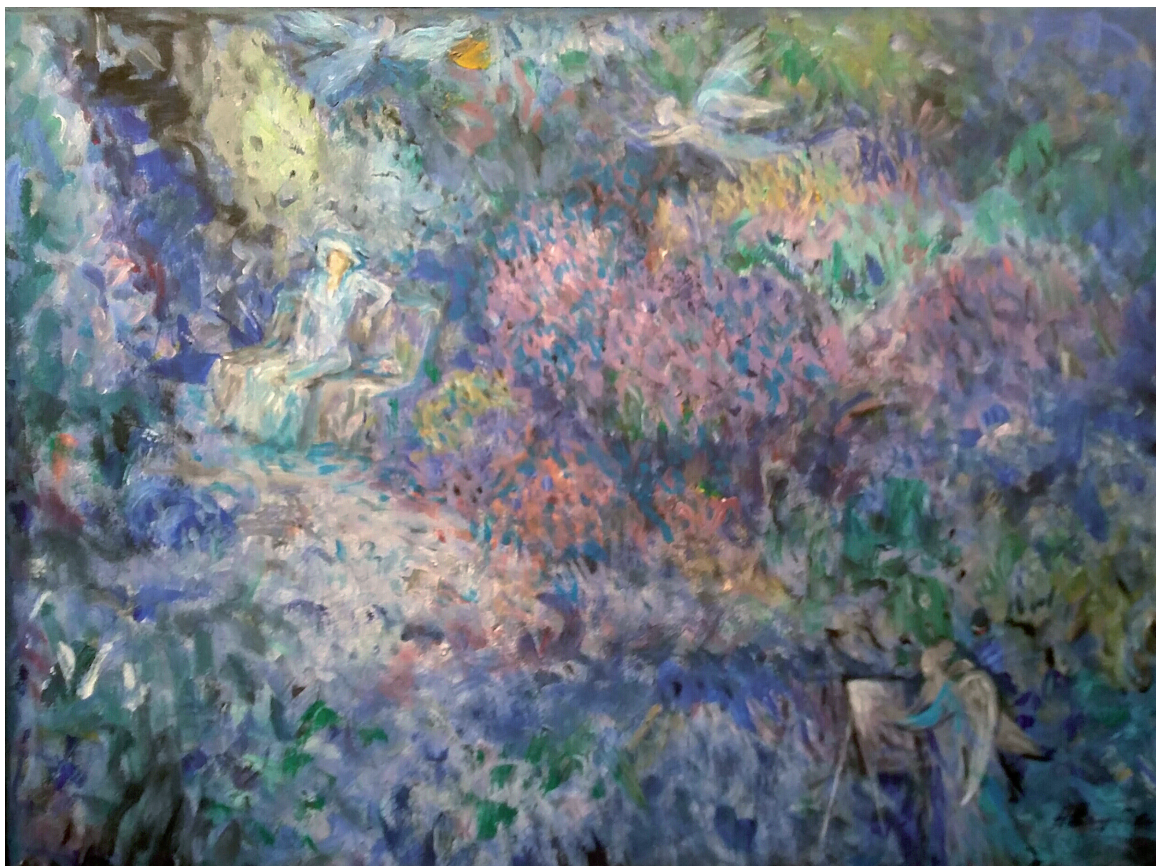

Олива в Бейтар-Элите, 2015 г.

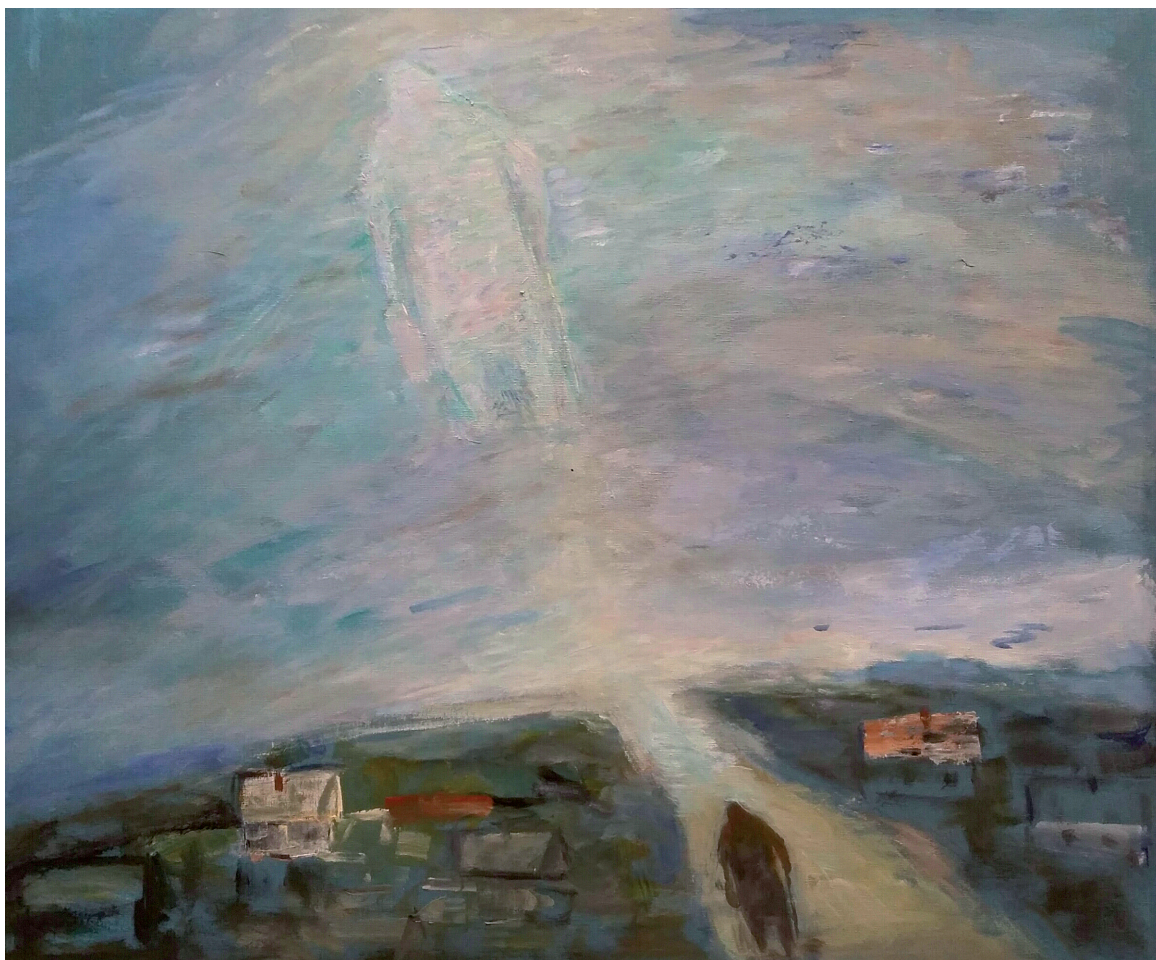

С юбилеем, 2016 г.

Снился мне сад..., 2016 г.

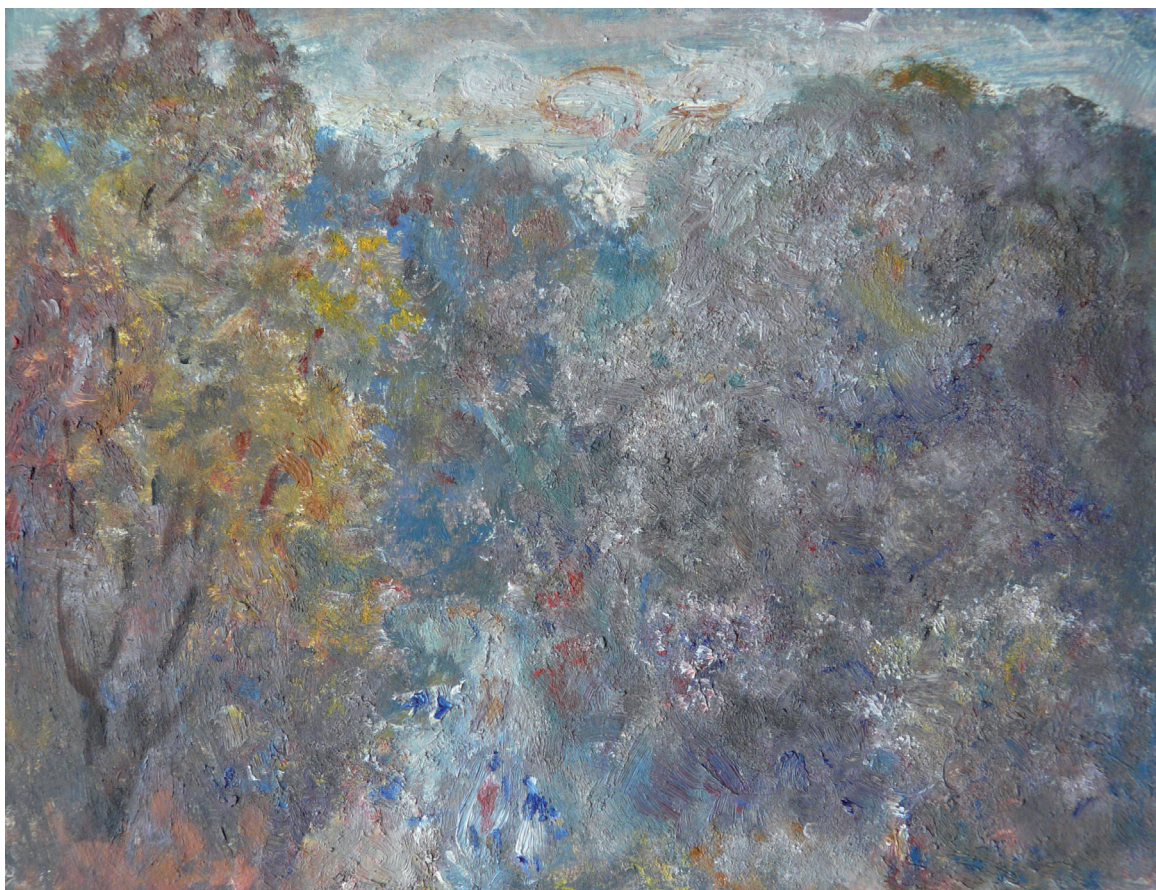

Дорога, 2015 г.

Нотальгия. Зимнее утро в Кучурах, 2015 г.

Грибной дождь в Кучурах, 2015 г.

ПО ГОРОДАМ И МУЗЕЯМ ЕВРОПЫ.
РОГИР ВАН ДЕР ВЕЙДЕН

Рогир ван дер Вейден «Триптих Сфорца»

*Рогир ван дер Вейден «Портрет Жана де Фроймонта»,
1460 г.*

Рогир ван дер Вейден «Портрет бургундского герцога Филиппа Доброго»

Рогир ван дер Вейден «Портрет Антуана Бургундского», 1421 – 1504 гг.

Рогир ван дер Вейден «Св. Лука рисует Мадонну», 1510 г.

Рогир ван дер Вейден «Снятие с креста». Деталь

ПО ГОРОДАМ И МУЗЕЯМ ЕВРОПЫ: РОГИР ВАН ДЕР ВЕЙДЕН

После того, как я увидел «Сикстинскую Мадонну» и «Мону Лизу», «Менины» и «Сад земных наслаждений», казалось бы, чем еще из живописи можно меня удивить? Оказалось, что можно и много чем. Западноевропейские народы, живущие на сравнительно небольшом полуострове Евразии, небольшие по численности (в начале XVII века всех шведов было не больше миллиона человек), создали бесценное сокровище – свою культуру, в том числе материальную, к которой относятся и живопись. Конечно, нельзя все сводить к артефактам. Может быть, еще более значимы оказались идеи, которые они вручили миру: права человека, свобода, демократия. То, что многим людям, правителям, народам эти ценности не нужны, не снижает их важности. Но сейчас речь пойдет о живописи. О художнике, имя которому Рогир ван дер Вейден.

Впервые его картины я увидел в музее Брюгге. Тогда я ничего не знал о нем. Неужели было такое время? Шел же я туда единственно потому, что там выставлен Босх, его «Страшный суд». Задерживаться в музее я особенно не планировал, так как сам город Брюгге лучше всякого музея, где можно бесконечно ходить по его улицам, вдоль его каналов. Но это отдельный разговор.

Человек полагает, а бог располагает. Задержался я в музее надолго. Босх не разочаровал. Он не может разочаровать. Но, кроме него, здесь оказалось еще много интересного. Запомнились Ян Провост, Ханс Мемлинг, Герард Давид, конечно же, ван Эйк. Были там картины и кисти ван дер Вейдена. Меня, как историка, заинтересовала прежде всего одна – портрет герцога Бургундии Филиппа Доброго. Репродукцию этой картины я видел неоднократно, показывал студентам при изучении темы «Франция при Людовике XI», и увидеть ее подлинник было приятным сюрпризом. Но не более того. Как художник, Рогир ван дер Вейден для меня, можно сказать, еще не существовал. Была еще одна его картина, «Святой Лука рисует Мадонну». Я просто отметил про себя: «Картина хороша» но не более».

Так первое знакомство с художником оказалось

неудачным. Это как если начать без соответствующей подготовки чтение «Науки логики» Гегеля. Тем не менее имя запомнилось. Поэтому, когда в Королевском музее изящных искусств в Брюсселе я встретил картины ван дер Вейдена, я кивнул им, как старым знакомым. Вновь портреты: Антуана Бургундского, Жана де Фроймонта. Они выполнены в той же манере, что

Рогир ван дер Вейден «Снятие с креста» ок. 1435 г.

и картина в Брюгге. Спутать художника трудно, но в то же время это сходство показалось мне однообразным. Больше внимание в музее привлекли тот же Босх, Дирк Боутс, Дали, но без всяких сомнений фаворитом был Питер Брейгель-старший. Подлинники, когда их несколько, производят кумулятивный эффект. Художник, что оказалось неожиданным, оказался связан не только с Нидерландами, но и с Фландрией. По дороге из отеля в музей, когда маршрут вел от одной достопримечательности к другой, я зашел

в типично брюссельскую церковь Нотр-Дам-де-ла-Шапель, где находилась могила Брейгеля-старшего. Скромная современная мемориальная доска на стене внутри церкви указывала на место захоронения художника.

Но вернемся к ван дер Вейдену. Третий акт знакомства с его творчеством и, наконец, истинное понимание его произошло позже. Оно произошло уже не в Бельгии, а в Испании. Музей Прадо. Музеем уже чем ошеломить посетителя. Достаточно произнести одну фамилию – Веласкес. И вот на этом фоне ван дер Вейден не только не затерялся, но и оказался одной из наиболее значимых, ярких, ценных (эпитеты можно длить еще и еще) составляющих коллекции музея. Речь идет о его картине «Снятие с креста».

Впечатление от нее было сродни неожиданному взрыву. В ней привлекало к себе внимание и ошеломляло все. Необычным была форма полотна – не прямоугольник, не овал, а фигура, как бы состоящая из двух прямоугольников. Один вытянутый в длину, к которому сверху по центру примыкал меньший по размеру вытянутый в высоту. Большой прямоугольник – это человеческие фигуры. Прямоугольник сверху – крест. Ничего лишнего. Композиция абсолютно не

перегружена. Здесь нет ни нежных тосканских пейзажей мастеров из Флоренции, ни простых нидерландских пейзажей голландцев. Здесь нет вообще ничего. Только желтый фон, словно раскрашенная фанера. Это потому, что ничего не должно отвлекать от главного, от того, что происходит на картине. Когда Христос умер на кресте, то тьма накрыла землю, покрывало в иерусалимском храме разодралось надвое, мертвые восстали из своих гробов. Бог умер на земле. И вот теперь его снимают с креста. Сверху только крест. Крест над людьми. Люди под крестом.

Фигура Христа, снимаемого с креста, – центральная в этой картине, в том числе по местоположению на холсте. Но одной ее было бы не достаточно художнику, и он расположил по бокам от убитого богочеловека по три фигуры и еще две на задний план. И лишь Мадонна должна бы стоять не с боку, а перед Христом, лицом к нему. Но она так не стоит. Она упала в обморок. Ее поддерживают стоящие рядом, но она почти упала. Смертельная бледность на ее лице.

Если остальные фигуры образуют вертикальные линии, то Иисус и его мать нарисованы под углом почти точно в 45 градусов, что выделяет их от остальных, делает главными на картине и придает гармонию этому трагическому полотну.

Стоящие фигуры – это Иосиф Аримафейский, Иоанн Богослов и жены-мироносицы. Они одеты так как одевались современники художника. Здесь ничего особенного нет. Необычной для меня оказалась самая правая фигура, женщина с заломленными от скорби руками – Мария Магдалина.

Так ее не мог нарисовать ван дер Вейден, как художник своего времени. Для того чтобы так нарисовать, надо ждать почти полтысячи лет, чтобы наступил XIX век, когда молодые и талантливые художники в Англии образовали движение прерафаэлитов. Они могли себе позволить рисовать в такой пластике. Увидеть на картине средневекового художника так нарисованную скорбящую женщину –

это все равно, что во время раскопок среди древнего оружия найти автомат. Вся фигура Марии Магдалины – это безутешная скорбь, где уже нет месту слезам. Не слезы, а тело ломает лихорадка безысходности. Это больше чем слезы. Излом ее тела неестественен. В реальности так не стоят и не скорбят. Это не реализм. Этим фигура разительно отличается от остальных, чьи позы вполне естественны, натуральны. Но зато она сходна с тем, что изображали прерафаэлиты. Вот Габриэль Данте Россетти, его картина «Сэр Галахард, сэр Борз, сэр Персиваль были напитаны Граалем, но сестра Персиваля умерла». Имя этой картины – безумство горя, так же, как картины Рогир ван дер Вейдена. И явственнее всех горе это воплощено у него в Мадонне и Марии Магдалине. А у Данте Габриеля Рос-

сетти? Это центральная фигура, совершающая какой-то безумный танец, обряд вокруг мертвой девушки. И, опять-таки, так тело не изгибается в реальном танце. Это безумие, пусть и временное. Экстаз безумия.

Огромное впечатление производят краски. Они густы. Насыщены. Яркие. Они полыхают. Они наполнены жизнью. До ван дер Вейдена идеалом художника, на картинах которого краски вечно живы, был Фра Беато Анжелико. На память всегда приходили строки из стихотворения Н.С. Гумилева, посвященного этому итальянскому художнику:

А краски, краски яркие и чисты,
Они родились с ним и с ним погасли.
Преданье есть: он растворял цветы
В епископами освященном масле.

Фра Беато Анжелико все-таки остался непревзойден, но Рогир ван дер Вейден приблизился к нему вплотную.

А вот теперь – время написания картины. Это важно. Незнание даты создания вырывает артефакт из исторического контекста и не позволяет верно оценить его. «Снятие с креста» написано примерно в 1435 году. Чтобы осознать эту дату, надо сравнить ее с чем-то. Поскольку мы родились в России, живем в этой стране, то и вспомнить уместно наши даты этого времени. Правит Василий Тёмный. Еще 45 лет находиться в зависимости от Орды. Еще итальянские мастера по примеру миланского Сфорцеско не построили в Москве краснокирпичный Кремль, не возвели

нам Успенский собор, Грановитую палату и пр. Огромный культурный разрыв. Если взять живопись, то что мы видим здесь? Иконы и фрески, которые, положив руку на сердце, не идут ни в какое сравнение с произведениями западноевропейской живописи этого времени. Можно себя утешать, говорить об особом видении иконописцами мира, о символизме иконописцев, о византийско-русской духовности, о европейско-католической приземленности – это ничего не меняет. Факт остается фактом.

А в литературе? Данте написал свою «Комедию» в 1307-1321 гг., Петрарка жил в 1304-1374 гг. Примеров можно приводить сколько угодно. Безымянный автор «Песни о Нибелунгах», Вольфрам фон Эшенбах, Джеффри Чосер, и т.д. и т.п.

Если взять только деятелей культуры века ван дер Вейдена, то в XV веке творили поэт Франсуа Вийон и автор «Смерти Артура» Томас Мэлори, художники Рафаэль, да Винчи, Мазаччо, Дюрер, ван Эйк, Босх, Боттичелли, Джорджоне, фра Беато Анжелико, архитекторы Брунеллески, Альберти, Браманте, скульптор Донателло, пишут свои труды историки Бруни, Биондо, Макиавелли, Гутенберг изобрел книгопечатание, да Гама доплыл до Индии, Колумб пересек Атлантический океан. И это только вершина, я не говорю о тех-

Габриэль Данте Россетти «Сэр Галахард, сэр Борз, сэр Персиваль были напитаны Граалем, но сестра Персиваля умерла», 1864 г.

нических достижениях.

Культура не находится в безвоздушном пространстве, она зависит от прочих сфер жизни общества. Ей нужен серьезный фундамент. Это не только экономика. Это, во-первых, понимание важности культуры, потребность в ней, причем потребность всего общества, а не отдельных «просвещенных» или непросвященных тиранов. Чего мы не видим и еще долго не увидим у нас, но что давно стало нормой жизни в Европе: университеты (к 1500 году 65 университетов), философия и другие науки, библиотеки, в том числе частные, а затем и публичные. Почему же у нас этого не было? Ответ всегда один – во всем виноват кто-то. В данном случае Орда. Однако ханы Орды не запрещали князьям, тому же Василию Темному, основывать университеты, библиотеки, способствовать развитию науки, искусства и техники. Дело явно не в Орде, а в нас. Второе условие, причем еще более важное, чем первое, – это свобода, понимание, что это ценность, за которую стоит бороться. К XV веку в Западной Европе ликвидируется крепостное право, города добиваются самоуправления, гильдии и цехи имели свои права, то есть развивается то, что сейчас называется гражданское общество. А где есть все это – там и ожидаем постоянный восходящий культурный поток. Общество же холопов и рабов не может быть творцом культуры. Там, где все права у одного, а обязанности у всех других, где власть и ее носитель сакрализируются, там ждать чего-либо выдающегося, как показывает история, не приходится.

Теперь о самом художнике. Рогир (Роже) ван дер Вейден (1399/1400 – 1464) родился и жил во Фландрии. Родиной его был нынешний бельгийский город Турне. Отец занимался производством ножей. Женился Рогир на дочери сапожника. Перед нами типичный представитель ремесленной части средневекового города. Казалось бы, какие перспективы? Однако не все так просто. Европа испытывала потребность в творцах культуры. Талант, какого происхождения он не был, был желанным гостем. В годы жизни художника его страной управляли герцоги Бургундии, которые понимали и ценили культуру, стремились всячески поддерживать ее. Касалось это и живописи. Старшим современником Рогира ван дер Вейдена был Ян ван Эйк, обессмертивший себя триптихом «Поклонение агнцу», хранящимся в кафедральном соборе Гента. Свободные города Западной Европы, в том числе Фландрии, также часто становились заказчиками произведений культуры, тем самым питая ее и поддерживая. Ключевое слово здесь – свободные (нет свободы – нет развитой экономики, нет развитой культуры, но зато есть надсмотрщик, кнут, бояре и холопы). Ведь и «Снятие с креста» мы бы не увидели, когда бы не заказ художнику от гильдии арбалетчиков города Левен.

О жизни Рогира известно немного. Возможно, он работал в Брюгге с ван Эйком. В этот период им написана картина «Святой Лука рисует Мадонну», до

сих пор, как уже говорилось, хранящаяся в Брюгге. Затем с семьей художник переезжает в Брюссель, где он и живет до конца своей жизни. Здесь он получает признание, становится «городским художником» Брюсселя, получает многочисленные заказы, становится состоятельным человеком. В числе его заказчиков бургундский герцог Филипп Добрый и члены его семьи. Рогир рисует самого герцога, его бастарда Антуана Бургундского, сына Карла Смелого.

Портреты, нарисованные Рогиром, это относительно небольшие погрудные портреты, где все внимание зрителя сосредотачивается на лицах его моделей. Рогир всегда умел сосредоточить внимание, смотрящего на его картины. Высшая бургундская знать нарочито нарисована в неброских одеяниях. Филипп Добрый, умелый политик, лавировавший в Столетнюю войну между Францией и Англией, расширивший владения своего герцогства, изображен в черном камзоле и в шляпе того же цвета. Что перед нами один из влиятельнейших людей своей эпохи, называющий себя великим герцогом Европы, говорит одна деталь – аристократический орден Золотого руна, основанный им же (магистрами ордена будут испанские короли и императоры Священной римской империи). Рогир всегда тщательно прописывал детали, но орден не привлекает внимание своей прорисовкой и красками. В центре картины лицо герцога, и здесь ван дер Вейден показывает себя прекрасным портретистом и тонким психологом. Кто нарисован на портрете? Человек с благородным лицом, которому чтобы показать свое величие не надо наряжаться подобно павлину, угрожать кому-то или быть высокомерным. Настоящему величию этого не надо. Еще виден человек умный, ироничный, которого сложно чем-то удивить.

Как жаль, что в нашей стране ничего подобного не было и мы не знаем, как выглядели русские люди того времени – современники Филиппа Доброго и те, кто жил еще раньше (естественно, портреты ван дер Вейдена, далеко не первые портреты в Западной Европе). Грустно, господа.

Как «Снятие с креста» художника из Фландрии оказалась в Испании? Праправнук Филиппа Доброго император Священной римской империи Карл V был еще и королем Испании. Его сестра Мария Австрийская после гибели в бою с турками своего мужа венгерского и чешского короля стала управлять Нидерландами, где она обратила внимание на эту картину и воздала ей должное, приобретя ее. Затем ее увез в Испанию один из кастильских дворян, где она перешла в собственность испанского короля Филиппа II и хранилась в его монастыре-дворце Эскуриале. В 1936 году картину передали в Прадо. Картина стала украшением музея и свидетельством высочайшего уровня и новаторства европейской культуры, которая не нуждается ни в каких и ни в чьих заимствованиях и знакомство с которой это то, чем нельзя пренебрегать.

Ольга ДАРАНОВА, автор проекта «Голоса из хора. Русская поэзия XX века».

УМЕЙТЕ ДОМОЛЧАТЬСЯ ДО СТИХОВ...

Мария Петровых (1908 – 1979)

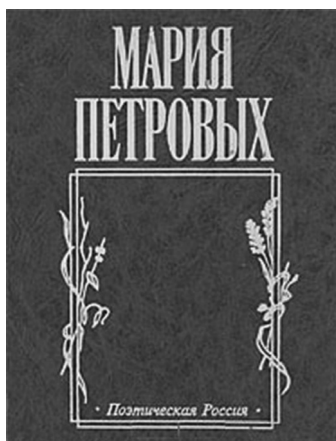
Марию Петровых называют одним из самых сдержанных поэтов XX века. Она всегда старалась отвести внимание от своей собственной персоны, эта внешне неброская, строгая, почти аскетичная женщина. Прямая челка надо лбом, худое узкое лицо, пронизательный взгляд. Такую не назовешь красавицей, однако все, кто близко сходил с ней, попадали под ее обаяние.

При жизни у нее вышел всего лишь один сборник стихов «Дальнее дерево». И не в России, а в любимой ею Армении. Вышел в 1968 году, когда поэтессе было уже 60 лет! Вышел при содействии ее друга, армянского поэта Левона Мкртчяна, который очень хотел, настаивал, чтобы стихи Марии Петровых увидели свет, чтобы их услышали. И после этого сборника Мария Петровых за десять лет не напечатала ни строки.

Вообще, ее поэзия была тайником – жила как-то замуровано, не явно и не подпольно, а в ином четвертом измерении, доступном лишь немногим и близким. Но в числе этих немногих были Ахматова, Мандельштам, Пастернак, Тарковский, Самойлов.

Поэт Арсений Тарковский так отзывался о Марии Петровых: «Она была одна из первых трех русских поэтесс двадцатого века: Ахматова, Цветаева и Мария Петровых... А кто еще? Больше вы не увидите никого. Ее значение непреложно, потому что это поэзия очень высокая, это поэзия свободного, гордого, вольного и

независимого духа, и она всегда останется с людьми, сколько ее ни издавали бы: в количестве пяти экземпляров, пятидесяти экземпляров, пятидесяти тысяч – это совершенно безразлично».

Однажды Давид Самойлов нашел, говоря о стихах Петровых, удивительное слово: «...нет поэта более чистого, более высокогорного, чем М<ария> С<ергеевна>». Эта «высокогорность» и читается, и слышится».

Ее стихотворение «Назначь мне свидание...» Ахматова назвала одним из лучших лирических стихотворений XX века.

Лишь в 1983 году в издательстве «Советский писатель» вышел еще один сборник стихов Марии Петровых «Предназначение» – первое посмертное издание лирики Петровых. На обложке помещен портрет поэтессы. На черном фоне лицо выплывает словно из небытия, из неизвестности, из забвения. Невольно вспоминаются строки стихов: «Кто же все-таки, кто же ты? Отзовись из безвестности...».

Как пишут исследователи ее творчества, Мария Петровых принадлежит генетически к интересной когорте «поздних» поэтов, не тех, кто поздно начал писать, а тех, кто поздно начал печататься, «земную жизнь пройдя до середины», как Иннокентий Анненский, Арсений Тарковский. Поздний выход к читателю для Марии Петровых – не стечение обстоятельств, не поза, но позиция. Как каждый профессиональный литератор, Петровых, наверное, хотела печататься. Однако на первом месте у нее всегда была сама поэтическая работа, совершенствование мастерства. И на первом, и на втором и на последующих местах тоже. Зато не появлялось проходных, слабых, невыстраданных стихов. В ее стихах нет никакой экзальтации, выпренности, надрыва. Не страх перед белым листом, не «раздоры вечные с собой», а приверженность правде, высокая требовательность к себе сделали Марию Петровых такой аскетически немногословной, такой классически строгой.

Однажды она написала в назидание молодым поэтам «Умейте домолчаться до стихов». Так она сама поступала всю жизнь.

Какое уж тут вдохновение, – просто
Подходит тоска и за горло берет,
И сердце сгорает от быстрого роста,
И грозных минут наступает черед,
Решающих разом – петля или пуля,
Река или бритва, но наперекор

Неясное нечто, тебя карауля,
Приблизится произнести приговор.
Читает – то гневно, то нежно, то глухо,
То явственно, то пропуская слова,
И лишь при сплошном напряжении слуха
Ты их различаешь едва-едва.
Пером неумелым дословно, построчно,
Едва поспевая ты запись ведешь,
боясь пропустить или запомнить неточно...
(Петля или пуля, река или нож?..)
И дальше ты пишешь, – не слыша, не видя,
в блаженном бреде не страшись чепухи,
Не помня о боли, не веря обиде,
И вдруг понимаешь, что это стихи.

Мария Сергеевна Петровых родилась весной 1908 года в Норском посаде под Ярославлем. И там же, в посаде, шести лет, сочинила свое первое стихотворение. Десятилетия спустя она вспоминала: «Я восприняла это как чудо, и с тех пор все началось, и мне кажется, мое отношение к возникновению стихов с тех пор не изменилось». У кого из детей не бывает первого (и часто единственного) стихотворения? Но для Марии Петровых оно стало

вторым рождением, определившим ее судьбу и необычность этой судьбы.

Даже ее ранние стихи были лишены подражательности, столь характерной для молодости. Начало поэтического творчества у Петровых – всегда наитие, некий диктат свыше и никогда волевое или рациональное усилие.

И вдруг возникает какой-то напев,
Как шмель неотвязный гудит, ошалев,
Как хмель, оплетает, нет сил разорвать,
И волей-неволей откроешь тетрадь

Человеческая и поэтическая судьба Марии Петровых сложная, и если назвать это одним словом, то это будет слово «мужество». Она не была на войне, не ходила в разведку, не замерзала в блокадном Ленинграде. Но все, что случилось с ней и с ее страной, все тяготы и лишения народа прошли через ее сердце. «Судьба за мной присматривала в оба, чтобы вдруг

не обошла меня утрата», – читаем мы в одном из ее стихотворений. Этот пристальный присмотр судьбы лежит на всем творчестве Марии Петровых. В предисловии к книге Марии Петровых «Предназначение» Арсений Тарковский сказал: «Слова в стихах Марии Петровых светятся, загораясь одно от другого, соседнего. Тайна поэзии Марии Петровых – тайна сильной мысли и обогащенного слова... Ее слова словно наэлектризованы... Каждое слово само по себе метафорично».

Возможно ли более пронзительно, скупо и в то же время роскошно написать о заветном, о сокровенном:

Да, все реже и уже с трудом
Я припоминаю старый дом
И шиповником заросший сад –
Сон, что снился много лет назад.

А ведь стоит только повернуть,
Только превозмочь привычный путь –
И дорога наша вновь легка,
Невесомы наши облака...
Побежим с тобой вперегонки
По крутому берегу реки!..
Дом встречает окнами в упор.
Полутемный манит коридор...
Дай мне руки, трепетанье рук...
О, какая родина вокруг!
В нашу детскую не смеет злость.
Меж игрушек солнце обжилось.
Днем зайчата скачут по стенам,
Ночью карлик торкается к нам, –
Это солнце из-за темных гор,
Чтобы месяцу наперекор.
В спальне – строгий воздух тишины,
Сумрак, превращающийся в сны,
Блеклые обои, как тогда,
И в графине мертвая вода.
Грустно здесь, закроем эту дверь,
За живой водой пойдем теперь.
В кухню принесем ведро невзгод
На расправу под водопровод,
В дно ударит, обожжет края
Трезвая, упрямая струя,
А вокруг, в ответ на светлый плеск –
Алюминиевый лютыый блеск.
В зал – он весь неверию ответ,
Здесь корректно радостен паркет,
Здесь внезапные, из-за угла,
Подтверждающие зеркала.
Поглядись, а я пока пойду
На секретный разговор в саду.
Преклоню колени у скамьи:
Ветры, покровители мои!
Долго вы дремали по углам,
Равнодушно обвевали хлам.
О, воспряньте, авторы тревог,
Дряхлые блюстители дорог,
Вздуйте гневом, взвейтесь на дыбы,
Дряхлые блюстители судьбы!..
Допотопный топот мне вослед
Пышет ликованием бывших лет.
Это ветры! Судорга погонь
Иль пощечин сладостный огонь.
На балконе смех порхает твой.

Ты зачем качаешь головой?
Думаешь, наверно, что, любя,
Утешаю сказками тебя.
Детство что! И начинаешь ты
Милые, печальные мечты.
Мы с тобою пострадались всласть.
Видно, молодость не удалась,
Если в двадцать два и двадцать пять
Стали мы о старости мечтать.
В темной глубине зрачков твоих
Горечи хватает на двоих,
Но засмейся, вспомни старый сад...
Это было жизнь тому назад.

1930

Свой поэтический дар Мария Петровых считала не праздничным подарком, которым можно играть и забавляться, а поручением. Так же она относилась и к жизни. Эта сквозящая в ее стихах беспощадность к себе – нравственный урок посерьезней и потруднее, чем ее же совет: «умейте домолчаться до стихов». Это тютчевское молчание.

Но было и другое – «молчанье горькой родины». Почти еще девочкой Мария Петровых стояла у гроба Есенина. Наверно, то был первый оплаканный поэт. Потом она потеряла им счет, поэтам и не поэтам, близким и дальним:

До срока лучшие из нас
В молчанье смерти выбыли,
И никого никто не спас
От неминуемой гибели.

Молодость Марии Петровых и расцвет сил при-
шлись на тридцатые годы, и террор не обошел ее се-
мью и близких. На рубеже 30-40-х годов уже нет в жи-
вых Мандельштама. Время немоты и террора. Пред-
чувствия близкой войны. В стихах Марии Петровых
того времени берут начало два сквозных мотива по-
эзии – мука немоты и тоска по свободе. И затихнуть
им уже не суждено. В 1936 году было написано сти-
хотворение, которое абсолютно пронзительно по
гражданской позиции человека, горько переживаю-
щего судьбу своей родины:

Есть очень много страшного на свете,
Хотя бы сумасшедшие дома,
Хотя бы искалеченные дети,
Иль в города забредшая чума,
Иль деревень пустые закрома,
Но ужасы ты затмевашь эти –

Проклятье родины моей – тюрьма.
 О, как ее росли и крепили стены –
 В саду времен чудовищный побег,
 Какие жертвы призраку измены
 Ты приносить решался, человек!..
 И нет стекла, чтобы разрезать вены,
 Ни бритвы, ни надежды на побег,
 Ни веры – для того, кто верит слепо,
 Упорствуя судьбе наперекор,
 Кто счастлив тем, что за стенами склепа
 Родной степной колышется простор,
 Скупой водой, сухой коркой хлеба
 Он счастлив – не убийца и не вор,
 Он верит ласточкам, перечеркнувшим небо,
 Оправдывая ложный приговор.
 Конечно, страшны вопли дикой боли
 Из окон госпиталя – день и ночь.
 Конечно, страшны мертвецы на поле,
 Их с поля битвы не уносят прочь.
 Но ты страшней, безвинная неволя,
 Тебя, как смерть, нет силы превозмочь.
 А нас еще ведь спросят – как могли вы
 Терпеть такое, как молчать могли?
 Как смели немоты удел счастливый
 Заранее похитить у земли?..
 И даже в смерти нам откажут дети,
 И нам еще придется быть в ответе.
 Потом была война – годы горя, общности и надежд.
 Вот как просто, строго и горько написано о военном времени:

В каждом сердце столько горя,
 Столько нынче слез лилось,
 Что земля их солью вскоре
 Пропитается насквозь.

Словно от вины тягчайшей,
 Не могу поднять лица.
 Дай же кто-нибудь, о дай же
 Выплакаться до конца,
 До заветного начала,
 До рассвета на лугу,
 Слишком больно я молчала,
 Больше не могу.

Ее военные строчки появлялись в журнале «Знамя» в окружении славных имен: Твардовского, Симонина, Берггольца, Платонова. Ее стихи читали в освобожденных русских городах, еще тревожных, измученных долгой войной, но как бы родившихся заново при каждом новом залпе салюта:

В каком неистовом молчании
 Ты замерла. Притихла, ночь!
 Тебя ни днями ни ночами
 Не отдалить, не превозмочь

Все вдохновенней. Все победней
 Вставали грома в полный рост,
 Пока двенадцатый, последний,
 Не оказался светом звезд.

И чудилось, что слезы хлынут
 Из самой трудной глубины, –
 Они хоть на мгновенье вынут
 Из сердца злую боль войны!

По стихам Марии Петровых можно было бы обучать науке чувств, если бы таковая существовала.

Героиня ее любовной лирики берет в плен своим человеческим обликом – силой чувств, самоотвержением, преданностью, каким-то особенным «забвением себя».

Не взыщи, мои признанья грубы,
 Ведь они под стать моей судьбе.
 У меня пересыхают губы
 От одной лишь мысли о тебе.

Воздаю тебе посильной данью –
 Жизнью, воплощенной в мольбе,
 У меня заходится дыханье
 От одной лишь мысли о тебе.

Не беда, что сад мой смяли грозы,
 Что живу сама с собой в борьбе,
 Но глаза мне застилают слезы
 От одной лишь мысли о тебе.

К какому цеху поэтов можно и должно отнести Марию Петровых, которая сама о себе написала:

Ни ахматовской кротости,
 Ни цветаевской ярости –
 Поначалу от робости,
 А позднее от старости.

У нее иной характер, твердо очерчивающий свой контур в скрытой полемике со своими знаменитыми товарками. Как пишет Бенедикт Сарнов, Мария Петровых принадлежала к той редкостной породе художественно одаренных натур, у которых поводом для лирического самовыражения было далеко не всякое, хотя и подлинное движение души, но лишь такое, которое становилось для нее глубочайшим потрясением. Даже в любовной лирике у нее с поразительным достоинством выражена невозможность принять оскорбительность угасшей любви, непереносимость равнодушия, прикрываемого притворной нежностью:

Что же это за игра такая?..
 Нет уже ни слов, ни слез, ни сил..
 Можно разлюбить – я понимаю,
 но приди скажи, что разлюбил.

Для чего же эти полувзгляды?
 Нежности внезапной не пойму.
 Отвергая, обнимать не надо.
 Разве не обидно самому?

Я всегда дивлюсь тебе как чуду.
 Не найти такого среди людей.
 Я до самой смерти не забуду
 Беспощадной жалости твоей..

Переводчик Михаил Ландман вспоминает: «...в нее влюблялись многие. Кроме Мандельштама, Пастернака, очарованы ею были в разное время и Эммануил Казакевич, и Александр Твардовский, и Павел Антокольский... Словом, она была женщиной, которая вызывала сильные чувства у многих соприкасавшихся с ней людей... И причиной этому была какая-то неуловимая внутренняя сила, обаяние личности – не только ума, а какой-то потрясающей детскости и суровости, открытости и сдержанности...».

А любила она по-настоящему одного:
 Назначь мне свиданье
 на этом свете.
 Назначь мне свиданье
 в двадцатом столетье.
 Мне трудно дышать без твоей любви.
 Вспомни меня, оглянись, позови!
 Назначь мне свиданье
 в том городе южном,
 Где ветры гоняли
 по взгорьям округным,
 Где море пленяло
 волной семицветной,
 Где сердце не знало
 любви безответной.
 Ты вспомни о первом свидании тайном,
 Когда мы бродили вдвоем по окраинам,
 Меж домиков тесных,
 по улочкам узким,
 Где нам отвечали с акцентом нерусским.
 Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
 Но вспомни, что даже на мусорной свалке
 Жестянки и склянки
 сверканьем алмазным,
 Казалось, мечтали о чем-то прекрасном.
 Тропинка все выше кружила над бездной...
 Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..
 Числа я не знаю,
 но с этого дня
 Ты светом и воздухом стал для меня.
 Пусть годы умчатся в круженье обратном
 И встретимся мы в переулке Гранатном...
 Назначь мне свиданье у нас на земле,
 В твоём потаённом сердечном тепле.
 Друг другу навстречу
 по-прежнему выйдем,
 Пока еще слышим,
 Пока еще видим,
 Пока еще дышим,
 И я сквозь рыдания
 Тебя заклинаю:
 назначь мне свиданье!
 Назначь мне свиданье,
 хотя б на мгновенье,
 На площади людной,
 под бурей осенней,
 Мне трудно дышать, я молю о спасенье...
 Хотя бы в последний мой смертный час
 Назначь мне свиданье у синих глаз.

1953, Дубулты

Чьи же это синие глаза, о которых идет речь в стихотворении? А это запавшие Марии в душу глаза Александра Фадеева, известного советского писателя, ставшего для нее последней, очень сильной любовью. Мучительная, запретная любовь к известному писателю, который был женат, который был человеком другого мира, другой культуры... Весной 1956 года жизнь Фадеева трагически оборвалась, он застрелился. Для Марии его уход оказался невосполнимой утратой...

Как десять лет назад, мы до сих пор
 Ведем наш сокровенный разговор,
 Встречаясь, будто на рассвете раннем.
 Нам хорошо и молодо вдвоем,

И мы всегда идем, всегда идем,
 Вверяясь недосказанным признаньям
 И этой чуть раскрывшейся листве,
 Пустому парку, резкой синеве
 Холодных майских дней и полувзглядам,
 Что сердцу говорят прямее слов
 О радости, что мы, как прежде, рядом...

Минутами ты замкнут и суров.
 Жестокой мысли оборвать не хочешь,
 Но вот опять и шутишь, и хохочешь,
 Самозабвенно радуясь всему –
 И солнцу, и нехоженой дорожке,
 И полусказочной лесной сторожке,
 И тайному смятению моему..
 Мне верилось, что это лишь начало,
 Что это лишь преддверие чудес,
 Но всякий раз, когда тебя встречала,
 Я словно сердцу шла наперерез...
 И я еще живу, еще дышу,
 Еще брожу одна по темным чащам,
 И говорю с тобою, и пишу,
 Прошедшее мешая с настоящим..
 Минутами ты замкнут и суров.
 А я была так близко, так далеко
 С тобой, с твоей душою одинокой
 И не могла, не находила слов –
 Заговорить с тобой о самом главном,
 Без переходов, сразу, напрямик..
 Мой ангел, на пути моем бесславном
 Зачем явился ты, зачем возник!
 Ты был моей любовью многолетней,
 А я – твоей надеждою последней,
 И не нашла лишь слова одного,
 А ты хотел его, ты ждал его,
 Оно росло во мне, но я молчала,
 Мне верилось, что это лишь начало.
 Я шла, не видя и не понимая
 Предсмертного страдания твоего.
 Я чувствовала светлый холод мая,
 И ты со мной, и больше ничего...
 О как тебя я трепетно касалась!
 Но счастье длилось до того лишь дня,
 Пока ты жил, пока не оказалось,
 Что даже смерть желаннее меня.

Имя Марии Петровых часто встречалось в периодике, в книгах, где она выступала как переводчик. На излете войны Мария Сергеевна впервые увидела Армению, ставшую ее «любвью подспудной». Армения пленила ее, стала неотъемлемой частью судьбы. Южное солнце, облучающее каменистые поля и дома из розоватого туфа, как бы разлито по страницам «Дальнего дерева». Прекрасно звучат в переводах Марии Петровых строки Аветика Исаакяна, Наири Зарьяна, Маро Маркарян и Сильвы Капутикян.

Стихотворение Атанаса Далчева в переводе Марии Петровых «Полдень».

Я и комната в тени, а в раме
 Моего окна сияет лето.
 Воздух от жары дрожит, как пламя.
 Вижу чью-то стену в блеске света,
 Вижу там, как женщина спокойно,
 напевая, мыть окошко стала,
 И напев был с нею схожим – стройным
 И такой же сладостно усталый.

День уснул глубоко. Не повеет
 Ветерок, от зноя нет покоя –
 Сохнет рот, и кровь моя немеет,
 А окно под женскою рукою
 Искрится, дрожит сияньем полдня,
 Комнату мою мгновенно полня
 Вспышками лукавых беглых молний.

Однажды прикоснувшись к поэзии Марии Петровых, задумываешься о сущности поэзии. Кто же такой поэт? Многие становятся стихотворцами и лишь очень и очень немногие – поэтами. Потому что поэт – это герой и мученик своей судьбы, он не изменяет своей судьбе ни при каких обстоятельствах. И его судьба, также как и судьба его страны – в его стихах. На рубеже 30-х годов Мария Петровых, еще

совсем молодая, пишет, словно не вступая в жизнь, а прощально оглядываясь на нее

Жизнь моя, где же наша дорога?
 Ты не из тех, что идут наизусть.
 Знаешь, затворница, недотрога,
 Есть ведь такое, чем я горжусь.
 Да, я горжусь, что могла ни на волос
 Не покривить ни единой строкой,
 Не напрягала глухой мой голос,
 Не вымогала судьбы другой.

Вот уже сорок лет нас окликает голос, которому не суждено затеряться в богатой поэтической многоголосице XX века. Когда-то в стихах, обращенных к ней, Осип Мандельштам писал: «Ты, Мария, гибнущим подмога...». Ее поэзия и она сама, живая в своих стихах, – подмога и нам, нынешним.

Использованы источники:

1. Винокурова И. Как быть несчастливym // Знамя. – 1987. – № 12. – С. 231-233.
2. Гелескул А. О Марии Петровых // М. Петровых. Прикосновение ветра. Стихи. Письма. Переводы. – М.: Русская книга, 200. – С. 5-12.
3. Гурок А. Рецензия на книгу Марии Петровых «Избранное». Стихотворения. Переводы. Из письменного стола. – М. «Художественная литература», 1991. – 383 с. // Но-

вый мир. – 1992. – № 9. – С. 248-249.

4. Птушкина М. Как рассказать душу. Рецензия на сборник Марии Петровых «Предназначение». Стихи разных лет. – М.: Изд-во «Советский писатель», 1983 // Дружба народов. – 1985. – № 8. – С. 263-264.

5. Сарнов Б. Умейте домолчаться до стихов // Литературное обозрение. – 1985. – № 8. – С. 49-52.

6. Хелемский Я. Несуетный урок // Дружба народов. – 1986. – № 9. – С. 226-240.

РЕКА ВОСПОМИНАНИЙ

Александр ЛУКЪЯНОВ (Таллин) – ученый, доктор экономических наук, педагог, публицист. Автор 18 книг и брошюр, более 200 научных работ и 250 статей по вопросам экономики, инноваций, трудового права, социологии и психологии труда, проблемам высшего образования. Работал на промышленных предприятиях, в научных организациях и в высших учебных заведениях рабочим, экономистом, руководителем отдела, заместителем генерального директора по экономике, проректором и ректором института. Один из организаторов высшего образования на русском языке в самостоятельной Эстонии, основатель (1992 г.) издания в Эстонии серии книг и учебных пособий по экономике, предпринимательству и праву на русском языке. Редактор и автор историко-биографических сборников статей о выдающихся русских жителях Эстонии, внесших значительный вклад в ее развитие. Родился в Заполярье в семье военнослужащих. Отец родом из поселка Базарный Сызган Ульяновской области.

Отец – Сергей Кузьмич Лукьянов – родом из поселка Базарный Сызган Ульяновской области.

РАССКАЖИ МНЕ, ОТЕЦ, О СЕБЕ

Недавно пожалел, что мало знаю о своем отце. Раньше, когда он был жив, об этом как-то и не задумывался. Отец как отец. Русский офицер. Моряк. Одна форма чего стоит. Не то, что пехота. Подымай планку выше. Можно гордиться. Но отцы есть у всех. По крайней мере, биологические. Разных профессий. И многими тоже можно гордиться. У моего за спиной было три войны: финская, Великая Отечественная и немножко японская. Севастополь, Полярное, Рыбачий, Владивосток, Китай, Таллин. Все очень интересные места. История и география моей страны. Расспросить бы поподробнее. Но... уже поздно.

Отец не был особенно разговорчив, да и я как-то не тянулся особенно к нему. Может от того, что был старшим сыном, а он, как часто бывает, больше внимания уделял младшим. Особенно Сережке, моему погодку, красивому и ласковому, очень похожему на него. У меня такая несправедливость рождала протесты. «Почему ему, а мне...?». Но чаще они оставались лишь в голове. И быстро забывались. Да и с детства я был более сдержан на проявления чувств. На отношения с отцом влияли и другие причины. Годы войны, военная служба, курсы, учеба в Академии не оставляли ему много времени на семью, на общение и воспитание детей. И мы росли больше сами по себе. Мама, школа, двор, кино были нашими главными воспитателями. По крайней мере, для нас с Сережкой. Да еще книги, но это уже попозже, лет с 13.

Родился я в ноябре 1942 г. в Заполярье, у пушек отца, Лукьянова Сергея Кузьмича, командира 11 батареи 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Северного флота. Батарея была расположена на мысе Сеть-Наволоок и прикрывала вход в Кольский залив, фиорд по-норвежски. В глубине его раскинулся незамерзающий порт Мурманск. Самый крупный на Севере нашей страны и стратегически очень важный. Родился фактически на фронте, как иногда говорю. До передовой на южном берегу Мотовского залива восточнее реки Западная Лица, где немцы создали несколько опорных пунктов, – километров 30 – 35. Это уже в пределах огня флотских батарей – дальность стрельбы их 152- и 180-миллиметровых орудий превышала 25-30 км. Морской фронт проходил прямо под скалами. Воздушный – над нами.

Мало кто знает, что это места, где немцам во время войны не удалось перейти границу нашей Родины. До нее, проходившей по полуостровам Рыбачий и Средний и реке Западная Лица, отсюда было менее 60 км. И я не без гордости люблю говорить об этом. Может быть, и потому, что в этом есть и заслуга моих родителей. И отца, и матери. Мама, коренная северянка, мурманчанка, в 17 лет ушла добровольцем на фронт, была направлена санитаркой в военно-морской госпиталь в Полярный, потом – в Сеть-Наволоок. Здесь она и встретила с отцом. Оказалось – на всю жизнь.

В свидетельстве о моем рождении так и значится: поселок Сеть-Наволоок Мурманской области. По карте это на мысе Сеть-Наволоок, на берегу Баренцева моря, севернее выхода из Кольского залива. До Мурманска отсюда по прямой примерно 75 километров. До Полярного, тогда главной базы Северного флота, – километров 27. Сеть-Наволоок – место легендарное. Это не только маяк. Его часто упоминают в военных мемуарах, особенно посвященных трагической гибели переоборудованного из рыболовного траулера сторожевого корабля «Туман» 10 августа 1941 г. Произошло это в зоне досягаемости огня орудий с мыса

Сеть-Наволоок и с острова Кильдин, прикрывающих вход в Кольский залив с западной и восточной стороны. Наблюдатели с батарей на Кильдине доложили об обнаружении трех немецких эсминцев на дистанции 22 – 27 км (135 – 150 кабельтовых). Через 28 минут их обнаружили и с Сеть-Наволока. Орудия приготовились к бою, но огонь был открыт лишь через 45 минут после первого сигнала о появлении вражеских кораблей. Время ушло на получение разрешений на открытие огня с вышестоящим командованием. Первые снаряды легли с недолетом. Немцы сразу повернули в море, поставили дымовую завесу и быстро скрылись в тумане. Последующие залпы батарей с Сеть-Наволока (5 залпов – с 11-й, с батареи отца, 4 – с 7-й) также не достигли их. Быстроходным эсминцем потребовалось всего несколько минут (скорость более 65 км в час, или 36 узлов), чтобы покинуть зону

С.К. Лукьянов

обстрела. Но они не ушли безнаказанными. Поднятыми в воздух самолетами был все-таки поврежден один из эсминцев.

«Туман» ушел под воду с гордо поднятым военно-морским флагом. Ответить врагу артиллерийским огнем он не смог, так как носовое орудие находилось вне зоны обстрела (он уходил к берегу под прикрытие береговых батарей), а кормовое вышло из строя после первых же залпов с эсминцев. Да и дальность стрельбы его двух 45-миллиметровых орудий не превышала 4-5 км (25 кабельтовых). В отдельных публикациях говорится, что из носового орудия все-таки вели огонь, но это маловероятно. Немцы стреляли с более дальних расстояний, 30 – 40 кабельтовых. Большую часть команды удалось спасти. В том числе благодаря начавшемуся обстрелу немецких кораблей батареями с Сеть-Наволока. Через 45 лет, в 1986 году, место гибели сторожевого корабля «Туман» объявлено местом боевой славы, и проходящие здесь корабли приспускают флаг.

Командующий Северным флотом в годы войны адмирал Головкин А.Г. вспоминает в своих мемуарах: «Помощь, оказанная сторожевому кораблю нашей батареей с мыса Сеть-Наволоок, открывшей огонь по фашистским эсминцам, была запоздалой и не могла изменить его участи: он к тому времени имел уже одиннадцать прямых попаданий... Обстреливаемые береговой батареей Сеть-Наволока вражеские эсминцы закрылись дымовой завесой и начали отход на северо-запад» (Головкин А.Г. Вместе с флотом. – М.: Воениздат, 1979). Командование флота из случившегося сделало выводы, и командирам батарей разрешили в таких случаях открывать огонь самостоятельно. Этот случай вскрыл и другие недостатки в организации боевого управления флотом: излишняя централизация, отсутствие прямой связи между кораблями дозора и береговыми батареями, авиацией, важность корректировки огня с воздуха. Сделали выводы и немцы – у входа в Кольский залив их надводные боевые корабли

ли больше не появлялись.

Многих из участников этих событий я встречал в детстве. Рос среди них. После войны они продолжили службу на Севере, а позже часть из них – и в Таллине, бывшем до 1960 г. главной базой Балтийского флота, точнее – 8-го военно-морского флота Советского Союза. И не раз собирались у нас дома. Начальник гарнизона Сеть-Наволока и командир 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона в 1941 году, капитан Богач Александр Маркович, дядя Саша, к тому времени стал полковником, капитаном 1 ранга по-флотски и начальником береговой обороны Балтийского флота. Отец – подполковником, капитаном 2 ранга и работал в штабе флота. Что-то из застольных воспоминаний отца и его сослуживцев сохраняется в памяти. Но о войне и погибших кораблях они мало говорили.

Я рано начал и любил читать. Журнал «Морской сборник», который приносил отец, листал уже чуть ли не с первого класса. Нравилось рассматривать публикуемые в нем картинки советских и иностранных военных кораблей. Позднее увлекся книгами о войне, подвигах наших солдат и офицеров, истории, путешествиях, военными мемуарами. Хотелось знать правду о войне. О трагической гибели сторожевого корабля «Туман» прочитал еще в школе, в книге Н.Н. Панова «Боцман с «Тумана» (издана в 1955 г.). Она стала одной из первых и любимых в моей военной библиотеке. Наверно, и потому, что повествовала о моряках, разведчиках, верности долгу, о событиях, которые происходили на Севере, в близких для меня местах. Но ни отца, ни дядю Сашу тогда об этом не расспрашивал. Не связывал их с произошедшим с «Туманом». Спросил лишь через много лет, когда снова заинтересовался этим вопросом и захотелось все уточнить самому. Отец, помолчав, ответил, что такой был приказ. Не добавил, что это его орудиям не дали разрешения своевременно открыть огонь по вражеским кораблям. Сейчас я хорошо представляю его снова проснувшиеся чувства боевого офицера, горячо желавшего и готового отомстить врагу за непрерывные бомбардировки Мурманска и Полярного, за гибель матросов дивизиона, ушедших добровольцами в морские десанты. Специально подготовленных частей морской пехоты на Северном флоте тогда не было и их комплектовали из экипажей кораблей, частей береговой обороны и других подразделений флота.

Немцы в то время вели наступление на Мурманск и постоянно бомбили город и базы Северного флота. Авианалеты начались уже в конце июня. За полугодие 1941 г. только на Мурманск фашистами было совершено более 300 налетов. В среднем – по два в день. Их самолеты постоянно висели в воздухе. Командование флота предполагало, что после первых неудач на мурманском направлении (их июльское наступление было остановлено на реке Западная Лица) немцы могли высадить десант на Рыбачьем, закупорить горло Кольского залива, вход в порт Мурманск и к базам флота, и в появлении немецких эсминцев могло увидеть своеобразную проверку боем. В этом тоже есть доля правды – местоположение батарей раньше времени нельзя было рассекречивать. Последнее не подтверждается пока архивными документами, а адмирал Головкин А.Г. в своих мемуарах даже пишет, что распоряжения о самостоятельном открытии огня береговыми батареями были им даны уже раньше. Но

как и когда, каким документом они доведены до их командиров – не поясняет.

Название Сеть-Наволока происходит от саамского слова «сейд» – священный и русского «наволока», что на Севере означало не только участок суши, по которому можно было тащить волоком лодку (волок), но и намытый (наволоченный из камней или земли) мыс на озере, реке или на море. Возможно, у саамов когда-то здесь было какое-то святилище, каменное божество, защищающее их. Получается, что и в годы войны оно охраняло пришедших к нему людей: госпиталь и батарея Сеть-Наволока избегали ежедневных мощных авианалетов противника (как это было рядом на полуостровах Средний и Рыбачий или в Мурманске), а бомбоубежища в гранитных скалах надежно укрывали людей. При объявлении воздушной тревоги мама хватала меня на руки и бежала в скалы. Сам мыс и сегодня представляет собой сплошные гранитные скалы, возвышающиеся метров на 55 над уровнем моря. О них уже тысячи лет бьются с пеной, с ворчанием, будто что-то шепчут, отбегают назад, волны Ледовитого океана. Суровая красота Севера.

В Сеть-Наволоке в расположении 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Северного флота мы пробыли до 1944 г. Мама продолжала работать в госпитале. Отец в феврале 1943 г. стал капитаном и летом этого же года был переведен в Полярное на должность начальника штаба 3-го Отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Северного флота. Пять его батарей были расположены около Полярного и защищали проходы в Кольский залив и к его главной базе. В этой должности он пробыл до начала октября 1944 г. По разговорам, с отцом была какая-то история, связанная с нами. Кто-то доложил командованию, что в расположении дивизиона остается жена командира с ребенком. Отцу предстоял чуть ли не трибунал, но потом как-то все обошлось, нас в начале 1944 г. эвакуировали в г. Фурманов Ивановской области.

Как эвакуировались, сказать трудно. С Сеть-Наволока и Полярного до Мурманска можно было добраться только катером, под угрозой быть расстрелянными немецкими мессершмиттами. Даже в полярную ночь. Скорее всего нас переправили на малом охотнике (МО) за подводными лодками или на торпедном катере, наиболее часто используемыми в те годы для перевозок людей, десантов и вооружения. Дальше – поездом, вдоль линии фронта. Опять под угрозой налетов немецкой авиации и атак диверсионных групп. До линии фронта от нее местами было менее 60 км, а до ближайших немецких аэродромов в районе южнее Кандалакши или Петсамо – километров 75 – 80. Минут 10 лета. Не случайно срочно построенный участок железной дороги от Кандалакши вдоль Белого моря называли «второй дорогой жизни».

До Мурманска, может, и дальше нас сопровождал отец. При посадке не хватило мест в вагоне, и проводник не хотел нас пускать. Отец, обычно спокойный, перешел на более понятный проводнику русский язык и для лучшей аргументации выхватил пистолет. Места уплотнили, нас усадили. Мама была уже на 7 месяце беременности. Брат Сергей родился в марте 1944 года уже в городе Фурманове Ивановской области. До марта 1941 года он назывался Середа и был переименован в честь родившегося здесь (в селе Сера-

да) советского писателя, военного и политического деятеля Д.А. Фурманова (1891 – 1926), автора знаменитых романов «Чапаев», «Красный десант», «Мятеж» и других.

В Фурманове нас разместили у старушки, в небольшой избе с большой русской печкой. В ней или рядом с ней нас мыли. Здесь уже жили моя бабушка Мария Дмитриевна с дочкой старшей маминой сестры тети Оли, которая осталась в Полярном, и мамина средняя сестра, тетя Вера, тоже с дочкой, родившейся 9 мая 1941 года, за 43 дня до начала войны. Они были эвакуированы из Мурманска еще в 1941 году, когда начались первые бомбежки.

Фурманов был небольшой фабричный городок, с населением около 37 тысяч человек. Статус города он получил только в 1918 году. Таким по численности жителей он остается и сегодня. Тогда в городе действовало несколько текстильных фабрик. И на одной из них вместе с тетей Верой стала вскоре работать и мама.

Когда вспоминаю этот текстильный городок, возникает мысль, нет ли здесь какого-то небесного предназначения, знака судьбы? Судите сами. Дед по отцовской линии, Кузьма Лукьянов, был рабочий-ткач Базарно-Сызганской суконной фабрики. В Базарном в 1915 году родился отец. В 1933 году он заканчивает школу ФЗУ текстильной промышленности при Ишеевской суконной фабрике, что рядом с Ульяновском, и работает на ней до поступления в военно-морское училище в ткацком цехе подмастерьем (наладчиком оборудования, помощником мастера по современной терминологии). Его сын, т. е. я, отдал текстильному производству 14 лет, работая, как отец, сначала наладчиком оборудования в прядильном производстве, а потом, после окончания института, начальником отдела организации и оплаты труда одного из крупнейших хлопчатобумажных предприятий Таллина. На нем же в разные годы работали мои младшие братья Сергей и Юра, а также его жена Люда. Почти династия текстильщиков. Сейчас всех этих предприятий нет. В Таллине зияют пустыми окнами многоэтажные корпуса комбината «Балтийская мануфактура», в Ишеевке – ишеевской суконной фабрики, в Базарном мало кто помнит, что когда-то было такое предприятие. Говорят, это общая судьба текстильных предприятий Европы. Такие же пустые корпуса можно увидеть и в Англии.

В Базарном, на малой родине отца, я так и не побывал. Собирался, когда-то уговаривал его съездить вместе. Но все как-то не получалось. Но обязательно заеду. Там еще живут родственники, Лукьяновы. Двоюродный брат Борис. Приглашают. Интересно было бы побывать и в Неклюдово, что недалеко от Базарного, но уже в Инзенском районе области. Там отец пошел в школу, начал трудовую деятельность. Село еще не заброшено. Живое. Около 200 жителей. В 1913 году в нем было 102 двора и 588 жителей. Расположено в очень живописном месте, у подножия поросших сосновым лесом холмов, на берегу речек Сюксюм и Печерлейка. В эти места нельзя не влюбиться. ...Церковь в честь Рождества Христова, построенная в 1800 г., объявлена объектом культурного наследия. В период богоборчества в 1930 годы храм был закрыт для богослужения. Хорошо, что не разрушен. Бабушка и отец, наверно, не раз посещали его.

В 1970 – 1980 годы здание использовалось совхозом «Неклюдовским» под склад. В настоящее время предпринимаются попытки реставрации здания церкви. Очень правильно. Это наша история, наши корни. Когда их вырывают, погибает все дерево.

Места эти очень интересные. Сколько племен – народов через них прошло, поперемешалось. Финно-угры, булгары, татары, русские. А ведь были еще кто-то и до них. Те же праславяне. Откуда-то отсюда на запад ушли венгры-мадьяры, на север – мордва, татары и чуваша. Следы их мы до сих пор видим, например, в местных названиях, в топонимике, этом своеобразном путеводителе по истории. С присоединением к Московской Руси Казанского и Астраханского ханств начинается активное переселение русских. Базарный Сызган основан московскими стрельцами в 1638 году на месте древнего мордовского села как сторожевой пункт на подходах к Карсунской засечной черте, или оборонительной линии на границе государства. Он старше Симбирска на целых 20 лет и в этом году отмечает свое 380-летие. Свое название получил от реки Сызган, на которой стоит. В переводе с татарского «овражное русло», от слов «сыза» – овраги и «ган» – русло. Встречается и другой перевод – «река меж гор». Что точнее, пусть разберутся филологи. Если все перевести на русский, получим «место торговли (базар) на реке меж гор». Название речки Сюксюм, протекающей через Неклюдово, тоже татарского происхождения и переводится как холодная вода.

Отец о Неклюдове почти ничего не рассказывал, а оказалось, что там он прожил много лет. Пошел в школу. Обязательным тогда (с 1925 г.) было 4-летнее начальное образование, но отец до поступления в школу ФЗУ закончил 6 классов. Если смотреть по его личному делу, написанному в 1938 г., бабушка через несколько лет после смерти деда вышла замуж в 1921 году за крестьянина этого села Степана Сидорова, вдовца. И переехала сюда из Базарного. Образовалась большая семья. Отец говорил, что у него было 17 братьев и сестер. Один из братьев стал летчиком, погиб еще до войны, в авиационной катастрофе в Сибири. Самолет сел на воду. Раненому при посадке брату удалось выбраться из него, но до берега он не доплыл. Отец ездил в Сибирь на похороны, пытался разобраться во всем и был убежден, что брату не захотел помочь кто-то из пассажиров.

...Бабушка ушла из жизни в 1938 году. В год, когда сын Сергей закончил в Севастополе Военно-морское артиллерийское училище. Дождалась ли она этого радостного дня и сохранилась ли ее могила в Неклюдове или Базарном – не знаю. Жалею. Начал посылать запросы, но пока не получил ответов. Также не знаю судьбу его отчима и какие отношения у него складывались с отцом.

Отец рано начал трудовую жизнь. Семья была большая и бедная. Уже в 12 лет он устраивается разнорабочим (пишет – чернорабочий) на Неклюдовский винзавод и работает там, совмещая с обучением в школе, до 1929 года. Хотя детский труд в СССР был официально запрещен уже первыми декретами советской власти, на практике это не соблюдалось. Особенно на селе. С молчаливого согласия властей. В это время в Неклюдове создается колхоз с многообещающим названием «Новая жизнь». В него вместе с матерью вступает и отец. Становится колхозником.

Через год колхоз направляет способного 15-летнего парнишку на учебу в Ульяновск в только что организованную машинно-истребительскую станцию по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства, имеющую свои учебные классы (существовала до 1934 г.). Такие станции в то время создаются по всей стране. Их главная задача – помощь колхозам, организация и проведение на хозрасчетной основе всех необходимых мероприятий по борьбе с вредителями сельского и лесного хозяйства: наблюдение, ведение учета, профилактика, уничтожение и т. д.

Но специалистом по защите растений отец не становится и в конце 1931 года поступает в школу ФЗУ при Ишеевской суконной фабрике, в группу по подготовке слесарей-ремонтников и ткацких подмастерьев. Полное правильное название ее – школа фабрично-заводского ученичества. Училища ФЗО у нас были созданы позднее, в 1940 году. Прием в группу осуществляется на основе 6-летнего образования. Преимущества обучения для отца – получение места в общежитии, бесплатное питание, небольшая стипендия и возможность получения части заработанного во время ученичества. Через 2 года он успешно заканчивает школу и поступает работать на фабрику уже квалифицированным рабочим, помощником мастера (подмастерье). Это помогает ему пережить страшные годы голода в Поволжье (1932 – 1933 гг.), вызванные неурожаем и непродуманными большевистскими шагами по быстрому переустройству хозяйственной жизни села. Такая же картина повторилась в 1936-1937 годах, но об этом мало говорится. Лишь читая открытые сегодня донесения с мест уполномоченных сотрудников НКВД по Куйбышевскому краю, в который тогда входила Ульяновская область, понимаешь масштабы трагедии.

Эта страница в жизни отца оказалась мне совсем незнакомой. Он не только прилежно учится, но начинает активно участвовать в общественной жизни. Его серьезность, способности, отношение к людям ценят соученики и преподаватели училища. Отца избирают сначала членом профкома, а в 1933 году – председателем профкома школы. Как все в те годы, в школе он вступает в комсомол. Комсомольский билет ему выдается Ульяновским горкомом ВЛКСМ. Очень активно отец проявляет себя и на новой работе – уже через три месяца он становится комсоргом фабрики.

Отец почему-то чаще бывал и вспоминал о Базарном и редко – о Неклюдове. Почему? А ведь там он жил с 6 лет, пошел в школу, там у него сформировалась тяга к обучению, там прожил интереснейшие этапы в жизни нашей страны: становление советской власти и новых общественных отношений в деревне, разрушение сословных привилегий, борьбу с неграмотностью, коллективизацию. Интересно, были ли грамотной моя симбирско-ульяновская бабушка? Вопросы, вопросы, вопросы. Почему, отец, ты мне все это не рассказал?

По переписи населения 1920 года в стране было только 44 процента грамотного населения, на селе – еще меньше, около 38 процентов. К 1939 году уровень грамотности достиг почти 90 процентов. Грандиозно. Первые декреты о ликвидации неграмотности и бесплатном обучении новой властью были приняты в 1918 – 1919 годах, обязательное начальное образование введено в 1925 – 1930 годы, обязательное семи-

летнее – в 1933 – 1937 годах. Это наши достижения. Их особенно ценю, когда смотрю на судьбы своих родственников что на Севере, что в Поволжье. Рожденные крестьянами или рыбаками, простыми людьми, многие из них стали крупными руководителями, хорошими специалистами, высшими офицерами и т. д. Я не сторонник тех, кто сознательно, с определенными целями, или подстраиваясь под «моду» и окружающую группу мажет черными красками историю страны. Вижу и другие цвета, их значительно больше. Так видел ее и мой отец. Сейчас я знаю об этом больше, чем раньше. Понятнее стала его позиция, когда при моей критике действий властей он чаще защищал их. Не как догматик. Наверно, больше из доверия к ним, к руководителям партии и страны. Они открыли для него дорогу «наверх», и он пошел по ней. Понимая, что для этого надо прилагать и свои усилия.

На один из таких вопросов, мне кажется, я нашел ответ. Это влияние его сестры. Анна Степановна Лукьянова, тетя Нюра, была старше отца на 14 лет и могла иногда заменять мать. Она стала известным в Ульяновской области общественным деятелем. Гордилась тем, что была коммунистом «ленинского призыва», вступила в партию в 1924 году в соответствии с постановлением Пленума ЦК РКП(б) «О приеме рабочих от станка в партию». Набор распространялся в первую очередь на рабочих, а также на беднейших крестьян, «бедняков» и «средняков». Этим требованиям она полностью отвечала. Отец относился к ней с особым уважением и, приезжая в отпуск в Ульяновск, останавливался обычно у нее. И оставлял нас здесь на лето. Тетю Нюру я хорошо помню. В те годы она была директором швейной фабрики. Всегда в строгом костюме. Подтянутая. Уверенная в себе. С какой-то заражающей окружающих внутренней энергетикой. Мне она казалась строгой. Ее дом на углу Красноармейской и Красногвардейской улиц (символическое совпадение!) с маленьким садом и хозяйственными постройками, к сожалению, сейчас снесен.

Летом 1934 года отец поступает в недавно созданное (1931 г.) Севастопольское военно-морское артиллерийское училище береговой обороны. С этого же года оно стало носить имя Ленинского коммунистического союза молодежи Украины (ЛКСМУ). Почему он выбрал Севастополь и романтическую профессию военного моряка, сейчас никто сказать уже не сможет. Отцу 19 лет. Приближается время призыва в армию (в 1925 – 1936 гг. – с 21 года). Он рассказывал, что сначала хотел стать летчиком, поступить в летное училище. Даже прошел медкомиссию. Но выбрал Севастополь.

Технически грамотного и политически подкованного рабоче-крестьянского паренька с направлением от комсомола зачисляли в курсанты без всяких проблем и вступительных экзаменов. Красная армия и флот должны быть рабоче-крестьянскими. По принятому в 1925 году закону об обязательной военной службе в армию не призывают детей бывших дворян, купцов, офицеров старой армии, священников, фабрикантов, казаков. Впереди отца ждали 4 года напряженного обучения, курсантская практика на крейсере «Коминтерн» (в царское время – «Память Меркурия») и учебном судне «Очаков» (в царское время – грузопассажирский пароход, с 1914 г. – тральщик «Батум»). Но главное – артиллерия.

С 1934 года для училища стали учебными расположенная рядом с ним, на мысу между Стрелецкой и Песочной бухтами в Севастополе, артиллерийская батарея №14, имеющая четыре 152-миллиметровых орудий, и знаменитая 35-я береговая башенная батарея на мысе Херсонес с мощными 305-миллиметровыми орудиями с дальностью стрельбы до 42 км. Башенная батарея такого калибра – это целая маленькая крепость с 2-3-метровыми железобетонными стенами и покрытиями, подземными этажами, переходами, собственным энергообеспечением, помещениями для команды и т. д. Обе батареи прославились в годы Великой Отечественной войны и сохранили боеспособность до оставления после 250-дневной осады Севастополя нашими войсками 3 июля 1942 г. 1 июля (по другим данным – 30 июня) они сделали последние залпы по атакующим фашистам и были подорваны, чтобы не достаться врагу. Сегодня на территории 35-й береговой батареи, на месте последнего рубежа обороны Севастополя, сооружен (2008 – 2012 гг.) музейно-мемориальный ансамбль «35-я береговая батарея», посвященный героическим защитникам Севастополя в 1941 – 1942 годах. Я представляю себе чувства отца, когда по радио в сообщении Советского информбюро объявили, что советскими войсками оставлен город Севастополь. ...Но он был на Севере, уже командиром батареи №11 Мурманского укрепрайона Северного флота.

О своей жизни в Севастополе, училище, годах обучения, друзьях, подругах и т. д. отец ничего не рассказывал. Да и я не помню, чтобы с кем-то из сокурсников он поддерживал тесные контакты. Многих из них унесла война. В училище тогда еще продолжалось строительство учебных корпусов, благоустройство территории, и он, как и все другие курсанты, принимал в нем участие. В 1938 году отец заканчивает училище. И в звании лейтенанта получает направление на Северный флот.

Очень удивился, когда прочитал, что военную службу он начал в должности переводчика 1 разряда разведотдела Северного флота. Вот это батя! И никогда ни слова об этом. Лишь однажды проговорился, что на подводной лодке ходил к норвежским берегам. Разведка. Немецкий язык он изучил неплохо, но для переводов пользовался словарем. Не исключено, конечно, что это было только название должности, а задачи он выполнял иные. Через полгода лейтенанта Лукьянова С.К. назначают командиром только что введенной в строй 2-орудийной артиллерийской башни батареи №11 на мысе Сеть-Наволоок. Той самой, о которой мы говорили выше. В этой должности он и встретил через 2 года начало Великой Отечественной войны. А до этого была и Финская война. Его дивизион перечислен в списке частей, принимавших в ней участие.

В сентябре 1944 года Финляндия после начала наступления наших войск в Карелии («четвертый сталинский удар») заключает перемирие с Советским Союзом и выходит из войны. И даже начинает военные действия против Германии (в Финляндии ее называют лапландской войной), чтобы добиться вывода немецких войск со своей территории. Военная обстановка на Севере значительно улучшается. Часть офицеров береговой обороны флота переводится на Дальний Восток. Не сложно догадаться, что

наша страна в соответствии с Тегеранскими соглашениями с союзниками (Тегеранская конференция 28 ноября – 1 декабря 1943 г.) начинает готовиться к войне с Японией. Официально отец убывает во Владивосток на курсы командного состава в свое родное Военно-морское училище береговой обороны, также переведенное к тому времени во Владивосток. Оно к этому времени получает почетный титул «Краснознаменное». С Дальнего Востока он после разгрома Японии возвращается на Север, работает в штабе флота и вскоре получает назначение на должность начальника штаба, а с апреля 1946 года – командира уже знакомого ему 3-го Отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Северного флота. В этом же году ему присваивается звание майора.

Через год отца переводят снова в Сеть-Наволоок командиром также хорошо знакомого ему 1-го Отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Северного флота. Мы осенью 1945 года возвращаемся с эвакуации в Мурманск и постоянно переезжаем на новые места службы отца. Малая Волоковская, что на перешейке у полуостровов Средний и Рыбачий, Сеть-Наволоок, Полярное, Роста, морские бухты, корабли, скалы, ягодная тундра с маленькими кривыми березками – их картины на всю жизнь остались в памяти. Сейчас на месте Малой Волоковской и многих широко разбросанных когда-то участков Сеть-Наволока остались лишь развалины. Маяк на мысе стоит. И, как и прежде, ярко светит, указывает путь кораблям. Уже почти 120 лет. Из двух башенных орудий 11-й батареи осталось полузаконсервированным лишь одно. Два его ствола по-прежнему направлены в сторону моря. Внутри сохранились основные механизмы. ...Было бы хорошо, если бы это место когда-нибудь привели в порядок и сделали одной из достопримечательностей Кольского полуострова.

С осени 1947 года отец снова переходит на штабную работу, занимает должность начальника отдела боевой подготовки в штабе береговой обороны Северного флота. Это еще в Полярном. К этому времени главной базой Северного флота становится Ваенга (название от впадающей здесь в Кольский залив реки Ваенга, саамское вайонг – самка оленя, важенка), хотя такое предложение рассматривалось еще до войны. Ваенга и база только строятся. Статус города и новое имя, Североморск, она получает в 1951 году. Осенью 1947 года в нее из Полярного переводится штаб флота. В 1950 году из Полярного в Мурманск переезжаем и мы. У отца новое, более высокое назначение – начальник 5-го отдела в артиллерийском управлении Северного флота.

В Североморске жилья для семей офицеров не хватает. Да и мне пора идти в школу. Нам на пятерых (в Полярном в 1950 г. родился мой второй брат, Владимир) выделяют комнатку в Мурманске, в самом центре, на проспекте Сталина, в доме 25. Сейчас это проспект Ленина, и у дома другой номер, 48-й. В квартире, кроме нас, еще две семьи и одна одинокая женщина. Все как-то связаны с флотом. До Североморска от Мурманска 25 км, и отец ездит туда на работу. Часто там и ночует.

Отец всегда хотел учиться, не останавливаться на достигнутом. Что-то из этих важных социальных качеств перешло и ко мне. В 1950 году он становится

ся подполковником (капитаном второго ранга) и в начале следующего года поступает в Военно-морскую академию на высшие курсы офицерского состава береговой артиллерии, отделение командиров и начальников штабов секторов береговой обороны ВМФ. После окончания курсов его ждет новое назначение – Таллин, Балтийский флот, управление вооружения и судоремонта.

К этому времени начинает кардинально меняться и организация береговой обороны. Пушки заменяются ракетами. Многим артиллеристам надо переучиваться. Но этот процесс только начинается. Где-то году в 1957-1958 отцу предлагают перевод на Тихоокеанский флот. На Камчатку. На адмиральскую должность. Мы начинаем собираться. Проходим медосмотры. Серезку, брата моего, родители думают послать в Нахимовское училище. Жаль, что не послали. Он не послушал отца и после 7 классов пошел работать на судоремонтный завод. Торопился стать взрослым и самостоятельным. С отъездом что-то не получилось. По здоровью отца. И мы остались в Таллине. Об этом уже больше помню, а о подробностях, хрущевских военных реформах на флоте и другом распрошу отца позднее. Вот так же. Листая его личное дело. И он ответит.

Я тоже не был особенно послушным. И не всегда прислушивался к советам отца. Но один из них запомнил. Очень хорошо. ...Таллин, 1 июля 1960 года. Солнечный день. Вода в море уже прогрелась градусов до 20-21. Для нас, северян, почти горячая. Мы с Ленкой, парнем с нашего двора, купаемся, загораем на Штротке. Пляже, тогда не оборудованном, на западной окраине Таллина. Недалеко от нашего дома. Название – из немецкого, переводится как течение.

Уже купили билеты на вечерний сеанс в открывшийся сегодня новый, первый в городе широкоформатный кинотеатр «Раху», «мир» по-русски. Он рядом, метрах в четырехстах от пляжа. Решили даже не на спор, а так, из спортивных побуждений, переплыть Коплиский залив. Наискосок. От парка «живых и мертвых», бывшего немецкого кладбища, до пионерского лагеря «Рокка аль маре» на другом берегу. В переводе с итальянского «скалы над морем». Берег там действительно высокий, но не очень. Метров 10. Где-то может и выше. По научному называется глинт (дат. klint – обрыв, уступ) Финского залива. Плыть не больше 2 километров. Да и ветер в ту сторону. Смелчаки, говорят, переплывали.

И мы поплыли. Я – брассом, он – «по-собачьи».

Понятно, что плыву быстрее него. Иногда поджидаю. Из-за волн головы Ленки не всегда видно, и где-то мы потерялись. Плыву долго один. Желанный берег все еще далеко. Решил повернуть назад. Опять долго плыву. Уже против волн. Вода иногда попадает в рот. Говорю себе, конечно, мысленно: «Не раскрывай рот, нахлебаешься». Но все равно воду иногда пропускаю. Плохо, когда она попадает в горло. Надо откашливаться. Берег не приближается. Сообразил, нашел ориентир на выходе из залива. Веху, указывающую фарватер для кораблей. Плыву, поглядывая на нее. Я же умный. Школу только что закончил. С геометрией на «ты». А веха не сдвигается. Так и стоит посередине створа залива. Но это же я не продвигаюсь ни на метр вперед! И тут, как подсказку, как бы слышу слова отца «Сынок, не плыви в отлив к берегу. Многие хорошие пловцы не смогли это сделать». Спасибо, батя. Я слушаюсь в этот раз». Поворачиваю обратно. Доплыл. С большим трудом. Сил почти не оставалось. Уже думал «Да, пропадут билеты в кино, мать будет очень переживать...». В голове мелькают картинки прошедшей жизни. Все такие яркие. Но на душе как-то спокойно. Даже безразлично. Не паникую. Даже тогда, когда судороги схватили ноги. ...Руки двигаются.

Неожиданно наткнулся на затонувшее судно. На какую-то его небольшую проржавевшую часть, поросшую нагревшимися на солнце под тонким слоем воды водорослями. Не описать чувства радости. Прилив сил. Теперь точно доплыву. Да и до берега уже не так далеко. Уже различаю отдельные деревья. И вижу корму другого затонувшего судна. Знакомого. От него до берега метров полтораста. Шаг первый – к кораблю. Метров двести. Может, меньше. Там чуточку передохну. Доплыл. Ленка, надо же, тоже приплывает сюда. Немного позже. На корме мы и встретились с ним. А дальше уже проще. Немного проплыли и пошли чередоваться мели.

По деревянным помосткам-ограждениям плавательного бассейна пионерлагеря прошли на берег. У меня зубы стучат как пулемет. Ноги плохо держат. Пополз как крокодил на солнышко, отлежаться. А Ленке хоть бы что. Он не так трясся от переохлаждения, как я. Может, был поупитанней и посильней. Да и старше на год. Ленка тоже понял, что обратно не доплыть. Отдохнул на моей вехе и от нее снова взял курс на «Рокка аль маре». В кино на 6 часов вечера мы успели. Спасибо тебе, папа.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

XV СЪЕЗД СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Молодые ульяновские поэты приняли участие
в молодёжной программе

С 13 по 14 февраля в Московском государственном институте культуры прошла молодёжная программа XV съезда Союза писателей России, подготовленная Советом молодых литераторов Союза писателей России. В ней приняли участие более семидесяти молодых писателей и поэтов более чем из тридцати регионов России от Калининграда до Камчатки. В состав участников также вошли молодые ульяновские поэты Александр Дашко и Мария Богдан.

Молодёжная программа состояла из семинаров поэзии и прозы под руководством известных писателей из Москвы и других регионов, а также установочных мероприятий совета молодых литераторов. Делегаты из регионов поделились опытом работы с молодыми писателями, рассказали о литературной жизни в регионах, о своих достижениях. Ульяновские поэты Александр Дашко и Мария Богдан также представили проекты по продвижению чтения, реализуемые на территории Ульяновской области («Время читать!», «Литературная филармония»), поделились опытом создания регионального отделения совета молодых литераторов.

По итогам работы семинара поэзии под руководством Нины Александровны Ягодинцевой и Александра Александровича Боброва молодой ульяновский поэт лауреат областной поэтической премии имени Н.Н. Благова Александр Дашко был рекомендован к вступлению в Союз писателей России и был принят в Союз на следующий день на XV съезде в Центральном доме литераторов. Также на съезде

де были приняты в Союз писателей Андрей Проскуряков (Оренбург), Яна Сафронова (Москва), Алена Белоусенко (Москва), Андрей Аристов (Киров) и Григорий Шувалов (Москва).

«Я очень рад, что мне довелось принять участие в этом событии. За два дня работы молодежь из разных уголков страны выработала стратегию развития молодой русской литературы. Эти дни были наполнены общением, яркими встречами, обсуждениями. Мы смогли сделать главное – открыть новую страницу в истории русской литературы, показать, что есть та молодежь, которая верит в духовные ценности, готова сохранять и преумножать лучшие традиции», – поделился впечатлениями Александр Дашко.

«Это действительно очень мощное, масштабное событие, которое помогло объединить молодые творческие силы со всей страны и показало, что у молодой литературы есть духовное единство. Очень символично, что именно в юбилейный год Союза пи-

сателей России в рамках юбилейного съезда прошла молодежная программа. Это говорит о том, что преемственность поколений сохраняется и мы, молодые, идем вслед за нашими старшими товарищами по пути служения литературе», – сказала молодая ульяновская поэтесса Мария Богдан.

XV съезд Союза писателей России заложил надежный фундамент для дальнейшей работы, способствовал укреплению и развитию межрегиональных связей. В данный момент растет и развивается Ульяновское региональное отделение совета молодых литераторов, которое насчитывает в своем составе уже 20 человек. Совсем скоро увидит свет сборник «Новый Венец», который объединил под своей обложкой творчество более пятидесяти молодых ульяновских писателей и поэтов. Планируется провести презентации сборника на Всероссийской книжной ярмарке «Красная площадь» в Москве, в других регионах, в муниципальных образованиях Ульяновской области. Также проходят молодежные литературные мероприятия, семинары.

Открываются новые имена. Ульяновские авторы выезжают в районы области и в другие регионы, выступают, встречаются с читателями, принимают участие в литературных мероприятиях. Активно сотрудничает совет молодых литераторов с другими общественными организациями. Например, совсем недавно прошел вечер, посвященный православной книге совместно с движением «Симбирская православная молодежь».

А главное – деятельность совета молодых литераторов Ульяновской области направлена на создание единого творческого молодежного пространства и сохранение духовных ценностей.

XV съезд Союза писателей России. Участники молодежной программы. Москва, 15 февраля 2018 года.

Артем ГОРШЕНИН родился 7 мая 1989 г. в городе Димитровград, Ульяновская область. С отличием закончил Ульяновский государственный технический университет.

Публиковался в журналах «Мономах» и «Карамзинский сад» (оба – Ульяновск), «Сура» (Пенза), «Невский альманах» и «Аврора» (оба – Санкт-Петербург), «Российский колокол» (Москва).

Лауреат конкурса «Первая роса» (2009 год, Ульяновск), Всероссийского фестиваля им. Лермонтова «Мицери» (2009 год, Пенза-Москва), Международной премии им. Есенина «О, Русь, взмахни крылами!» (2010 год, Москва), Международного литературного конкурса «Большой финал» (2015 год, Москва), Международной премии «Молодой Петербург» (2017 год, Санкт-Петербург).

Участник Литературной универсиады среди студентов Приволжского федерального округа (2011 год, Саранск), Всероссийского литературного форума «Липки» (2011 год, Московская область).

С 2012 года проживает в Санкт-Петербурге, занимается в ЛитО «Молодой Петербург» при Союзе писателей России. По итогам конференции молодых литераторов Северо-Запада рекомендован ко вступлению в СП после выхода книги (готовится к выпуску).

В ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

ПРИМЕТЫ

Гайку огня накручу на резьбу сигареты.
Лязг вдалеке – это трутся о рельсы трамваи.
Запах табачный влечет их. Не верю в приметы,
Но докурить постоянно я не успеваю.
В шурах потертых они, будто старые звери,
Еле ползут, высекая лишь искры из гривы.
Сяду в любой, заплачу. Я в приметы не верю,
Все же надеюсь, что будет билет мой счастливым.
Свет от проспектов чужих на окно мое брызнет,
Или навалится ливень на город всем весом.
Быть суеверным – как думать, что движутся жизни,
Словно трамвай, по кем-то проложенным рельсам.

СВИТЕР

Нашел в шкафу у деда свитер шерстяной,
Он крупной вязки, с воротом высоким.
Надел и вижу: снежное веретено,
Лес и пятно рассвета на востоке.
А рядом дед на лыжах, веки опустив,
Прислушивался к тишины звучанью.
Срываю свитер, голос мамы позади:
«Я тоже очень по нему скучаю».

СПЕКТАКЛЬ

В кастрюле старого театра
Готовил режиссер свой суп.
Ушел он от рецепта автора,
Представив зрителю на суд
Свою идею, повкуснее,
Продуктов изменил состав,
Бульон классический усеял
Узором собственных приправ.
Старался вроде не впустую,
Но зритель после коньяка
Доел спектакль кое-как
И не рекомендует.

БУДИЛЬНИК

Старый механический будильник –
Жук железный, ржавая душа –
В солнечных лучах, как в паутине,
Корчился, отчаянно жужжа.
Много лет стоял незаведенным,
Не влияя ни на чей режим.
Что-то важное сказать ведь он нам
Этим воскрешением решил.
Только вот советских лет посланник
Для каких нас будит важных дел?
Он не в той стране, да и не с нами,
Кажется, увидеться хотел.

ЗАВОД

Рабочий день истек, иссяк.
Как лопнувший графин воды,
Завод разлил своих трудяг
Вокруг себя. И, словно льды,
Его осколки нес поток.
Они в раздумьях, болтовне
О планах, о деталях впрок,
О завтрашнем рабочем дне,
О том, кому кто там родня,
О том, кому вдруг бес в ребро.
Так весь завод с людьми, звеня,
Заплыл в трубопровод метро.

ПЛАНЕРКА

Кричит на планерке директор,
Нередко бывает разгневанным.
Все выглядит так, будто секта
Общается с вызванным демоном.
В нем зла не иссякнут резервы,
И вот, наоравшись до одури,
Потребовал в качестве жертвы,
Чтоб все по субботам работали.
Натягивал нервы так часто,
Что сделал он вам их пружинами.
И вы покоритесь начальству,
Зарплатой давно одержимые.

ПОЕЗД

Над землею рельсом поднят
Скорый поезд,
Сам не свой –
Примеряет, словно модник,
Новый пояс
Часовой.
Чтобы о стране огромной
Знать обширно
Наперед,
Книгой с полки он с перрона
Пассажира
Заберет:
Что не смог постичь на свете
Поезд даже
Через бег,
То с попутчиком в беседе
Перескажет
Человек.

ЛИФТ

Зашел как-то в лифт, возвращаясь домой,
Там дед, первый раз его вижу.
Спросил у него я, мол, вам на какой?
А тот улыбнулся: «Мне выше».
Ну, думаю, что ж, на последний и мне.
Поднялись до самого верха,
Но вышел один я. И дрожь по спине –
Лифт медленно выше поехал.

КРАНОВЩИК

Вторник ранний.
Стройка на окраине.
Ловко заарканив сам себя,
Крановщик повесился на кране,
Выходя за грани бытия.
Не картежник,
Водки не заложник,
Всех дотошней множил этажи.
Отчего ж нарочно сердца поршень
Крановщик остановить решил?
Плачет горько
Ольга – их с любовником
Он застучал. И разрушил в миг
Замок свой воздушный. Снос постройки
Был принять не в силах крановщик.

* * *

Ветер волчьей стаей
Рвет на части тучи.
И туман у зданий
Что капкан паучий.
Думал, что за хлебом
Сбегаю мгновенно
Лишь в трусах семейных
Под плащом нелепым.
Но дороги наши
Под луной свел вечер,
Словно задремавший
Авиадиспетчер.
На меня глядела
Не без отвращенья,
Будто бы в плаще я
На нагое тело.

Ей кричу, пытаясь
Объяснить все быстро:
«Не являюсь я экс-
гибиционистом!».
Поступлю умнее,
Убедив в обратном.
Распахнуть лишь надо
Плащ свой перед нею.
Только розой алой
Раскрываться начал,
В обморок упала,
Усложнив задачу.
В дом к себе занес и
Привязал к кровати,
Чтобы рассказать ей,
Что не псих я вовсе.

* * *

Я люблю быть рядом, когда ты спишь,
Ранним утром, пока не проснулся город.
А дождь проверяет прочность крыш,
И от этого неподкупного ревизора
Весь Петербург будет влажен и рыж.
Ты лежишь так естественна, так чиста.
Не тревожат ни ветер, что кроны, дурачась,
Колышет, ни гром, даже он опоздал –
Я твой сон за закрытыми окнами прячу,
Словно в серванте фамильный хрусталь.

* * *

Нежно шею мне зажав
Утром в теплые тиски,
Отделяет желтый шарф
От мороза и тоски.
Кто-то скажет: «Март жесток,
Выйти из дому нельзя» –
Как упрямый я росток
Над асфальтом задался.
Солнце льет пьянящий свет
В улиц ледяной бокал.
Пальцев смерзшихся букет
Я в карман упаковал
И, прищурясь, не иду –
Мчусь ордынцем на коне –
В самый женский день в году
Есть кого поздравить мне.

ЧЕРТОВО КОЛЕСО

Я на чертово сел колесо
Вместе с нею, хотелось нам взглядом
Гладить, словно рукой, горизонт,
Насладиться рождением заката
И на город взглянуть сверху вниз,
Там же сделать хотел предложенье.
Но поднять не успел механизм
Нас наверх, а ругался уже я
С ней на чертовом том колесе:
Слезы, крики, и вот уж на нитке
Весь любовный союз наш висел,
Как висели мы сами в кабинке.
Был разрыв этот глупым, как сон,
Как кошмар, что навечно запомню.
Шел, сжимая в кармане кольцо,
Будто чертово то колесо
Забирая на память с собою.

* * *

Огромная туча глядит исподлобья,
 К пивной начинаю опять марш-бросок:
 Недавно отдал нашей Родине долг я,
 Но чувства к тебе там оставить не смог.
 Рядами стоящие лысые липы
 С немой обреченностью призывников
 Следили потом, как с дождем вместе выпал
 К парадной твоей после трех кабаков.
 Не смея зайти, у плывущих по стенам
 Медуз объявлений рвал щупальца цифр,
 И под козырьком ждал, когда постепенно
 Уменьшится капель калибр.

* * *

Ночь выкурена, выпита,
 Измята, не запомнена.
 Луна висит, какими-то
 Печальями наполнена.
 Рассыпана под окнами
 Бульварными газетами
 Листва. Плыву холодными
 Пустынными проспектами
 До своего причала я.
 Почти по-человечески
 Крича, ворона старая
 Все мысли мои вдребезги
 Разбила. Я, очнувшийся,
 Застыв по-бестолковому,
 По сторонам стал в ужасе
 Вертеть хмельную голову:
 Опять пришел нечаянно
 Под утро неуклюжее
 Я к дому, где жила она,
 Не будучи замужня.

СОСЕД

Глупому внуку квартира завещана.
 Стал он в ней жить и, почувствовав власть,
 Продал все вещи, лупил свою женщину,
 В доме складировал мусор и грязь.
 Робко смотря за порог, жил он в статике,
 Круглыми сутками будучи пьян.
 Так же для наших соседей в галактике
 Выглядит мир землян.

* * *

Старый космос в щетине звезд,
 Бесконечный немой театр.
 Скоро год, как сгорел реактор –
 Мой единственный к дому мост.
 И ждать помощи смысла нет:
 Если зов мой услышат люди
 И корабль сюда прибудет,
 Мне исполнится триста лет.
 И дрейфующий в пустоте,
 Будто по морю мертвой рыбой,
 Размышлял: если б вновь был выбор,
 Я б садовником стать хотел.

* * *

Пусть телескопы, словно монстры,
 Ночами тычут в космос рыла,
 Наш поцелуй – мое знакомство
 С теорией большого взрыва.
 Растет вселенная в объеме
 В то время, что проводим вместе,
 Любой букет, пусть мал и скромн,
 Влечет рождение созвездий.
 Те дни, когда, дела оставив,
 Не вылезает из кровати,
 Не исчезают без следа и
 Влекут рождение галактик.
 И пусть очередная ссора
 Дырою черной смотрит грозно –
 Ее опасность иллюзорна –
 Несокрушим уже наш космос.

ДРУГ

Что ж ты ночью летней, душной
 Смотришь в глотку звездной бездне
 С крыши дома? Друг, послушай,
 Ведь не встретиться тебе с ней!
 Долететь к звезде ближайшей
 Десяти не хватит жизней.
 Ни к чему слать экипажи
 В эту тьму. Друг, завяжи с ней!
 В нашем мире в моде войны,
 Служба в храмах, книги древних.
 Верой в скорый рай довольны,
 А пришельцев нет. Не верь в них!
 К небу вновь глаза поднимет
 Друг и молча улыбнется.
 Россыпь звездная над ними –
 Где-то там и наше Солнце.

* * *

Человек в параллельной вселенной
 Произошел от рыб.
 И, трудясь на заводе две смены,
 Хвост о станок ушиб.
 До больницы доплыл он, хромая,
 Срочный хотел рентген.
 Медсестрыба кивала немая,
 Деньги прося взамен.
 Человек в параллельной вселенной
 Произошел от птиц.
 И актером был с ролью отменной –
 Гамлет он, датский принц.
 Поражен был его игрой зритель –
 Больше пяти минут,
 На серебряных жердочках сидя,
 Крылоплескал ему.
 Человек в параллельной вселенной
 В шутку предположил:
 «У людей в другом мире, наверно,
 Предок приматом был».

Алина ОСОКИНА, молодой писатель, окончила исторический факультет УлГПУ им. И.Н. Ульянова, дипломант конкурса «Первая роса». Работает в Ульяновской областной научной библиотеке им. Ленина.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТ

рассказ

Единственное, что роднило город П. с Парижем – так это то, что в августе там часто шли дожди. Вот и сегодня с самого утра небо заволочило тучами, а к обеду разразился страшный ливень, превративший улицы города в бушующие реки. В такую погоду, говорят, хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. А что делать самому хозяину, если нужно ехать на другой конец города за лекарством для любимого питомца? Только брать зонт и штурмовать переполненный душный троллейбус, в котором пассажиры толкаются, ругаются и обливают друг друга водой, скопившейся в зонтах.

В центре большинство пассажиров вывалило наружу и разбежалось по своим делам. Дышать стало легче. Мужчина пятидесяти лет наконец-то уселся на свободное сидение.

– Черт возьми, что за корова здесь сидела? – выругался он и вскочил с места, отряхивая воду с брюк. – Не погода, а черти что.

Он выбрал другое, более сухое место, и сел там, что-то бормоча под нос.

– Проезд оплачиваем, – сказала ему круглолицая кондуктор.

– За что платить-то? – ворчал мужчина, доставая деньги из внутреннего кармана. – Сервиса никакого: сиденья мокрые, душно, сыро, еще какая-то овца на меня зонтом своим тряханула, так теперь ноги все мокрые.

– Ну не ворчите, это же не от нас зависит, – без злости ответила кондуктор и добродушно улыбнулась.

Ей-то легко, она сидит целый день возле печки, так пройдет пару раз, деньги соберет и все. Вот бы ее сейчас на улицу да без зонта.

Мужчина насыпал в ладонь кондуктора мелочь, как будто милостыню подал. Женщина внимательно пересчитала деньги.

– А меньше не нашлось? – улыбнулась она.

– Нет, – буркнул пассажир. – По закону вы деньги любым номиналом должны принимать.

– Какой вы, – женщина построила гримасу и протянула ему билет. – Повезло вам, счастливый билет достался.

– Что это значит?

– Если сумма первых трех цифр совпадает с суммой трех последних, значит билет счастливый. Вот смотрите: три плюс один и плюс семь – равно одиннадцать, а тут девять плюс два и ноль – тоже одиннадцать.

– И что мне с этим делать?

– Можете съесть.

– Зачем это?

– Чтобы повезло.

– Глупость какая-то. Какое уж тут везение: льет, как из ведра. А мне еще домой возвращаться.

– Ну что вы ворчите. Дождик пройдет и при-

рода как будто умоется, трава зазеленеет. Все будет хорошо.

– Вам-то хорошо, вам идти куда не надо, а мне вот выходить на остановке.

Мужчина встал с места и подошел к открывающейся двери.

– Эй, а не мог бы поближе к остановке подъехать, я тебе в лужу что ли выходить должен, – крикнул он водителю.

– Я тебе не такси, – крикнул из кабины водитель в ответ.

– Какой же вы все-таки нудный, – подхватила кондуктор, – как вас только жена терпит.

– Я вдовец, – отрезал мужчина, и оттолкнувшись от подножки троллейбуса одним махом преодолел лужу и оказался на тротуаре.

Уже не мальчик, чтобы такие упражнения делать. И зачем он соврал этой тетке, что вдовец, он и женатый никогда не был. Скажешь, что нет жены, подумают, что никакая не пошла за него, скажешь, что разведен, подумают, что никакая не выдержала противного характера. А вдовец – самое то, еще пожалеют, глядишь.

За пятьдесят лет жизни Николай был влюблен лишь дважды. Первый раз в школе в главную красавицу класса, за которой бегали все пацаны, и которая вышла замуж в восемнадцать лет и раздалась, как бочка, после родов. Второй раз это случилось в армии. Николай влюбился в местную медсестру – дородную блондинку с пышной грудью. Он даже делал нелепые попытки ухаживать за ней: подсовывал под дверь букетик полевых цветов или оставлял, как бы случайно, кулек конфет, которые присылали родители. Но только попытки не увенчались успехом, медсестра вышла замуж за офицера и уехала с ним в другую часть.

Больше Николай отношений с женщинами не имел. Всю жизнь мотался по казармам, какая женщина это выдержит? Им ведь комфорт нужен: занавески, мебель, наряды. Ладно бы еще офицер был, а так прапорщик простой, и внешность у него самая обычная, для женщин непривлекательная. Детей он никогда не хотел, сама мысль о детях приводила его в неопишемый ужас. Да и посмотрелся он на разные неудачные браки: расходятся, потом те же занавески, мебель, детей делают. Ну их, женщин этих. Одному вроде как спокойней.

Недавно вышел на пенсию, вернулся в родной город в родительскую квартиру, нашел подработку на складе. Вместе с квартирой от родителей досталась старая такса Тайсон (это Николай им лет пятнадцать назад подарил). Вроде с ней и не так одиноко, собаки ведь умнее людей, особенно женщин.

В последнее время Тайсон стал сильно болеть, шерсть лезла, ел плохо. Таскать по ветеринарам было жалко, да и ломили они такие цены, что новую собаку было легче завести, чем старую вылечить. В интернете нашел лекарство, которое должно было помочь

таксе, но продавалось оно, как назло, только в одном зоомагазине. Пришлось за ним тащиться через весь город под дождем.

Николай сунул ленивой продавщице – девчонке лет восемнадцати с розовыми волосами – бумажку с названием лекарства.

– Кончилось прямо перед вами, – озвучила приговор продавщица.

– Как кончилось? – возмутился Николай. – Я под проливным дождем тащился через весь город.

– Ну а я что сделаю? – невозмутимо ответила девчонка. – Новый завоз через неделю будет. А что с вашим песиком?

Николай объяснил.

– Ну это от старости, – заключила продавщица. – Что вы хотите, таксы так долго не живут.

– Что вы понимаете? Вот своих собак заведите сначала, – огрызнулся Николай и вышел из магазина.

Снова дождь, троллейбус, мокрые зонты, лужи. Весь путь оказался напрасным. Вот бы взглянуть на ту тварь, которая у него из-под носа это дурацкое лекарство увела!

Елена зашла в тот же зоомагазин всего лишь на полчаса раньше Николая.

– Вам повезло: последний пузырек остался, – сказала продавщица и протянула ей заветное лекарство.

Елена брала не для себя, подруга попросила. С ее-то лабрадором Джоником все было в полном порядке.

Елена была еще довольно молодой и привлекательной женщиной, всего-то тридцать семь лет. Правда, в последнее время пришлось активно красить волосы, чтобы скрыть седину. Последний раз подруга превратила ее в блондинку. «Чтобы мужчинам нравится», – заверила она. Елена только усмехнулась: какие уж мужчины. Была она замужем. В двадцать лет молоденькой, хорошенькой медсестрой выскочила за молодого доктора, красивого, высокого, с большими сильными руками, в которых он сжимал ее, как маленькую девочку. Через три года родился Максим, и она постепенно превратилась из Леночки в Елену, которая с тяжелыми сумками возвращалась с работы домой, которой уступали место в троллейбусе и с которой здоровались подростки возле подъезда. Молоденькие медсестры появлялись в больнице каждый год, а Елена с каждым годом становилась старше, молодость и свежесть стремительно покидали ее на прощание слегка махнув рукой в благодарность за совместно прожитые годы. Муж через несколько лет охладил к ней и ушел из семьи, забрав с собой общего любимца – белого лабрадора Чарли. Такое Елена простить не смогла и кинула напоследок: «Больше не возвращайся, мне от тебя ничего не нужно». Муж больше и не появлялся.

Зарплаты медсестры на двоих не хватало, подруга уговорила ее бросить медицину и заняться ремонтом квартир. Руки у Елены были золотые и легкие, она быстро научилась штукатурить стены, клеить обои, красить и стала самым востребованным мастером в городе, заказы у нее были расписаны на несколько месяцев вперед.

Когда Максим подрос, она завела белого лабрадора, отчасти в память о Чарли, а больше для того, чтобы хоть кто-то ждал ее дома. Максиму ведь было уже четырнадцать, еще несколько лет, и он уедет навсегда. С кем она тогда останется? Только на Джоника вся надежда.

Обычно все собачники знают друг друга, но Елена с Николаем были незнакомы, хоть и жили в одном дворе. Просто Елена гуляла с Джоником либо рано утром перед работой, либо поздно вечером после работы. Николай с Тайсоном в это время спали.

Можно всю жизнь прожить в одном дворе и ни разу не встретиться. Так бы и произошло, если бы не случай.

Через пару дней от ливня не осталось и следа. Природа расцвела новыми красками и приглашала выйти на улицу. У Елены как раз выдался неожиданный выходной, и она вывела Джоника на утреннюю прогулку позже обычного. В это же время Николай гулял с Тайсоном. Радостный лабрадор, наконец-то вырвавшийся на свободу, начал носиться по двору, вдруг он заметил вяло семенящую таксу и ринулся к ней. Любопытный хозяин готов поклясться, что его пес не может сделать ничего дурного. Вот и Елена была уверена, что Джоник крутится вокруг чужого пса исключительно из любопытства. Но хозяин таксы ее уверенности не разделял.

– Уберите своего кобеля, – истошно заорал он на Елену.

– Джоник, отстань, – позвала Елена любимца, пытаясь посадить его на поводок.

Но лабрадор не желал слушаться и продолжал навязчиво знакомиться с таксой.

– Фу, Джоник, – продолжала Елена, оттаскивая собаку.

– Вы как вообще додумались такую большую собаку без поводка и намордника на улицу вывести, здесь же дети в конце концов, – не унимался Николай.

– Мой пес совсем безобидный, он никому ничего сделать плохого не может.

– Все так говорят, а потом эти безобидные псы людей кусают.

– У вас у самого такса без намордника.

– Так у меня маленькая собака, она даже за палец укусить не может, не то что ваш волкодав.

Джоник, словно обидевшись на слова Николая, начал отчаянно лаять.

– Уймите своего пса, – сказал Николай. – Правду говорят, что хозяева похожи на своих собак. Лаеете так же, как ваш лабрадор.

А вы, а вы... – Елена пыталась подобрать слова, но только задыхалась от слез, подступивших к горлу. – Хам, – наконец выпалила она и потянула Джоника в сторону дома.

– Истеричка и дура, – крикнул ей в вдогонку Николай и тоже потащил своего пса домой.

Как вообще можно доверять этим женщинам собак, они же ничего не смыслят в воспитании. Вот мужчина враз бы приструнил этого лабрадора, а эта ненормальная только разбаловала пса, ничего хорошего из него теперь не выйдет.

Войдя в подъезд, Николай взял Тайсона на руки, как младенца. Три этажа без лифта ему уже не одолеть. Оказавшись дома, пес забрался на любимую лежанку и уснул. Вечером он умер.

На следующий день Николай зарыл тело Тайсона в лесу. Так с друзьями не поступают, но куда деваться, если еще не придумали настоящих кладбищ для животных. А все эта дура с ее глупым лабрадором напугали Тайсона до смерти. Что-то сжалось в груди Николая и мешало дышать. Надо бы сходить к врачу.

Теперь Николай остался совсем один. Ни одной

живой души не было рядом: ни родителей, ни друзей, ни Тайсона. Пустота и тишина заполнили его квартиру. Лишь изредка сверху раздавалось визгливое тьявкание той-пуделя.

Где он возьмет новую собаку с такими же умными глазами, как у Тайсона, который будет так же понимающе смотреть на него. И все-таки собаки лучше людей, они умеют слушать и не лезут со своими советами.

Николай стал часто у окна наблюдать, как соседи гуляют со своими собаками. Счастливые. Их собаки могут носиться по двору, весело лаять и играть. А его Тайсон навсегда уснул под старой липой.

Больше Николай не видел эту сумасшедшую женщину с лабрадором. Интересно, куда она подевалась? Может, одумалась все-таки и стала водить пса в другое место, подальше от людей и нормальных собак.

Через неделю лабрадор снова появился во дворе, но выгуливала его не женщина, а подросток, видимо, сын. Однако его команды пес тоже не спешил выполнять. Вот что значит женское воспитание.

Однажды Николай все-таки не удержался и спросил у соседки бабы Маши:

– Вы не знаете, где эта странная блондинка с белым лабрадором? Она гуляет здесь иногда.

– Ты про Елену что ли? – ответила та, подозрительно прищурился глаза.

– У нее лабрадор такой, дикий совсем.

– Ну точно Елена, я всех собачатников в округе знаю, у нее одной белый лабрадор. Ему год только, щенок совсем.

– Ничего себе щенок, здоровенный такой.

– Порода такая, не то что ваш Тайсон, упокой Господи его душу.

– Баба Маша набожно перекрестилась.

– Так зачем тебе Елена-то? – живо заинтересовалась она.

– Просто, – пожал плечами Николай. – Давно не видно ее.

– Ой, с ней беда приключилась. Она на стройке со стремянки упала, ногу сломала, теперь в больнице лежит. А сын у нее несовершеннолетний один остался. Как еще социальные службы про это не пронюхали и не забрали его в приют. По телевизору такие ужасы рассказывают...

– А где она живет? – перебил ее Николай.

– Да вон в соседнем доме, в сорок первой квартире, – баба Маша указала на окно с розовыми занавесками.

– Спасибо.

И зачем только он спросил? Как будто он пойдет домой к этой психопатке. Какое ему вообще дело до нее.

Весь вечер Николай смотрел на окно с розовыми занавесками. Только женщина могла до этого додуматься. Розовые занавески. Какая гадость. Ну точно блондинка, хоть и крашенная.

Свет в окне не горел.

Может, сына уже забрали социальные службы? Ну и пусть, может, там ему даже лучше будет. А с собакой что будет? Ее куда? В приют или на живодерню? Собака хоть и дурная, но жалко ее, живая душа все-таки.

Утром ноги сами понесли Николая в квартиру Елены. Звонок не работал, пришлось стучать в дверь. В глубине квартиры послышался собачий лай. Ну не могли же они собаку одну оставить?

После настойчивого стука дверь отворилась. На пороге появился заспанный подросток.

– Вам кого? – пробасил он, с трудом пытаясь узнать гостя.

– Э, я это, а мамка где? – спросил Николай.

– В больнице. Вам зачем она?

Что мог ответить Николай? Он и сам слабо понимал, зачем стал интересоваться посторонней женщиной, зачем пришел к ней в квартиру?

А, вы из соседнего дома, у вас еще такса смешная, – наконец-то узнал его Максим.

– Была такса, – с чувством глубокой скорби произнес Николай.

– А-а-а, – понимающе протянул Максим. – Вы ходите, – он жестом пригласил соседа войти.

В квартире царил полнейший бардак. Не понятно, что было причиной его появления: отсутствие Елены или присутствие Джоника, который носился по квартире.

– А у вас жена есть или дети? – спросил Максим, поставив чайник на кухне.

Николай покачал головой.

– Тогда вам нужно завести собаку, чтобы не было так грустно. Мы с мамой собрались Джоника на случай отдать, там с нами щенком расплатятся, и мы вам подарим.

– Зачем мне лабрадор? – Николай скривился от одной мысли, что в его квартире поселится вечно лающий пес с моторчиком вместо сердца. Нет, такого счастья ему не надо.

– Да ладно вам, лабрадоры они классные, только лезут куда ни попади. Да, Джоник?

Максим поймал пса и сжал его в объятиях.

Взгляд Николая случайно упал на гору грязной посуды в раковине. Он хоть и был мужчиной, но бардак в доме не терпел.

– Это что еще такое? – он кивнул в сторону посуды.

– А, – махнул рукой Максим. – Некогда. Давай лучше чай пить, дядь Коль.

Впервые кто-то назвал его дядей. Как это странно звучит. Любому другому он ответил бы: «Какой я тебе дядя, щенок». А Максиму не сказал, больше того он подружился с этим мальчишкой и с псом его. Этот чертенок и вправду оказался забавным.

Выяснилось, что Максим после школы собирался поступать в военно-медицинскую академию. В химии и биологии Николай мало что понимал, а вот в военной подготовке он был асом – столько новобранцев через него прошло. Максим не очень-то слушался его, находя кучу отговорок, чтобы ничего не делать. Но убраться в квартире Николай его все-таки заставил. С ума можно сойти с этими подростками. С солдатами и то проще, а с собаками тем более. Они-то умнее людей, даже Джоник иногда смотрел на него такими же понимающими глазами, как Тайсон.

Как-то раз Максим зашел к Николаю домой после уроков, он скинул рюкзак в коридоре, по-хозяйски сунул нос в кастрюлю на плите, налил себе воды и сообщил новость:

– Дядь Коль, тебя в школу вызывают.

Николай так и опустился на стул с поварешкой в одной руке и крышкой от кастрюли в другой.

– А почему меня? – спросил он.

– Ну я им наврал, что типа с отцом сейчас живу, вот директриса хочет познакомиться. Они моего

батю никогда не видели, ты же подыграешь?

– В смысле?

– Ну изобразишь, типа ты папка мой. Чо тебе стоит?

Николай сглотнул. Даже мысль о мнимом отцовстве доводила его до дрожи в коленях. И как этому паршивцу удалось его уговорить?

На следующий день Николай прямой, как струна, сидел в кабинете директрисы. Вместо старой гримзы, какой он ее себе представлял, перед ним сидела довольно молодая и привлекательная женщина с высокой прической, в строгом костюме и с школьным значком на лацкане пиджака. Такая отличница, которая всегда и везде должна быть первой. Пришла лет восемь назад в школу молодым специалистом, и с тех пор уверенно двигалась вверх по карьерной лестнице: сначала учитель первой категории, затем высшей, потом завуч и наконец директор.

– Мне очень приятно познакомиться с папой Максима, – начала директриса. – Мы узнали, что его мама находится сейчас в очень затруднительном положении. Она, как вам сказать, не может содержать в данный момент ребенка, у нее ведь заработок неофициальный. Мы будем вынуждены принять меры.

– Что это за меры такие? – переспросил Николай, повышая голос. – Это приют что ли? При живом-то отце!

– Ох нет, я совсем не то хотела сказать, – начала оправдываться директриса, но Николая уже было не остановить.

– Вы что меня с сыном хотите разлучить? – чужие слова жгли горло. – Семью разрушить хотите? Может, для меня это единственный шанс жену бывшую вернуть. Семью, так сказать, восстановить. А вы говорите: меры принять. Я что сына не смогу сам вырастить?

И где только Николай нахватался этих слов? Из телевизора что ли. Но они приятно согревали.

– Нет что вы, я совсем не то имела в виду, – продолжала директриса. – Я буду только рада, если вы вернетесь в семью.

Вот так-то, – праздновал победу Николай. – Вы лучше за успеваемостью следите, а между собой мы как-нибудь разберемся.

Кажется, отличница впервые потерпела поражение.

Николай вышел из ее кабинета.

– Дядь Коль, девятка за артистизм, – сказал Максим, который все это время подслушивал под дверью.

Знал бы, дьяволенок, как тяжело ему далась эта девятка.

– Теперь к мамке в больницу поехали, – скомандовал Максим.

– Зачем?

– Она с тобой познакомиться хочет, я ей все про тебя рассказал.

Николай совсем не собирался навещать эту сумасшедшую блондинку, и с сыном ее возиться больше не хотел, ну разве что с Джоником он согласился бы погулять – и все. Но вот опять помимо своей воли он трясся в троллейбусе, который шел до городской больницы.

Елена встретила их в больничном скверике. Она сидела на скамейке, рядом лежали костыли. Максим обнял ее и протянул пакет с фруктами.

Это дядя Коля тебе купил, – подросток кивнул в его сторону.

Здравствуйте, – Елена приветливо кивнула.

Николай кивнул в ответ.

Максим, отнеси пожалуйста пакет в палату, – попросила Елена. Когда тот удалился, она продолжила, – вы меня простите за тот случай во дворе. Джоник правда ужасно невоспитанный, мне совершенно некогда с ним заниматься. Я все время работаю. Максим сказал, что ваша такса умерла, я ужасно сожалею. Знаете, когда муж забрал у меня Чарлика, нашу собаку, я ужасно скучала по нему. Лучше бы он квартиру забрал, чем собаку. Вы знаете, Максим через три года уедет от меня, я ведь совсем одна останусь, а тут хотя бы Джоник, он ведь совсем как ребенок. Ой, простите я так много болтаю.

Николай ненавидел пустые женские разговоры. Они его ужасно утомляли. Но Елену он слушал, и слушал внимательно, и готов был согласиться с каждым ее словом. А еще она была красивой, в прошлый раз он этого как-то не заметил. И почему муж ее бросил? Видно же, что баба нормальная: непьющая, негулящая, работающая, сына и собак любит, не стерва и не дура, в конце концов.

– Меня выписывают завтра, – продолжала Елена. – А гипс еще только через месяц снимут, говорят, перелом сложный. Потом ногу надо будет разрабатывать. Понятия не имею, как мы с Максимом жить все это время будем. У меня ведь заработка не будет, а сбережения все наши тают на глазах. Я ведь Максиму на поступление в институт копила.

– Не переживайте, я вам помогу, – ответил Николай и покраснел как школьник.

– Вы? – брови Елены поползли вверх.

– Ну да, у меня пенсия, работа, еще подработку какую-нибудь найду. Могу собак дрессировать, я даже с вашим Джоником справляюсь.

– Но ведь мы вам никто.

– Как это никто? Максим мне щенка обещал от Джоника, так что мы с вами будем, как это, сватьями или кумовьями.

– Елена рассмеялась.

– Тогда точно, вы нам родной человек.

Николай впервые за много лет улыбнулся. Впервые ему что-то хотелось сделать ради другого человека. Впервые ему хотелось, чтобы женщина рядом с ним была счастлива.

На следующий день, как назло, с самого утра зарядил дождь. Снова прохожие достали зонты и резиновые сапоги. Николай тщетно пытался вызвать такси, которые прятались от стихии, как мыши, по норам. Пришлось брать Елену на руки и нести ее, как хрустальную вазу, до остановки. Впервые он был так близок с женщиной, ее руки обхватывали его шею, волосы касались щек. Кажется, он слышал стук ее сердца.

Николай занес Елену в троллейбус и усадил на удобное место. К ним подошла круглолицая кондуктор. Николай протянул ей купюру, та отсчитала сдачу и протянула ему билет.

– Повезло вам: счастливый билет достался, – сказала кондуктор и подмигнула ему.

Николай взглянул на билет. Три плюс два и плюс семь – равно двенадцать, семь плюс восемь и один – равно шестнадцать. Не совпадает. И на другом билете тоже самое. Что же она все-таки имела в виду?

Гала УЗРЮТОВА – поэт, прозаик, драматург, постоянный автор журнала «Симбирск».

Часто Галу представляют читателям именно как молодого писателя. А тем временем давно сложилась настоящая зрелая творческая личность, со своим собственным особенным взглядом на мир.

Читка нескольких пьес Галы Узрютовой состоялась на различных российских драматургических конкурсах. Ее пьеса «Утка смотрит» опубликована в сборнике «Лучшие пьесы» (Москва, 2016 год). Радостно, что и ульяновская театральная публика узнала Галу Узрютову как драматурга.

Сайт Галы Узрютовой <http://galauzryutova.wixsite.com/galauzryutova>.

Кира БЮРОВА

ЧИТКА ПЬЕСЫ ГАЛЫ УЗРЮТОВОЙ «ЖУЖЕЛ»

Специальная программа
фестиваля «Лицедей-2018»

24 марта 2018 года в Ульяновском драматическом театре имени И.А. Гончарова прошло мероприятие специальной программы XII Фестиваля театров Ульяновской области «Лицедей-2018» – читка пьесы Галы Узрютовой «Жужел».

В состав жюри «Лицедея-2018» вошла драматург, поэт и прозаик Гала Узрютова – обладатель поэтической премии имени Н. Благова, лауреат и победитель российских драматургических конкурсов «Любимовка», «Баденвайлер», «Действующие лица», «Евразия», «Волошинский конкурс» и других, прозаик, чьи произведения переведены на ряд европейских языков. Гости фестиваля получили уникальную возможность ближе познакомиться с творчеством ульяновского драматурга и пообщаться с автором на читке пьесы «Жужел».

«Читка – популярный способ представления пьесы, – рассказывает заслуженный артист России Виктор Чукин, читавший текст автора. – Сегодня именно читки собирают самых активных ценителей театра. Я вижу в этом некоторую преемственность: в прошлом был очень популярен жанр радиотеатра, я и сам принимал участие в записи нескольких радиоспектаклей. Это особенный жанр, который дает волю фантазии и дарит актеру удивительные открытия. Читка предоставляет зрителю ту же свободу, это встреча текста и слушателя прежде всего».

«Жужел» – имя улья и особенного «бродячего» пчелиного роя, который в нем живет. «Жужел» дорог хозяину – пенсионеру Василию (его в читке представил заслуженный артист Украины Андрей Бориславский) – но герой не успевает выставить пчел весной на пасеку, потому что не возвращается из больницы после операции. Последнее желание отца исполняют дочь Ольга (Надежда Иванова) и жена Анна (заслуженная артистка России Елена Шубенкина). В такую незамысловатую канву вплетены близкие каждому, кто сталкивался с утратой, мысли о вовремя произнесенных словах любви, о быстротечности времени. Несомненный поэтический дар драматурга заметен в тексте пьесы: в ее выверенной композиции, развернутых, образных ремарках, запоминающихся сценах. Особый колорит читке придали яркие второстепенные персонажи, воплощенные артистами драматического театра: гиперобщительная жена пациента больницы Фая (заслуженный работник культуры Ульяновской области Фарид Каримов), доброжелательный бомж Коля (Максим Варламов), Медсестра с набором баек о больничных «ангелах» (Дарья Долма-

това), строгий Врач (Денис Бухалов).

«Все получилось просто здорово. Для пьесы это первая читка, и я волновалась больше обычного, тем более в родном городе чувствуешь себя более ответственной за текст, когда дело касается событий, здесь происходивших. Не ожидала, что реакция зрителя будет столь эмоциональной, многие плакали, и в этом, конечно, заслуга артистов, которые очень чутко прочитали текст. Еще раз большое спасибо театру и актерам за читку, я тронута», – поделилась впечатлениями автор пьесы «Жужел» Гала Узрютова.

Среди слушателей читки были еще два члена жюри «Лицедея»: Ольга Шейпак, писатель, лауреат премии имени И.А. Гончарова, председатель Ульяновской писательской организации, и Павел Андреев, менеджер дирекции программ «Ульяновск – креативный город ЮНЕСКО». Ольга Шейпак выразила надежду, что пьеса когда-нибудь найдет своего чуткого режиссера и будет поставлена на одной из сцен Ульяновской области или обретет своего слушателя в формате аудиоспекаткля.

Ирек ГАТАУЛИН

ЯБЛОКИ РАЗДОРА

Глава 1

Давно это было. Жила в одной деревне девочка по имени Настя-Краса-длинная коса. Были у Настеньки два младших братика – близнецы Ванечка и Илюшенька. Жили они поживали с родителями и горя не знали.

Однажды уехали отец с матерью на три дня в город на рынок торговать. За старшую оставили Настеньку и наказали ей следить за домом и братьями младшими.

– Чужих, доченька, не пускай и воли младшим не давай, – наставляли ее отец с матерью.

Уехали рано поутру родители. Выглянуло красное солнышко из-за леса. Настенька в доме прибралась, поставила горшок с кашей в печь вариться.

Глянула она в окошко, смотрит – стоит пыль столбом. Скачет по дороге на коне добрый молодец – богатырь. Остановил он коня возле их ворот, стучится.

Выглянула Настенька в окошко.

– Не дашь ли водицы испить, красавица? – попросил ее добрый молодец.

Вынесла ему полный ковш холодной воды Настенька, а сама глаз с него не сводит.

– Спасибо тебе, красавица. Поскакал я дальше. На обратной дороге напоишь меня, краса ненаглядная?

– Конечно, напою, – ответила ему Настенька и покраснела от смущения.

– Тогда обязательно в полдень загляну к тебе. Жди меня! – крикнул молодец и вскочил на коня.

– Я буду ждать, – улыбнулась ему вслед Настенька, а у самой сердце екнуло от счастья.

Выглянули из ворот братья младшие, Ванечка с Илюшенькой, любятися резвым конем и мечом обоюдоострым, что висит в ножнах на поясе у богатыря.

Умчался добрый молодец. Заперла ворота Настенька и позвала братьев в дом.

Глава 2

Деревня, где жила Настенька, раскинулась на берегу речки. За речкой лес большой, темный. Много страшного рассказывали люди про тот лес и про нечистую силу, что там водилась. А народ жил да посмеивался, в лес ходить не боялся – и стар, и млад собирали грибы и ягоды на зиму.

В самой гуще леса стояла избушка, да не простая, а на курьих ножках. И жила в той избушке настоящая Баба-яга.

Заглянула к ней в гости ее давняя подруга – старая Ведьма. Пригласила ее Баба-яга к себе в дом на курьих ножках, за стол усадила.

– Леший и тот перестал ко мне в гости заходить, – жаловалась ей Баба-яга на свою непутевую жизнь. – Змей Горыныч улетел за лучшей жизнью в заморские страны и носу не кажет в наши края.

Баба-яга протерла рукавом пыль со стола.

– А как Кощеюшка наш поживает? – спросила ее Ведьма.

– Кощей Бессмертный, – тяжело вздохнула Баба-яга, – разбогател. Че ему тепереча тут делать? Породнился изверг с заморским джином. Говорят, женился на его дочери.

Баба-яга подняла с пола ухват и поставила возле печи.

– Не взял меня тогда Кощей в жены, – не выдержала, утерла концом платка она выступившие слезы. – Так я и осталась одна из-за него в старых девах. Коротая теперь здесь свой век. Скукота! Угостить тебя, свою лучшую подругу, и то вот нечем.

– А вон яблоки растут на яблоне, – указала в окошко на дерево посреди болота Ведьма. – Еще земляника не поспела, а у тебя уже яблоки созрели.

– Ты что, милая! – остановила ее Баба-яга. – Это яблоки раздора. Они круглый год растут – и зимой, и летом. Стоит тебе надкусить, сразу со мной в ссоре будешь. Их каждому сорвать хочется. А кто жаден и зол, тот вообще устоять не может.

– Хорошо хоть сказала, – подметила Ведьма. – А пару яблок я все-таки сорву. Может, и сгодятся в хозяйстве. Угощу кого-нибудь. А надолго их хватает? – поинтересовалась она у Бабы-яги.

– На одну хорошую ссору наверняка хватит, – ответила та. – У кое-кого и поболее.

Сорвала Ведьма два яблока и сунула в карман.

– Опять придется в котле траву болотную и мох варить! – сокрушалась Баба-яга. – Страсть как надоела эта зелень. Мясца бы попробовать, свежатинки молодой!

– А чего не попробовать?! Дай я тряхну стариной, – предложила Ведьма. – Принесу тебе чего-нибудь на обед. Только метлу свою одолжи, а то моя уже старая, того гляди рассыплется.

Села Ведьма на метлу.

– Ставь, старая, котел на огонь. Я мигом! – крикнула она и улетела.

Глава 3

Прилетела Ведьма к краю леса. Спрятала метлу и к первому же дому подалась.

Смотрит Настенька в окошко. Стучится в их ворота старушка в черном. Собака извелась, лает, рвется с цепи, чует недоброе.

Открыла Настенька окошко. Спросила ее, чем помочь, что старой надобно от нее.

– Водицы бы дала испить, красавица, – попросила девочку старушка.

Глянула на старушку Настенька, аж похолодело у нее все внутри. Никогда девочка не встречала такого

злого взгляда. У них в деревне у всех старых людей глаза добрые, а тут зеленые, страшные.

Протянула девочка ей ковшик воды из окошка.

– А чего же ты ворота не откроешь, дверь не отворишь? – спросила старушка.

– Родители не велели, – ответила ей девочка.

– Спасибо за водицу. Возьми яблочко, доченька. Отведай его и братьев своих младших, Ванечку с Илюшенькой угости.

«Откуда она их имена знает? – подумала Настенька. – Не к добру это».

Яблоко было красивое. Только красота эта была холодная, как взгляд у старухи.

Отказалась девочка от яблока, сколь ни уговаривала та его взять.

Ушла Ведьма и спряталась за большое дерево, что росло возле их дома. Мимо пробегал ежик. Хитрая Ведьма положила ему на спину яблоко.

– Понесешь яблоко к своим деткам, но попробуют его другие. Кто отведаст это яблоко, тому есть его не доесть.

Ежик жил во дворе и понес яблоко к ежатам. Смотрят Илюша с Ванечкой – бежит ежик, а на спине у него яблоко красивое. Схватили его и надкусили. Толкаться и драться начали мальчишки. Не заметили, как за ворота выскочили.

Вышла из дома Настенька, а мальчиков и след простыл. Смотрит, яблоко лежит у крыльца.

«Еще лето не началось, а тут яблоко красивое, спелое, будто с ветки сорвали. Не старушка ли яблоко оставила, уж больно похожее», – подумала девочка.

Не стала она его пробовать, положила в карман.

– Ау, Илюшенька! Ау, Ванечка! – стала Настенька братьев кликать.

***

Бегут братья, ссорятся между собой. Едва не сбили с ног старушку в черном.

– Эй, огольцы! Только не пейте воду из болотца, что на краю леса, там ее только овцы пьют. А то пить ее вам не испить, – не успела Ведьма договорить, как бросились к воде братья, глотнули и превратились в двух белых ягнят. – Ну вот, говорила вам, не пейте, не слушаетесь старших-то! А ну, тихо! – попыталась приструнить мальчиков Ведьма. – Съели яблоко раздора и драться начали сразу!

Набросила она им на шеи веревки и поволокла ягнят за собой в лес. Сунула их в мешок Ведьма, забросила за спину. Села на свою метлу и полетела к Бабе-яге.

Глава 4

Баба-яга сидела возле избушки на курьих ножках и на небо поглядывала.

– Низковато летит. Никак с добычей, – заметила Ведьму Баба-яга.

Прилетела на метле Ведьма с ягнятами, вытащила их из мешка и к дереву привязала.

– Ну, спасибо, порадовала старую! – сразу закопшилась у котла возле избушки Баба-яга.

– Может, в печи потушить? – предложила Ведьма.

– Возни много, – ответила Баба-яга.

Не успела она договорить, как над лесом раздался свист.

– Смотри. Не может быть! Никак Змей Горыныч летит? – глянула на небо Ведьма.

– Прячь скорее ягнят в лесу! – завопила Баба-яга. – Змей Горыныч жаден до мяса. Этот проглот все съест один, ничего нам не оставит! – заметалась она.

Только Ведьма уволокла в лес ягнят, как появился Змей Горыныч.

– Здравствуй, Змеюшка Горыныч, – поздоровалась

с ним Баба-яга.

– Здравствуй, старая. Порадуй хоть, попотчуй чем-нибудь дорогого гостя, – с ходу начал Змей Горыныч.

А сам так и рыщет взглядом, чем бы поживиться.

– Потчевать тебя особо нечем, Змеюшка Горыныч.

– Так котел же кипит!

– Так я там траву и мох себе на обед готовлю.

Правая голова у Змея Горыныча повела носом:

– Никак человеченкой пахнет?

– Да нет, – ответила центральная. – Вроде барашком молодым, ягненком.

– Двумя, – добавила левая.

– Откуда же здесь всему этому взяться? – сразу возразила им Баба-яга. – Сейчас я тебе мху отварю, Змеюшка Горыныч.

– Я эту гадость не ем, – скривил рожу Змей Горыныч.

Пока Баба-яга возилась, все три головы заметили яблоки на яблоне, сорвали и тут же их съели.

– Что вы наделали?! – схватила за голову Баба-яга. – Ведь сейчас передеретесь!

Не успела она договорить, как все три головы стали драться между собой. Что тут началось! Деревья с корнем вырывали, котел опрокинули, костровище с огнем расшвыряли. Слава богу, изба была на курьих ножках, успела отскочить.

Устроив полный разгром, Змей Горыныч улетел востояси.

– Вот, пускай гостей в свой дом, – сокрушалась Баба-яга.

Из леса вернулась Ведьма с ягнятами.

– Придется обед отложить, – развела руками Баба-яга, продолжая охать и ахать. – Чтоб пусто ему было, этому Змею Горынычу!

Глава 5

Сколь ни расспрашивала соседей Настенька, братьев Ванечку с Илюшенькой никто не встречал. Дошла она до края леса, где в последний раз их видели, нашла следы братьев возле маленького болотца, да обрывались они у воды. Чует беду Настенька. Расплакалась.

Возвращался в это время добрый молодец. Видит, как обливается горькими слезами девушка – та самая, что по сердцу ему припала, водицы дала испить.

Спрыгнул с коня молодец, подошел к Настеньке.

– Что случилось? Кто обидел тебя, красу ненаглядную? – спросил добрый молодец.

Рассказала она ему о горе своем. Враз вызвался ей помочь добрый молодец. Усадил ее возле себя на коня, и помчались они искать братьев ее младших – Ванечку с Илюшенькой.

Долго ли, коротко ли скакали они по лесу, пока не наткнулись на большое болото. Смотрят – торчит из болота голова. Оставил возле коня Настеньку добрый молодец, подошел к болоту и понял, что это водяной из воды на него глядит.

– Здравствуй, добрый молодец, – говорит ему Водяной.

– И тебе не хворать, – отвечает молодец. – Не видел ли ты двух мальчиков – Иванушку с Илюшенькой?

– Видеть не видел, – отвечает Водяной, – но пролетала ведьма на метле с двумя ягнятами. Больно чело-вечьим духом от них несло.

– А куда она полетела?

– Да к своей подружке, наверное, к Бабе-яге. В той стороне она живет. Больше не к кому.

– Спасибо за весть нужную, – ответил молодец.

– Рад был услужить, – улыбается Водяной. – Возьми в жены какую-нибудь из моих дочерей – русалок, – предложил ему Водяной. – Покоя не дают мне старо-

му, ссорятся меж собой. Выручай, добрый молодец. Я тебе полдворца уступлю. Дочки у меня красавицы, не пожалеешь.

Указал Водяной рукой в воду, а к нему со всех сторон девушки-русалки сплываются – красивые, с распущенными волосами. Смотрят на молодца, не нарадуются, улыбаются. Зовут к себе.

– Так они же с хвостами, – возразил молодец.

– Ну и что? Для болота это не помеха, – ответил ему Водяной.

– Ты мне что, в болоте предлагаешь жить? – удивился молодец.

– А где же еще? Дворец-то у меня на дне болота находится.

– Так у меня же девушка есть, красавица, – указал на Настю молодец.

– Ничего страшного. Бери и ее с собой. Одной утопленницей больше, одной меньше, – предложил Водяной.

– Ну уж нет. Спасибо. Я как-нибудь без русалок обойдусь, – возразил молодец и хотел уйти.

– Ты куда? – остановил его Водяной. – От меня просто так не уйдешь.

Берег вмиг превратился в болото. Хотел добрый молодец шагнуть, да не может – засасывает его в трясину. Крепко держит его руками за ноги Водяной, не отпускает, тащит вниз.

Смотрит Настенька, беда произошла с молодцем. Схватила она первое, что попало под руку – оказалось яблоко, что в кармане было. Кинула Настенька яблоко в голову страшную, торчащую из воды. Отскочило от головы яблоко. Увидели дочери русалки яблоко красивое. Такие сладкие яблоки в болоте не водятся, разве что клюква кислая.

Надкусила одна русалка яблоко, вторая, третья... Что тут началось! Отец еще молодца в болото не затянул, а дочери уже передрались из-за него. Отцу едва всю зеленую поросль на голове не выдрали. Не до молодца Водяному стало, с дочерьми разбирается.

Воспользовался болотной заварухой молодец, выбрался из трясины.

– Спасибо тебе, красавица, спасла меня, – поблагодарил Настеньку добрый молодец. – Пойдем скорее отсюда, из этого болота.

Сели они на коня и ускакали в ту сторону, куда ведьма с ягнятами полетела.

Глава 6

Кряхтя, Баба-яга с Ведьмой с трудом поставили котел на место.

– Сколь времени из-за этого изверга потеряли! – возмущалась Баба-яга. – Хоть бы горяченького супчика с мясом отведать сегодня.

– Ой, успеем ли дотемна-то? – глянула на небо Ведьма

Тут обе заметили летящий ковер-самолет.

– Это кого же к нам несет? – вглядывалась Баба-яга.

– Может, мимо пронесет? – с надеждой произнесла Ведьма.

Ковер-самолет пролетал над ними, когда раздался треск разрываемой ткани.

Из ковра кто-то вывалился прямо на котел с костровищем. Баба-яга с ведьмой едва успели отскочить. Раздался удар, шипение и поднялись клубы пара.

Когда пар рассеялся, Баба-яга с Ведьмой увидели Кошца Бессмертного, собиравшего себя по частям возле костровища.

– Кошечюшка! – восхищенно воскликнула сперва Баба-яга, но тут же спохватилась и с ревностью произ-

несла. – Летел бы ты к своей иностранке, дочери Джина. Чего здесь забыл-то?

– Да вот не долетел, – стал ругаться Кощей Бессмертный. – Ковер-самолет у Джина старый оказался. Расползся подо мной. Чтоб ему пусто было! Я этому Джину тоже чего-нибудь устрою!

– Как поживаешь, Кощеюшка? – спросила его Ведьма.

– Лучше всех! – зло ответил он.

– Это и взаправду так? – переспросила Ведьма.

– Понимай, как хочешь.

– Ты чего такой злой, Кощеюшка? Улыбнулся бы хоть Бабе-Яге. Все же любовь какая-никакая раньше у вас с ней была.

– Я в старух не влюбляюсь, – демонстративно ответил ей Кощей.

– Староват уже, наверное, для них, – съязвила рядом стоявшая Баба-яга. – Ты же бессмертный. Другие в твоём возрасте померли давно.

– Ты полегче, старая. А то ведь могу и разозлиться! – захохотился Кощей. – Если бы ты только видела мою молодую жену, умерла бы от зависти.

– Куда уж тебе до молодой-то. Одна кожа да кости! – рассмеялась Баба-яга.

– Я бессмертный! – закричал Кощей.

Заблеяли привязанные ягнята, прося есть.

– Никак мясо готовишь? – сразу, сбавив тон, спросил Кощей.

– Готовлю, – ответила Баба-яга.

– Угостишь по старой дружбе? – глотнул слюну Кощей.

– Ты же бессмертный. Зачем продукт на тебя перевозить, и так не померешь.

– Я же сказал: по старой дружбе! – повторил Кощей.

– Мясо завтра только к обеду будет готово. Котел уже второй раз за день перевернули и костровище залили, – ответила Баба-яга.

– А в печи?

– Так худая печь-то. Ремонту требует. Подсобил бы деньгами, аль еще как помог.

– Я не печник, – ответил Кощей.

– Я тоже не стряпуха, – заявила Баба-яга.

– Может, и впрямь в печи изготовим? – шепнула Ведьма.

– Так он схватит мясо и улетит на своем ковре-самолете. И поминай, как звали, – ответила Баба-яга.

– Вы там о чем шепчетесь? – спросил Кощей.

– О своем, о девичьем, – ответили ему Баба-яга с Ведьмой.

В небе раздался стрекозиный шелест – вернулся ковер-самолет. Злой и голодный Кощей Бессмертный уселся на него подалеже от дыры и улетел.

– Пошли, Ведьма. Утро вечера мудренее. Отоспимся хоть, – предложила Баба-яга. – Завтра в спокойствии отведаем мяса.

Глава 7

Добрый молодец с Настенькой уже при луне подошли к поляне, посреди которой стояла избушка на курьих ножках и кудахтала.

– Никак избушка Бабы-яги, сказал добрый молодец.

Увидели они двух ягнят, привязанных к дереву. Бросились ягнята к Настеньке, плачут, ласкаются, блеют, словно родные. Гладит их Настенька, а у самой ком к горлу – чувствует родную кровь. Смотрит Настенька в глаза одному:

– У тебя глаза Илюшеньки. Никак это ты, Илюша?! Ягненок так и бросается ласкаться к ней.

– А у тебя Ванечкины!

И второй ягненок к ней льнет.

– Это они, Ванечка с Илюшенькой! Их заколдовали! – воскликнула Настенька.

– Давай заберем ягнят, – предложил добрый молодец, – пока нечистая сила спит, а там дома разберемся.

Смотрит добрый молодец – яблоня растет. Прихватил пару яблок. «Ягнят угостим и сами съедим», – решил он и положил яблоки себе за пазуху. Забрали Настенька с добрым молодцем ягнят, сели на коня и поскакали обратно.

***

Проснувшись утром Баба-яга, глянула в окно, а ягнят-то и нет.

– Караул! Ограбили! – завопила она.

Выскочили из избы Ведьма с Бабой-ягой.

– Никак Горыныч постарался, – сказала Ведьма.

Баба-яга повела носом.

– Человеченкой пахнет, и следы от копыт. Горыныч здесь ни при чем.

С дерева слетела сова на плечо Бабе-яге и наухала ей, кто выкрал ягнят. Баба-яга в ступу запрыгнула, взяла в руки метлу. Следом за ней Ведьма на своей старой метле полетели искать ягнят.

Не столь и долго летели над лесом, как наткнулись на Змея Горыныча.

– Помоги, Горыныч, ограбили! Ягнят увели! – обратилась Баба-яга.

Змей Горыныч протер спросонья глаза. Страсть как кушать хочется.

– Ты же, старая, говорила, что мяса нет. Мох один и эту гадость мне предлагала.

– Грешна, Горыныч. Бес попутал. Спомоги! А то добрый молодец с девицей у нас ягнят увели со двора. Можем и не одолеть богатыря, старые уже. А ты вон какой могучий! Одного ягненка тебе, одного нам!

– Ладно, – сплюнул Горыныч. – Только договор дороже денег.

Полетели они по небу клином: впереди Змей Горыныч, слева на ступе с метлой Баба-яга, справа Ведьма. У Ведьмы метла старая, того гляди рассыпется. Стала отставать. А у Бабы-яги в ступе ветер свищет. Подгнила ступа-то. Отстали они от Змея Горыныча.

Летит Змей Горыныч, а левая голова говорит правой:

– Может, обоих ягнят себе заберем? Чего делить-то?

– Так договор дороже денег, – ответила правая.

– Денег у нас нет, значит, и договора нет, – заявила центральная голова.

– Обоих ягнят себе заберем, – порешили все три головы.

Скачут по лесу добрый молодец с Настенькой. Тут в небе свист раздался – летит, догоняет их Змей Горыныч. Встал поперек дороги:

– Отдай мою добычу! Это мои ягнята! – завопили сразу три головы.

Для острастки центральная голова огнемдохнула, левая – водой, а правая бурю подняла.

– Не бывать по-твоему, – сказал добрый молодец, слез с коня, выхватил меч, сказал Настеньке: – Скажи, красавица, спасай братьев своих, а я уж задержу супостата этого трехголового.

Встал напротив молодец, взмахнул мечом, давая понять, что не возьмешь его просто так. Начали они биться. Силен Змей Горыныч, огнем дышит, водой поливает, бурю нагоняет из своих голов. Но и добрый молодец не зря богатырем слыл. Неизвестно, чья возьмет.

Взмахнул мечом богатырь, выкатилось у него из-за пазухи невзначай одно яблоко и прямо под ноги Змею Горынычу попало. Левая голова не выдержала, надкусила с голодухи яблоко. Две другие вмиг доели остатки. Что тут началось! Правая голова кричит:

– Ягненка два, на три не делится!

Стала левая голова водой заливать центральную, чтоб огнем не дышала в ее сторону, а правая, наоборот, раздувает.

Посмотрел добрый молодец на то, как дерутся головы, сплюнул и пошел туда, куда Настенька ускакала.

А Настенька далеко не отъехала, ждет, переживает за доброго молодца. Глянула, а он идет к ней живой и невредимый.

Подбежала Настенька, расплакалась от счастья, поцеловала доброго молодца. Поцелуй ее для него лучше всякой награды.

Поскакали они в сторону дома. А Баба-яга с Ведьмой догнали Змея Горыныча. Смотрят: все три головы лежат в бессилии. Не поймут Баба-яга с Ведьмой: то ли добрый молодец Змея Горыныча побил, то ли головы сами себя.

– Эх, дуры головы! – не выдержала, выругалась Баба-яга. – Дело-то малое вам доверили и то не справились!

Боятся догонять Ведьма с Бабой-ягой одни доброго молодца на белом коне.

– В молодые годы с любым бы справились, а тут и кости болят, и сноровка не та. Может, Кощей попросим? – предложила Баба-яга. – Кощей жадный, у него жадность эту ничем не вылечишь. Ежель одного ягненка предложить, может и согласится.

– А обоих не хапнет? – спросила Ведьма.

– Не дадим.

– А он и не спросит. Он же бессмертный! И силища у него несметная. Его сам Змей Горыныч боится и Водяной опасается.

– С нами он срамиться-драться не станет, гордость не позовет, – ответила Баба-яга.

Лезят Баба-яга с Ведьмой на ступах по небу, ищут глазами Кощей на ковре-самолете. А он, оказывается, совсем рядом. Расползся у него ковер, Кощей снова из него вывалился. Ошметки ковра дальше улетели.

Подлетели к нему Баба-яга с Ведьмой, объяснили суть дела.

– У нас, Кощейюшка, силы уже не те, а ты бессмертный. Спомоги, отыми у них ягнят. Ты же вон какой сильный!

– Так у меня ковер-самолет прохудился.

– А мы починим, заштопаем, коль споможешь, – заявила Баба-яга.

– А как я найду? Ковер-самолет-то без меня улетел. Где-то в лесу лежит.

– А мы быстро его отыщем. На метле сверху хорошо видать, – ответила Ведьма.

Глава 8

Скачут Настенька с добрым молодцем на коне по лесу. Глянь, а впереди Кощей на дороге стоит, а с боку из-за деревьев Баба-яга с Ведьмой выглядывают.

– Отдайте мне моих ягнят, а то несдобровать вам. Вы знаете, кто я? Я Кощей Бессмертный! – закричал он на весь лес, да так громко, что даже листья, как осенью, с деревьев посыпались.

Но не испугать доброго молодца, не такой он трусливый.

– Не бывать по-твоему, Кощейюшка, хоть ты и бессмертный. Не дам в обиду Настеньку с малыми братьями! – громко ответил ему молодец, выхватил меч свой

обоюдоострый и помчался на коне на Кощей.

Повел рукой Кощей. Вмиг под ним конь появился черный и страшный, как он сам, и меч кривой зазубренный.

Взмахнул богатырь мечом и снес Кощейю голову. Только толку мало: он же бессмертный. Выросла у него новая голова, как огурец на грядке. Не успевает богатырь одну голову срубить, а на ее месте другая вырастает.

Устал богатырь. Кощей так и норовит своим кривым мечом до него добраться.

Злорадствуют Баба-яга с Ведьмой.

– Беги, богатырь, пока не поздно, – кричат ему.

– Ну уж нет! – отвечает добрый молодец. – Не для того я полюбил свою Настеньку, чтобы вам, нечисти поганой, поддаваться.

Расстегнул рубаху добрый молодец, чтобы легче было мечом владеть. Выпало из-за пазухи яблоко и покатило прямо под ноги Кощейю.

Жаден Кощей, а тут яблоко красивое манит его под ногами. Не устоял Кощей, надкусил яблоко с голодухи – со вчерашнего дня ничего не ел. Что тут началось! Как начал кричать Кощей на Бабу-ягу. Все обиды свои вспомнил, выговаривает.

Смотрит богатырь, Кощейю не до него стало.

– Ну и ссорься, а я пошел. Некогда мне с вами возиться, – решил он повернул коня и ускакал восвояси, свою Настеньку догонять.

Ведьма хитрая оказалась. Знала, что не могла Настенька с ягнятами далеко уйти. Здесь где-то за любимого переживает. Пока Кощей с добрым молодцем дрались, Ведьма подлетела тихонько на метле, схватила одного ягненка и улетела.

– Илюшенька! – закричала Настенька.

Только не смогла улететь далеко Ведьма – метла у нее старая, взяла и рассыпалась. Упала с неба Ведьма со всего размаха прямо под ноги доброму молодцу.

– И куда же ты с такой поклажей собралась? – кивнул богатырь на ягненка.

– Пощади, добрый молодец! – взмолилась Ведьма. – Я расскажу, как ягнят обратно в Илюшеньку с Ванечкой вернуть.

Тут как раз и Настенька бежит вся в слезах.

– Говори, старая! – велит Ведьме добрый молодец.

– Нужно чистой ключевой водой их напоить и отмыть. А то попили они водицы с овечьего болотца, вот и превратились в ягнят.

– А это вам за доброту вашу, – протягивает богатырю и Настеньке по яблоку Ведьма.

– Не бери яблоко! – говорит Настенька. – Это хорошие яблоки, колдовские. С них все и началось. Это яблоки раздора. Выкинули на подальше Настя с добрым молодцем и прогнали Ведьму прочь.

Вышли добрый молодец с Настенькой из леса, вымыли ягнят, напоили их ключевой водой. Превратились ягнята в Ванечку с Илюшенькой, не нарадуются.

– Во всем тебя слушаться будем, сестрица наша Настенька, и ссориться никогда не станем, – сказали братья.

Вскоре приехали из города родители Настеньки. Добрый молодец свататься пришел в их дом. Не стали родители противиться любви своей дочери, выдали замуж Настеньку за доброго молодца-богатыря.

Тут бы и сказке конец. Много лет прошло с тех пор. Народ давно уже забыл про нечистую силу, что в лесу водилась. Только вот изредка нет-нет да и найдет кто-нибудь яблоко раздора. Поест и ссорится попусту. А не надо бы.

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

МАЙ 2018

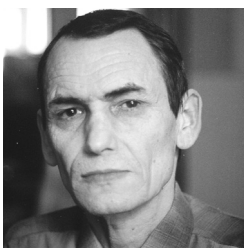
4 мая – 240 лет назад родился государственный деятель, литератор Михаил Леонтьевич Магницкий (4.05.1778, г. Москва – 2.11.1844, г. Одесса). Служил в Вене, Париже, Петербурге, Воронеже, Казани. В 1817 – 1819 гг. был симбирским гражданским губернатором. Жил в Вологде и Одессе. Автор «Печальной песни на кончину Императорского московского университета куратора И.И. Мелиссино» (1795), остроумных записок и философских статей. Писал стихи, несколько из них опубликовано в сборнике «Аонида» под редакцией Н.М. Карамзина.

12 мая – 85 лет со дня рождения поэта и публициста Андрея Андреевича Вознесенского (12.05.1933, г. Москва – 1.06.2010, там же). Автор более 50 сборников стихов, поэм, мемуарной прозы и публицистики, около 100 его стихотворений стали песнями. Лауреат Государственной премии СССР (1978). Был проездом в Ульяновской области в августе 1958 года, когда участвовал в церемонии открытия Куйбышевской ГЭС, и в июне 1995 года по дороге в Самару, где принял участие в фестивале искусств «Из века XX в век XXI».

25 мая – 110 лет назад родилась поэтесса Ольга Алексеевна Скопиченко (25.05.1908, г. Сызрань Симбирской губ., ныне Самарской обл. – 12.05.1997, г. Сан-Франциско, США). В некоторых источниках местом рождения указан Симбирск. После революции жила в Харбине и Шанхае. С 1950 года занималась литературной и общественной деятельностью в Сан-Франциско. Автор поэтических сборников «Родные порывы» (1926), «Будущему вождю» (1928), «Путь изгнанника» (1932), «Неугасимое» (1953), «Рассказы и стихи» (1994) и др.

25 мая – 65 лет со дня рождения поэта Бориса Васильевича Морозова (25.05.1953, с. Сара Сурского р-на Ульяновской обл. – 17.08.2016, г. Ульяновск). Работал инженером Сурского информационно-вычислительного центра (1973-87). Публиковался в газетах «Сурская правда», «Димитровград-Панорама», «Ульяновская правда», в сборниках «Отражение души», «Мы и время». Автор слов гимна Сурского района (2015). С 2003 года жил в Ульяновске. Не раз побеждал в городском конкурсе инвалидов «Я люблю этот мир» в номинации «Поэзия».

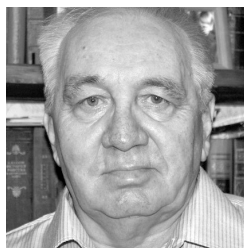
26 мая – 80-летний юбилей отмечает прозаик, поэтесса и драматург Людмила Стефановна Петрушевская (р. 26.05.1938, г. Москва). В годы войны, отправляясь с семьей в эвакуацию в Куйбышев (ныне г. Самара), была проездом в Ульяновской области (станции Инза, Базарный Сызган, Барыш, Кузоватово). Окончила факультет журналистики МГУ. Автор романов, повестей, сказок, пьес и стихов. Член Союза писателей СССР (1977). Лауреат Государственной премии России (2002), Буинской премии (2008) и др. Живет в Москве.

27 мая – 115 лет со дня рождения поэта Иосифа Павловича Уткина (27.05.1903, ст. Хинган КВЖД, ныне уезд Якэши, Китай – 13.11.1944, похоронен в Москве). Жил и работал в Иркутске и Москве. Автор книг «Первая книга стихов» (1927), «Публицистическая лирика» (1931), «Стихи о войне» (1933), «О Родине. О дружбе. О любви» (1944) и др. Проезжал по нынешней территории Ульяновской области в сентябре 1941 года, когда в бою под Ельней получил ранение и был отправлен в санитарном поезде на лечение в Ташкент.

28 мая – 120 лет назад родился поэт и переводчик Алексей Петрович Дураков (28.5.1898, с. Дураково-Черкасское Пензенской губ. – 12.08.1944, д. Прогар, Югославия). Окончил Симбирский кадетский корпус (1917). Плавал на крейсере «Орел», жил в эмиграции. Во время войны участвовал в партизанском движении. Стихи писал с 1921 года, печатался в сборниках и журналах Парижа, Праги, Выборга. Участвовал как переводчик в «Антологии новой югославянской лирики» (Белград, 1933). Сборник стихов остался неизданным.

30 мая – 75 лет исполняется писателю Николаю Алексеевичу Полотнянко (р. 30.05.1943, пгт. Тальменка Алтайского края). Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг стихов и прозы: «Братина» (1977), «Круги земные» (1989), «Симбирский временник» (2003), «Государев наместник» (2007), «Клад Емельяна Пугачева» (2009) и др. Лауреат премии им. И.А. Гончарова (2008). Награжден медалью Н.М. Карамзина (2011), орденом Ф.М. Достоевского (2014), член Союза писателей России. Живет в Ульяновске.

300 лет со дня рождения русского государственного деятеля, драматурга Дмитрия Васильевича Волкова (1718, с. Воскресенское Рузского у. Московской губ., – 1785, с. Крест Вележского у. Витебской губ.). По другим сведениям, родился в 1727 году. В царствование Екатерины II был оренбургским губернатором, генерал-полицмейстером С.-Петербурга. В 1767 году сопровождал императрицу в ее путешествии по Волге на галере «Тверь», 5-8 июня находился в Симбирске. Автор комедии «Воспитание», пьесы «Народное игрище» (1774).

205 лет назад родился протоиерей, духовный писатель и педагог Игнатий Федорович Фармаковский (1813, Симбирская губ. – 18.2.1873, г. Вятка, ныне г. Киров). Учился в Казанской духовной семинарии и С.-Петербургской духовной академии. Служил в Спасском соборе в Вятке, был редактором «Вятских епархиальных ведомостей». Автор трудов «О первоначальном появлении раскола в Вятской губернии», «Некоторые сведения о книгах Нового Завета», «О Евангелиях», «Два замечательных случая из быта вятских крестьян» и др.

175 лет со дня рождения писателя, переводчика, путешественника и натуралиста Василия Михай-

ловича Сидорова (1843, ? – 1903, ?). Автор сборника «Стихотворения и драматические поэмы», опубликованного под псевдонимом В. Отрадин (1890). Путешествовал по России, во время плавания на пароходе по Волге посетил Симбирск. В 1894 году издал книгу «Волга. Путевые заметки и впечатления. От Валдая до Каспия», в которой подробно описал увиденные им достопримечательности Симбирска. Город показался ему скучным и унылым.

145 лет назад родился публицист, духовный писатель, епископ Михаил, в миру – Павел Васильевич Семенов (1873, г. Симбирск – 9.11.1916, г. Москва). Окончил Симбирскую духовную семинарию (1895). Учился в Москве и Казани, служил в Воронеже и Санкт-Петербурге. В 1907 году перешел в старообрядчество. Автор романа «Второй Рим», повестей «На заре христианства», «Горящий огнем», «Великий разгром», «Боярыня Морозова», исторической драмы «Уставший царь» и др. В последний раз был в Симбирске в 1916 году.

140 лет назад родился поэт-самоучка Тимофей Федорович Аверьянов (1878, Симбирская губ. – 1958, г. Ульяновск). Родился в деревне, заявлял, что сам крестьянин и жизнь крестьянина, дух его и веру знает отлично. Трудился рабочим столярной фабрики Кудрявцева в Симбирске. Писал стихи, публиковался в местных газетах. Участник установления Советской власти в Симбирской губернии. Член Сызранского и Симбирского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

130 лет со дня рождения поэта и художника Петра Петровича Бунакова (1888, г. Москва – ?, г. Куйбышев, ныне Самара). Публиковал стихи и рассказы для детей в московских изданиях «Женская жизнь», «Журнал для хозяек», газете «Беднота». Работал в Симбирском отделении «Окна РОСТА», несколько стихов напечатал в «Сборнике стихотворений» с предисловием Иосифа Варейкиса (Симбирск, 1920). В 1930 – 1940 годах жил и работал в Самаре. Автор книг «Из тьмы к свету» (1917), «И стихом, и прикладом по фашистским гадам» (1942) и др.

120 лет назад родился публицист, организатор литературного процесса Александр Владимирович Швер (1898, с. Базарный Карабулак Вольского у. Саратовской губ. – 14.04.1938, г. Хабаровск). Окончил 2-ю гимназию в Симбирске (1916), учился в Казанском университете.

Участник революционных событий в Симбирске, в 1920-е годы возглавлял в городе ряд газет и журналов. Автор книги «Семья Ульяновых в Симбирске. 1869

– 1887» (Ленинград, 1925). Участвовал в работе 1-го съезда писателей в Москве (1934). Необоснованно репрессирован.

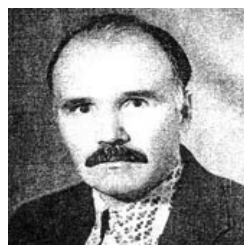
100 лет со дня рождения поэта и литературоведа Николая Васильевича Банникова (1918, с. Селезневка Вятского у. Вятской губ., ныне Зуевского р-на Кировской обл. – 1996, г. Москва). Был главным редактором газеты «Литературная Россия». Член Союза писателей СССР (1962). Автор

сборника стихов «Красная глина» (1964). В 1980 годах приезжал в Ульяновск, встречался с председателем писательской организации А.М. Наумовым, поэтом и художником Л.Н. Нецветаевым. Посетил Ульяновский областной художественный музей.

95 лет назад родился прозаик и путешественник Олег Григорьевич Чистовский (1923, г. Петроград, ныне С.-Петербург – 2003, там же). Окончил Ленинградское военно-топографическое училище (1942), работал в институте «Ленгипрогор». Не раз бывал в Ульяновске, вел топографическую съемку окрестностей

города. В 1973 году посетил село Ундоры. Автор книг «Записки топографа», «Грибы-целители», «Знакомые незнакомцы», «Своими глазами», очерка «В Ундоровских горах» и др. Член Союза писателей СССР (1968).

90 лет со дня рождения журналиста и писателя Насибуллы Хаснулловича Тумакова (1928, с. Аллагулово Ульяновского округа Средне-Волжской обл., ныне Мелекесского р-на Ульяновской обл. – ?.12.2008, пос. Ишеевка Ульяновской обл.). Работал печником, слесарем, мастером, снабженцем, заведовал клубом и нефтебазой. Жил в Ишеевке. Автор книг «Сквозь века и годы», «Ишеевка – наш общий дом», «Сказки ишеевского леса», «Ишеевцы в боях за Родину», «Ишеевские рассказы», «Мозаика жизни» и др. Член Союза журналистов России.

80 лет назад родился прозаик, переводчик и поэт-баснописец Виктор Петрович Сысуев (1938, с. Богдановка Кинельского р-на Куйбышевской, ныне Самарской обл. – 30.12.2011, г. Димитровград). Окончил школу в с. Никольское-на-Черемшане (1956), Ульяновский сельскохозяйственный институт. Работал в объединении «Сельхозхимия», был членом Димитровградской писательской организации. Автор поэтического переложения «Слова о полку Игореве» (2004), книги очерков и рассказов «От генерала до ефрейтора» (2006).

60-летний юбилей отмечает поэт и бард Виктор Владимирович Варламов (р. 1958, г. Ульяновск). Окончил Московский архитектурный институт (1983). С 1990 года работал главным архитектором в городе Пущино Московской области. Более 20 лет занимается строительством и реставрацией храмов в Подмоскowie, Рязанской и Ярославской областях. Стихи и песни пишет с 1982 года. Лауреат Московского областного конкурса авторской песни «Пою Богу моему» (2007). Провел творческие вечера в Звездном городке, Доме ученых и т.д.

*Рубрику ведет
Николай Марьянин, поэт и краевед.*

ПОЭЗИЯ ЮБИЛЯРОВ МАЯ

Михаил МАГНИЦКИЙ (1778 – 1844)

ВСЕ ПЕЧАЛЬНО БЕЗ ТЕБЯ

Сердце сохнет, унывает,
Все томится, все вздыхает;
Кровь кипяща охладела,
Радость жизни отлетела;
Все печально без тебя!

Птички песни прекратили,
Крылья томно опустили;
И на веточках стоняют,
И в кусточках воздыхают;
Все печально без тебя!

Тихо воды протекают
И по травке не играют;
Резвый зефир утихает,
В рощах эхо умирает;
Все печально без тебя!

Роза ала увядает,
Лист румяный опадает;
Не играет с ветерками,
Не живится ручейками;
Все печально без тебя!

В поле травка засыхает
И рососою не блистает;
Липка тени не бросает,
Лес зеленый унывает;
Все печально без тебя!

И амуры легкокрылы,
И амуры нежны, милы
По цветочкам не порхают,
Сидя плачут, воздыхают;
Все печально без тебя!

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ (1933 – 2010)

ИСПОВЕДЬ

Ну что тебе надо еще от меня?
Улыбка темна. И чугунна ограда.
Я музыка горя, ты музыка лада,
ты яблоко ада, да не про меня!

На всех континентах твои имена
прославил. Такие отгрохал лампыды!
Ты музыка счастья, я нота разлада.
Ну что тебе надо еще от меня?

Смеялась: «Ты ангел?» – я лгал, как змея.
Сказала: «Будь смел» – не вылезил из спален.
Сказала: «Будь первым» – я стал гениален,
ну что тебе надо еще от меня?

Исчерпана плата до смертного дня.
Последний горит под твоим снегопадом.
Был музыкой чуда, стал музыкой яда,
ну что тебе надо еще от меня?

Но и под лопатой спою, не вина:
«Пусть я удобренье для божьего сада,
ты – музыка чуда, но больше не надо!
Ты случай досады. Играй без меня».

И вздрогнули складни, как створки окна.
И вышла усталая и без наряда.
Сказала: «Люблю тебя. Больше нет сладу.
Ну что тебе надо еще от меня?».

* * *

Почему два великих поэта,
проповедники вечной любви,
не мигают, как два пистолета?
Рифмы дружат, а люди – увы...

Почему два великих народа
холодеют на грани войны,
под непрочным шатром кислорода?
Люди дружат, а страны – увы...

Две страны, две ладони тяжелые,
предназначенные любви,
охватившие в ужасе голову
черт-те что натворившей Земли!

Ольга СКОПИЧЕНКО (1908 – 1997)

* * *

Шагами тихими пришла усталость
И сединой запудрила года...
Звездой яркой ты для нас осталась,
Звездой, не гасимой никогда.

Мы имя русское как ладанку носили,
Мы Родину иконой пронесли,
И много раз у Господа просили
Покой и счастье для родной земли.

Пусть нам осталось вечное изгнание,
Пусть не свершится чудо из чудес,
Пусть никогда не прошумит над нами
Наш темный, смолами дышащий лес.

Пускай для нас изгнание не минет,
Не примут нас родимые поля,
Но даже смерть надежду не отнимет,
Что русской станет русская земля.

ПОСЛЕДНЕЕ

Мы знаем, что слезы и боль не помогут,
Без Родины юные годы прошли...
Великие таинства, данные Богом,
Истрачены нами для чуждой земли.

И вот, мы не падаем. Просто без стога
Пытаемся в жизни бодрее идти,
И наша страна чудотворной иконой
Мерещится нам на тяжелом пути.

И если на Родину выведут тропы
Бесчисленных наших потерь и побед,
Мы ей отдадим, как последнее, опыт
Скитальческих темных и трепетных лет.

У Родины нашей попросим немного:
За наши печали, за боли, за страх –
Попросим, смиренные, именем Бога
Земли для могилы в родимых полях.

Борис МОРОЗОВ (1953 – 2016)**ОТЧИЙ ДОМ**

Вот уже иней в траве серебрится,
Кончилось красное лето давно...
Утром осенним гостья-синица
Вдруг постучала нежданно в окно.
Глянула в комнату робко, несмело,
Рамы оконной касаясь крылом,
Взгляд мой нашла и, вспорхнув, улетела,
Скрылась за старый родительский дом.
Я этот дом, где светло и уютно,
Дом, где натоплена русская печь
И где с синицей мы встретили утро,
Буду до смерти любить и беречь.

ЧЕРНАЯ ПТИЦА

Черной птицей тревога
В сердце бросила тень,
У родного порога –
То ли ночь, то ли день.
Прилетела откуда?
Вижу знаки во сне...
Но не радость, не чудо –
Это тризна по мне.
Кто ты, черная птица,
Залетевшая в дом,
Как смогла поселиться
В гордом сердце моем?
От небес откровенья
Жду с надеждою я:
Ты мое исцеленье
Иль погибель моя?
Но виденьем крылатым
Ты уносишься прочь:
То ли ангел была ты,
То ли демона дочь?
Болью тяжкого груза
Мой исход предрешил...
Или ты просто муза
Моей грешной души?

Людмила ПЕТРУШЕВСКАЯ (р. 1938)

* * *

ничто не мешает Моцарту
с его абсолютным слухом

во время чужой музыки
когда торжественно молятся
флейты и лютни

испытывать муки

и хотя бы одним ухом
прислушиваться

как во внутреннем
сидящем в печенках
вольере

от этого дивного пения
флейт и лютни
проснувшись

крыса
по кличке сальери

откинула люк
и
кинулась грызть душу его
бедного гения

* * *

день
есть кратковременное
опровержение
ночи

победа
это

ослабление мощи

одного лишь отца
зовут «Отче»

и только от немощных
остаются мощи

Иосиф УТКИН (1903 – 1944)

ПЕСЕНКА

Подари мне на прощанье
Пару милых пустяков:
Папирос хороших, чайник,
Томик пушкинских стихов...

Жизнь армейца не балует,
Что ты там ни говори!..
Я б хотел и поцелуй
Захватить, как сухари.

Может, очень заскучаю,
Так вот было бы в пути
И приятно вместо чаю
Губы теплые найти.

Или свалит смерть под дубом.
Все равно приятно, чтоб
Отогрели твои губы
Холодеющий мой лоб.

Подари... авось случайно
Пощадят еще в бою,
Я тогда тебе и чайник,
И любовь верну свою!

ЗАТИШЬЕ

*«Он душу младую в объятиях нес...»
М. Лермонтов*

Над землянкой в синей бездне
И покой, и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет –
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, с немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг..
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

Алексей ДУРАКОВ (1898 – 1944)

* * *

Ты – хаос, смутная душа,
Живешь в обманчивом покое,
Как храм, где, грохот утиша,
Дымятся павшие устои.

Се в храм ворвался вихря стон
В сопутствии землетрясения,
И осквернен, и заглушен
Привычный чин богослуженья.

Все, все смешалось: свет и мрак,
Жар душный с веяньем прохлады,
И падают, как легкий злак,
Разрушенные колоннады.

И к небесам, пославшим ад,
В одну струю несчастьем свиты,
Восходят смрад и аромат,
Покинув жертвенник разбитый.

1926

МОСТ

Небес нерукотворный плат
Расшит нездешними цветами,
И пламя выплеснул закат,
Подобный гневной орифламме.

Стальную спину изогнув,
Мост грузно прянул над Дунаем,
К брегам темнеющим прильнув,
Водю черной отражаем.

Еще стрекочут молотки,
И сталь дрожит в последних муках.
Гудят вечерние гудки
Средь лязга, скрежета и стуков.

Мост в электрических огнях
Поет, гремит в дымах морозных,
Как весть о новых временах,
И героических, и грозных.

1935

Николай ПОЛОТНЯНКО (р. 1943)

* * *

Пусть прошлое туманно и неблизко,
Печаль о нем торжественно светла.
На площадях и улицах Симбирска,
Прислушайся, звонят колокола.

Прислушайся! Восходит звон из глуби.
Что ни удар, то отзовется год.
И от волненья пересохнут губы.
И память горькой скорбью обожжет.

Мы часто на решенья были скоры,
Беспамятны... Но ты нас не кори,
Былой Симбирск... Звонят твои соборы,
И тенями встают монастыри.

И кладбища, что скрыты под бетоном
Дорог и зданий, явственно видны.
Симбирск! К твоим истокам и иконам,
Настанет час, и припадут сыны.

* * *

Унылый город,
Тени тополей,
Как привиденья, мечутся во мраке.
Я буду помнить до скончания дней,
Как лают на людей твои собаки.

Я буду помнить Волгу и Венец,
Где сердце от простора встрепетало.
В глазах твоих правителей свинец,
И белый саркофаг мемориала.

Иду под сенью гончаровских лип
И глубоко вздыхаю всею грудью.
О, как я не свихнулся, не погиб
В твоём угрюмо-каменном безлюдье!

Но, слава богу, не погас огонь,
Хотя судьба сторела, словно порох.
Жизнь пролетела в топоте погонь,
Пустых страстях, никчемных разговорах.

Унылый город,
Невеселый путь.
Как злобно лают мне вослед собаки.
В глазах роятся нечисти и страхи,
Которые меня переживут.

Василий СИДОРОВ (1843 – 1903)

ВОЛГА

Я знаю, что в воды родимые
Глядеть любит солнце высокое,
Что в волны реки светло-синие
Лицо свое месяц широкое
Купает в те ночи прозрачные,
Что дымкой рядятся серебряной,
Что тени под скалами мрачными
Кладут полосой неуверенной.
Я знаю, что с лямкой по берегу
В поту по песку раскаленному
Тянули в волнах баржи грузные
Крестьяне, тоской удрученные.
Я знаю, что волны холодные
Глотали неправого, правого...
Что прежде здесь песни свободные
Звучали до морюшка самого.
Я знаю, что бури прегрозные
Над Волгой великой носились,
Что жалобы горькие, слезные,
Из келий на волю просились.
Я знаю, из чащи березовой
Не выпорхнет птица чудесная,
С зарею вечернею розовой
Звезда не блеснет неизвестная.
Но знаю, что вечно свободная
Бежит она в море далекое,
Что русскою, вечно народною
Останется Волга широкая...

Петр БУНАКОВ (1888 – ?)

ВСТРЕЧА МАЯ

Ароматен воздух чистый.
Весел бег весенних вод.
На лужайке бархатистой
Дети водят хоровод.

– Мы поем легко и дружно
Красоту полей, небес,
Книжных сказок нам не нужно –
Сказки нам расскажет лес.

Веселей шумите, травы!
Как мы ждали, стерегли,
Как в глубокие канавы
Опускали корабли...

Корабли, пуская, пели:
– Ты играй, ручей, играй,
Много солнышка в апреле,
Но желанней сердцу май...

Ты катись, ручей веселый,
Ты скажи, что всех зовут,
Пусть жуки, букашки, пчелы
К нам в корабликах плывут...

Как метель ни ворожила,
Сил не стало у зимы.
Стайка мошек закружила
Хороводы, как и мы...

Ландыш нежится счастливый,
Звон стоит от птичьих стай...
Здравствуй, шумный, шаловливый,
Беззаботный месяц май!

Ароматен воздух чистый.
Весел бег весенних вод.
На лужайке бархатистой
Дети водят хоровод.

Николай БАННИКОВ (1918 – 1996)

СОБАКИ

На двориках, за кривеньким забором,
Кудахчут куры, сушится табак...
И на цепи привязанные своры
Вздохмаченных сторожевых собак.

Щеколдой звякнут чуть – и эти звери
В вонючих ключьях шерсти и репьях
С свирепым лаем прыгают на двери,
Давясь ошейником и тяжело хрипя.

Тяжелый жир пельменей, кипень сала,
Добро, не кладенное на весы,
И сочный сон хозяев охраняло
Рычанье псов в полночные часы.

Теперь не вешает замков лабазник
У низких лавок на исходе дня,
Не пьют меда в первопрестольный праздник
И оскудела темная родня...

На двор, объятый тишиной и ленью,
Хозяин вышел, темнолик и хмур, –
В поленице считает он поленья
И перещупывает сонных кур.

А вечером у ситцевых подушек,
Под Богородицей, среди засохших верб
Он думает, шепча о грешных душах,
Что жизнь, как месяц, сходит на ущерб.

ПЕРЕД СНЕГОМ

Осень таинственна и строга.
Черного дуба оленье рога.

Птичьи следы и тропинки в воде.
Ржавая глина подобна руде.

Липы и вяз обступили овраг.
Исподволь всюду сгущается мрак.

Лишь пламенеют на две версты
В огненно-красном наряде кусты

И в узловатых сплетениях крон
Слышатся хриплые крики ворон.

Белка бесшумно бежит по сосне.
Все цепенеет. Мир в полусне.

С кленов последний листочек исчез.
Дымное небо. Замолкнувший лес.

Виктор СЫСУЕВ (1938 – 2011)

ГЛОТОК ВОДЫ

Он воду пил из Эльбы, Вислы,
Дунай он видел голубой –
Советский воин-победитель,
С войны вернувшийся домой.

Он зачерпнул воды из Волги,
Он вытер пот с лица рукой,
И путь ему казался долгим,
И сладким воздух был родной.

Цвела сирень в начале мая,
Струилась волжская вода,
Вкусна была вода речная,
Не пил вкуснее никогда!

СУМЕРКИ

*Из Джорджа Байрона
(перевод с английского)*

Тот час наступает, когда соловей
Протяжно и громко поет из ветвей;
Влюбленные пары повсюду видны;
Любовные клятвы и шепот слышны.

И ветер несильный, и зеркало вод
Чаруют, как музыка, как хоровод.
И каждый цветочек росой окроплен,
Как звезды осыпали весь небосклон.

Все глубже синее. И в быстрых волнах
Коричневый отблеск возник. На листьях,

На небе высоком легла темнота,
Багряна, прозрачна, мягка и чиста.

И с нею закат уплывает долой,
И сумерки тают под светлой луной.

Виктор ВАРЛАМОВ (р. 1958)

МАТЬ РОССИЯ

Канет в ночь снегопад,
нет преград в темноте для стихии,
Завьюжит по полям,
приморозит ветлу над Окой:
Сколько шел я к тебе
сквозь снега и пургу, мать Россия,
Чтоб к ладоням твоим
вдруг припасть охлажденной щекой!

Сколько минуло верст,
сколько дней листопадом укрыло,
Сколько дум и тревог
я с собой прямо в сердце носил,
Но на вьюжном пути
это сердце к тебе не остыло
И искало тебя
из последних растерянных сил.

Где б судьба ни вела,
по каким неизвестным дорогам,
Всюду помнил одно
и шептал я в тиши по ночам:
Даже если сорвусь,
ты спасешь, ты придешь на подмогу,
Снег ли, дождь ли струят
небеса по лицу и плечам.

ЗДРАВСТВУЙ, МИЛАЯ РОДИНА

Вьются чайки над берегом у темнеющих скал,
Я вернулся на Родину, я ступил на причал...
Сколько песен растаяло в бурунах за кормой:
Здравствуй, милая Родина, я вернулся домой.

Растерялись названия городов и долин,
Позабылись сияния запредельных вершин...
Все исчезло, растаяло в бурунах за кормой:
Здравствуй, Родина светлая, я вернулся домой.

Обжигали пожарища, холодила зима,
Сколько верных товарищей проверяли шторма...
Сколько искренней радости да натруженных рук:
Здравствуй, Родина верная, мой надежнейший друг.

Промелькнули, как пристани, золотые года,
Все взяла безграничная голубая вода...
Вьются чайки крикливые в синеве за кормой:
Здравствуй, добрая Родина, я вернулся домой.

Сединой припорошены борода да виски,
Познавали мы весточки то беды, то тоски...
Все исчезло, растаяло в бурунах за кормой:
Здравствуй, матушка Родина, я вернулся домой.

Подборку составил Н. Марьянин